

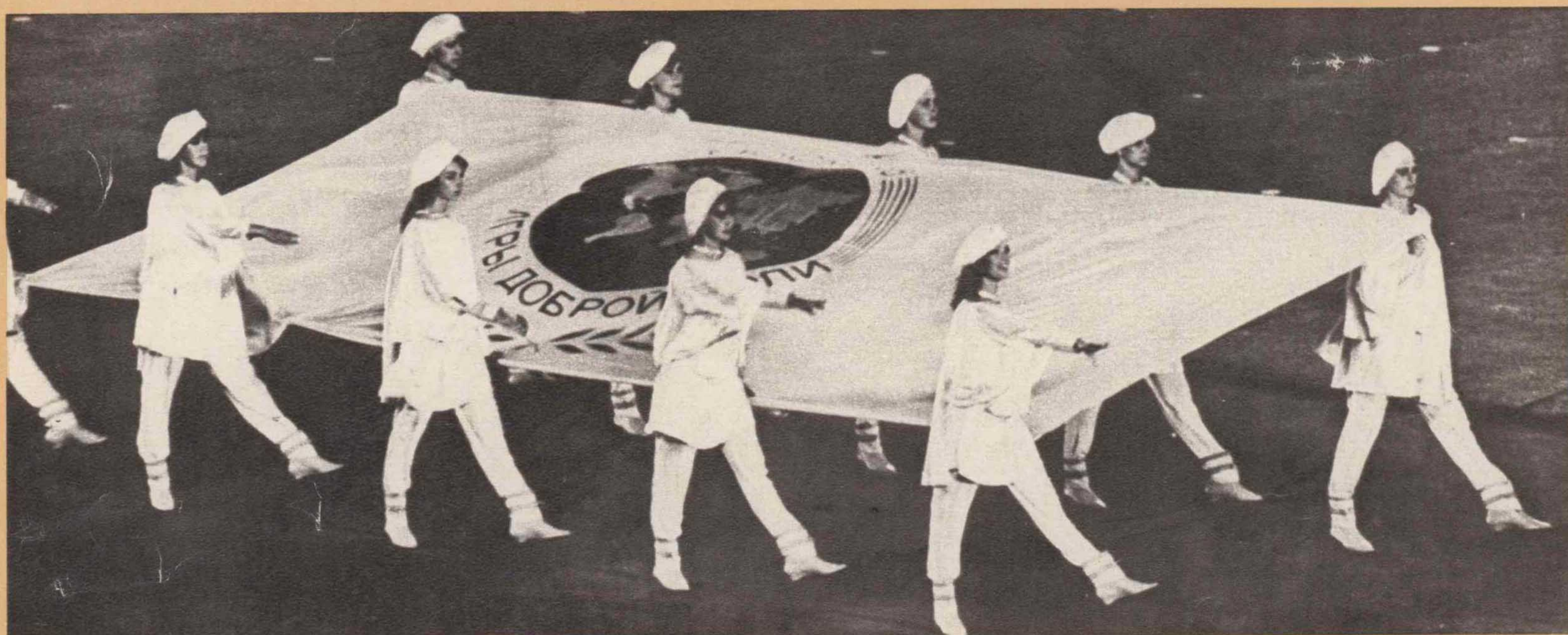
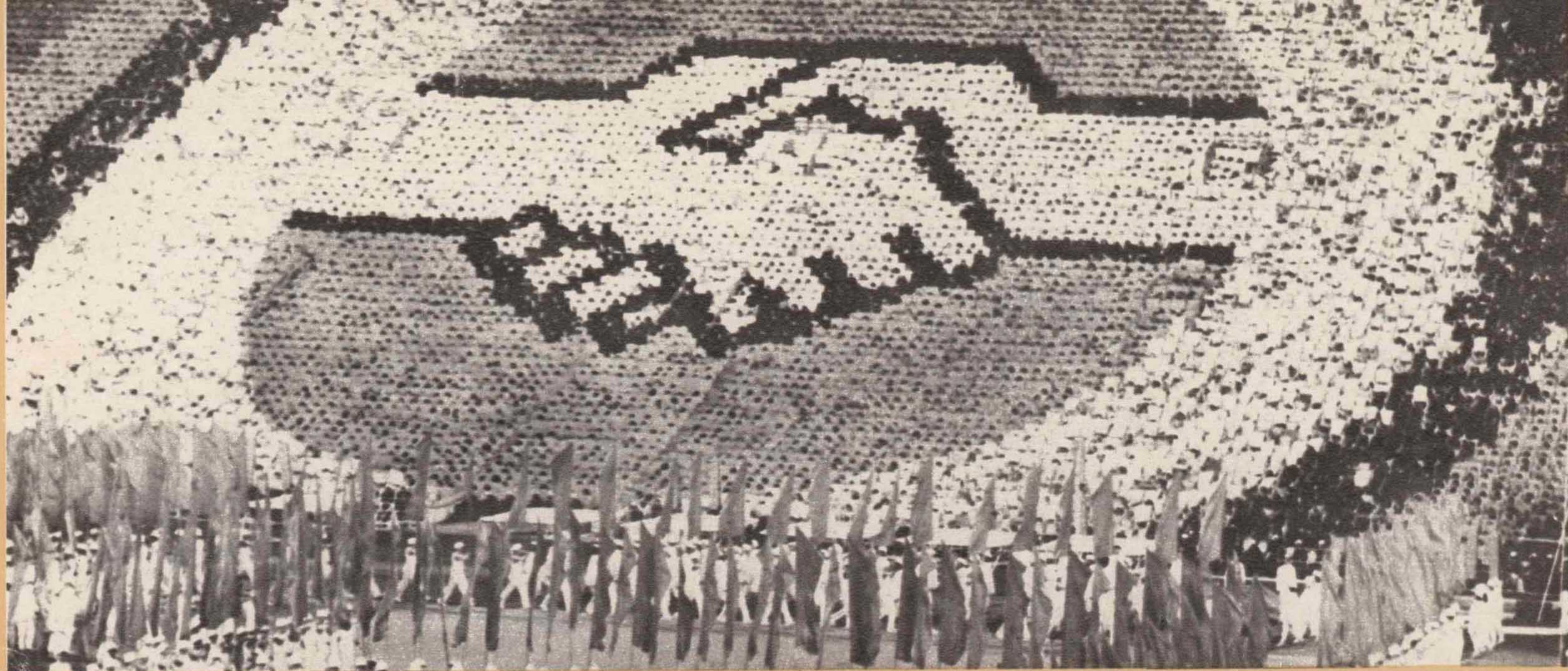
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1986

МИР —
ДОБРОЙ ВОЛЯ

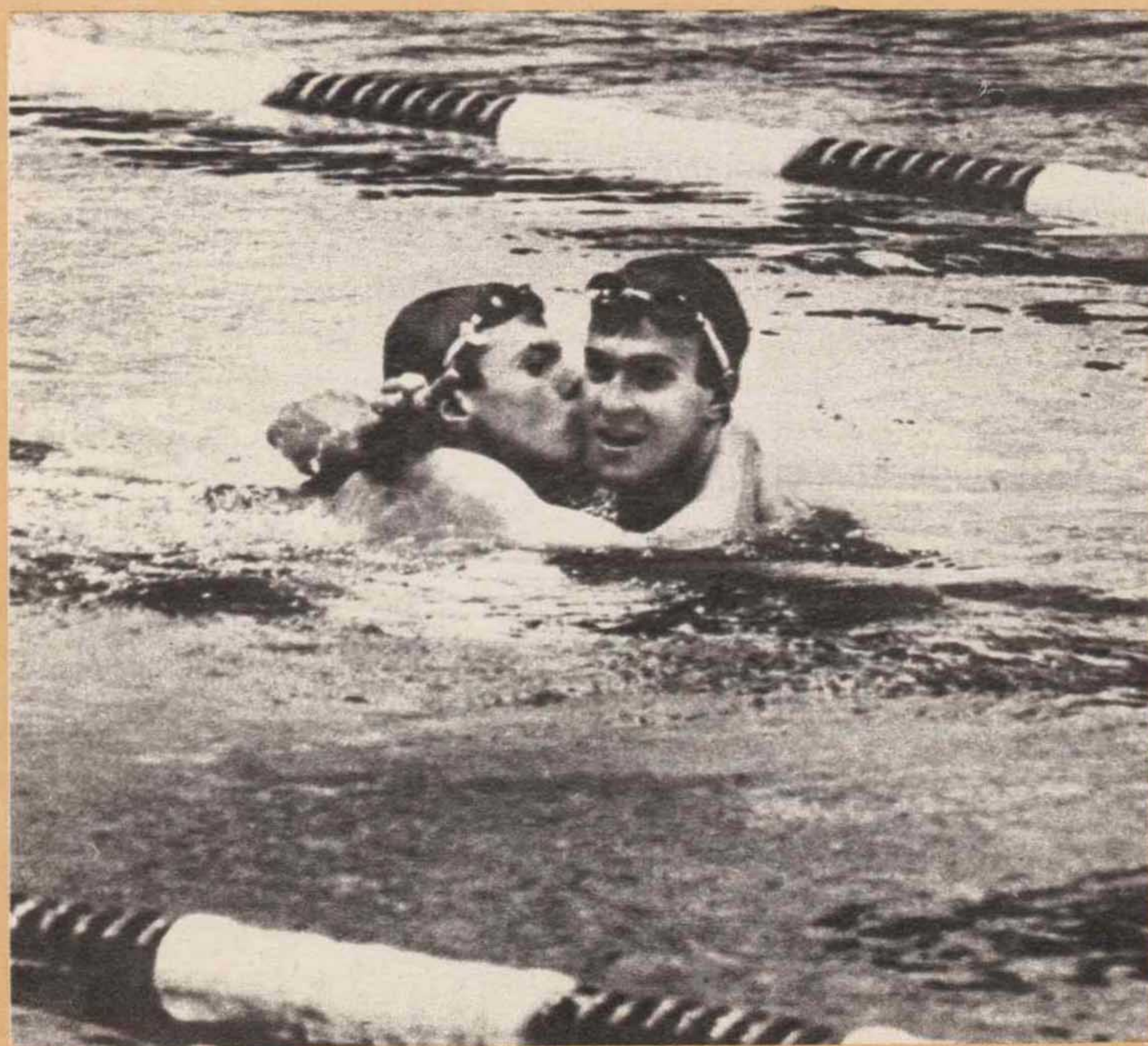

Торжественное открытие Игр доброй воли.

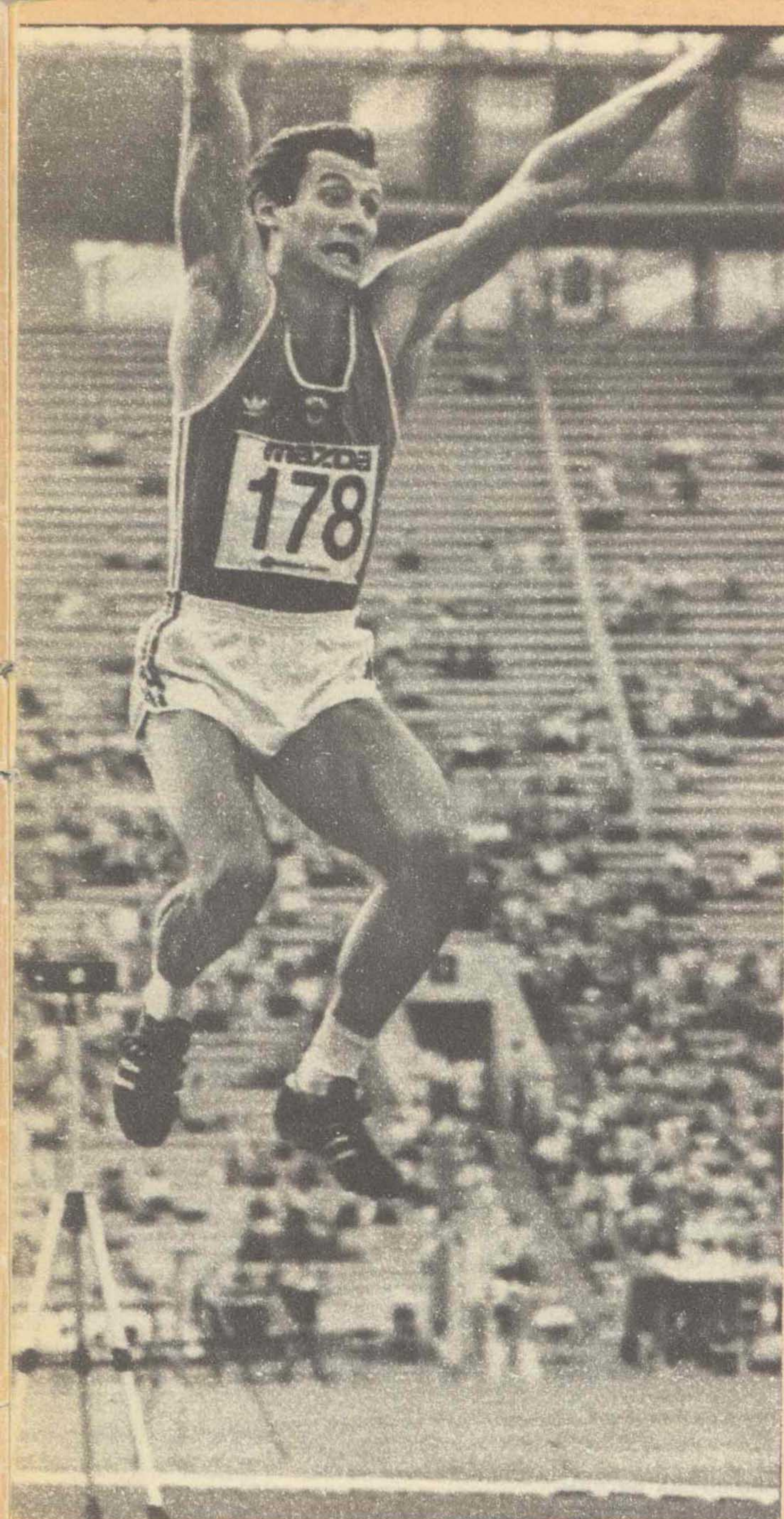
ОТ ДРУЖБЫ В СПОРТЕ — К М

Владимир Сальников принимает поздравление.

На пьедестале почета призеры бега на 100 метров. В центре — победительница американка Эвелин Эшфорд. Слева от нее Хайке Дрекслер (ГДР), справа — Эльвира Барбашина (СССР).

Советский спортсмен Роберт Эмилян прыгнул на 8 метров 61 сантиметр. Это рекорд Европы.

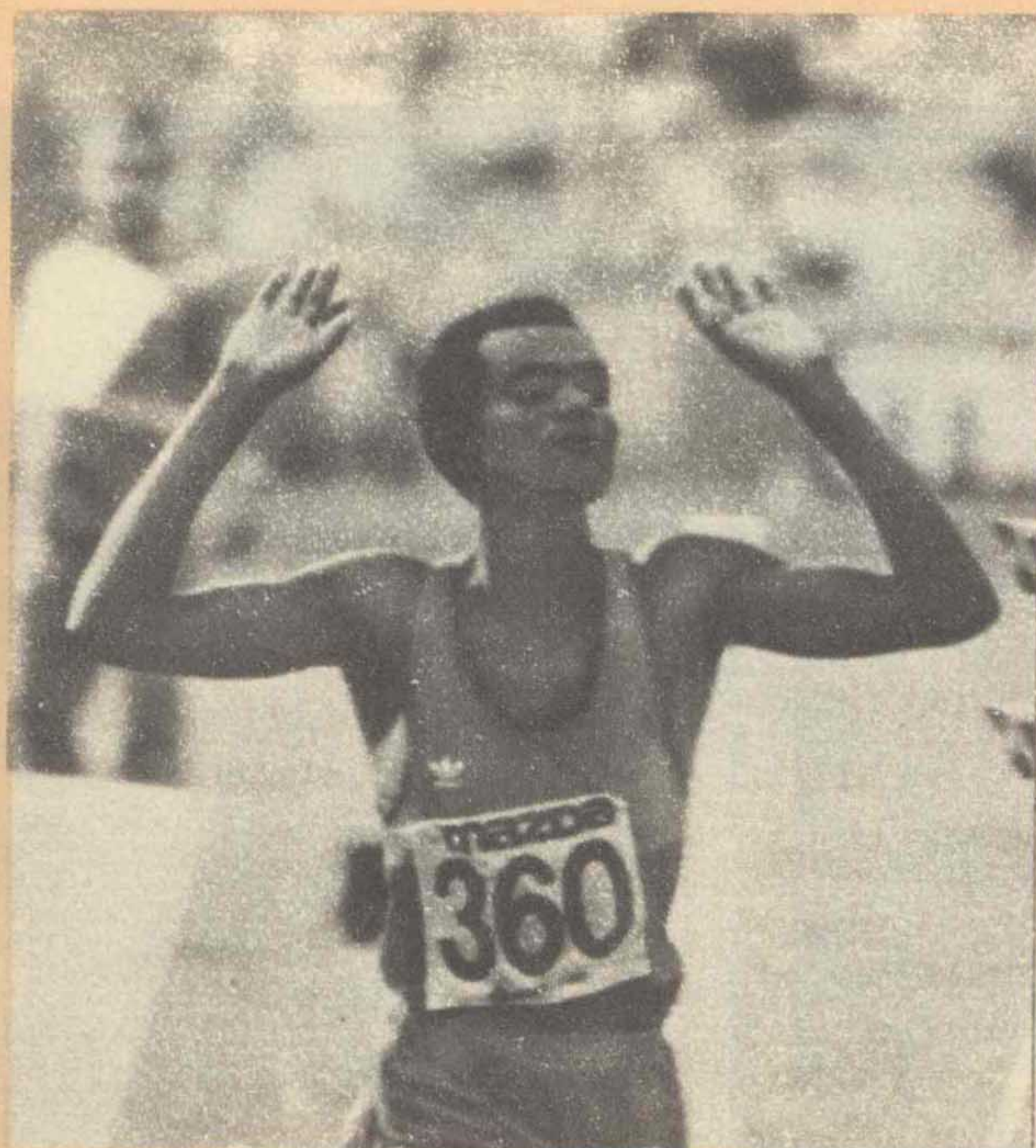
5 июля на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве состоялось торжественное открытие Игр доброй воли. На центральной трибуне — руководители партии и правительства. На трибунах — почетные гости, ветераны советского физкультурного движения, советские спортсмены, знатные люди труда.

С приветствием к участникам и гостям обратился тепло встреченный собравшимися Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

«Спорт — посол мира. Надеюсь, что и Игры доброй воли станут заметным событием не только в спортивной жизни, но и в улучшении международной атмосферы» — так сказал М. С. Горбачев, приветствуя участников Игр доброй воли. И на наших глазах это доброе пожелание Генерального секретаря ЦК КПСС стало явью. Два миллиарда землян, жители всех пяти континентов, с помощью двух советских спутников связи как бы тоже присутствовали на трибунах московского стадиона, который заполнили сто тысяч зрителей. Они увидели спортивно-художественное представление, описать которое никакими словами невозможно. (Телевидению это удалось с помощью 30 действующих камер.)

ИРУ НА ЗЕМЛЕ

Фото А. БОЧИНИНА

Эфиопский спортсмен Белайне Динсамо победил в марафоне.

Сколько добрых примет было у этого праздника! Спортивная молодежь около 70 стран — на трибунах. Друзья по космическому полету американский космонавт Томас Стаффорд и советские космонавты Алексей Леонов и Валерий Кубасов — на зеленом поле московского стадиона. Среди зрителей — американские и советские дети вместе с Джейн Смит, матерью Саманты, и нашей Катей Лычевой. Идет праздничное шествие по кругу стадиона спортсменов разных стран — участников Игр доброй воли. В полночь зрители, присутствовавшие на открытии Игр, покинули стадион, над которым поднялось белое полотнище с голубым шаром в центре — символом Игр доброй воли.

См. стр. 25.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 28 (3077)

12—19 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1986.

В НОМЕРЕ:

Зеленая страда на воронежской земле. Фотоочерк Н. Быкова и Б. Кузьмина «СЕНОКОС В ЗЕНИТЕ...». Стр. 10—11 и 25.

«ДЕНЬ ОХОТНИКОВ» — рассказ известного американского писателя-фантаста Айзека АЗИМОВА. Стр. 17—19.

О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ — певце, поэте, актере — вспоминает артист В. Золотухин. Стр. 20—21.

А. Игнатов. — «ТРИ ВСТРЕЧИ». О необыкновенной судьбе французского летчика из авиаполка «Нормандия — Неман» Константина Фельдзера. Стр. 28—29.

НА ВОДЕ, КАК В КОЛЫБЕЛИ: плавающие младенцы Игоря Чарковского покоряют просторы московских бассейнов и... Черного моря. Стр. 16 и цветная фотовкладка.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО: итоги и перспективы. Репортаж А. Леонидова и Э. Эттингера. Стр. 26—28.

ФОТОВЕРНИСАЖ Игоря ГАВРИЛОВА. Стр. 22—23.

Новая рубрика: «ПЕРЕДАЧИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ». ТВ в июле. Стр. 32 и III обложка.

событие недели

7 июля в Москву с официальным визитом прибыл Президент Французской Республики Франсуа Миттеран.

На встрече М. С. Горбачева с Ф. Миттераном был продолжен начатый в прошлом году в Париже политический диалог по кардинальным проблемам положения в мире, которое остается напряженным и нуждается в разрядке.

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР дал в Большом Кремлевском дворце обед в честь Президента Французской Республики Ф. Миттерана с супругой.

На обеде с речами выступили Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Президент Французской Республики Ф. Миттеран.

«Опыт прошедших двадцати лет наглядно показывает, что, когда с обеих сторон, а тем более если речь идет о великих державах, имеется государственная воля, настойчивость в развитии политических, экономических, культурных и других связей, выигрывают все. Мы хотели бы, чтобы и далее Советский Союз и Франция подавали такой добрый и очень необходимый Европе и миру пример.

Мы придаем большое значение экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Францией — в том числе по столь актуальным направлениям, как мирное освоение космоса, создание надежного режима безопасности ядерной энергетики, овладение управляемым термоядерным синтезом. Здесь уже есть интересные достижения. Существует основа для долгосрочного, стабильного сотрудничества до конца тысячелетия и далее».

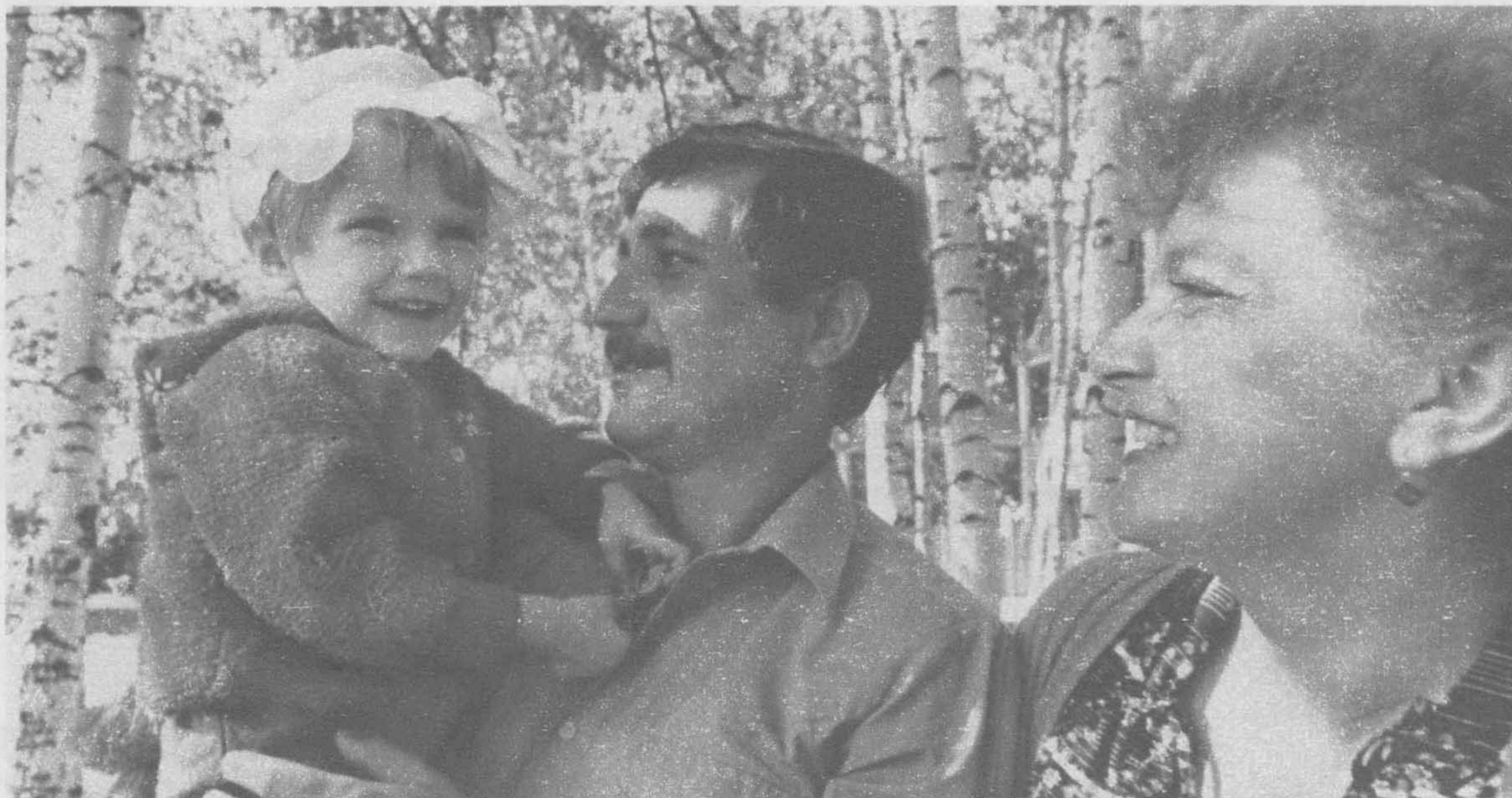
Из речи М. С. Горбачева.

Во время беседы.
Фото А. Гостева

день летний

Н А К Л Я

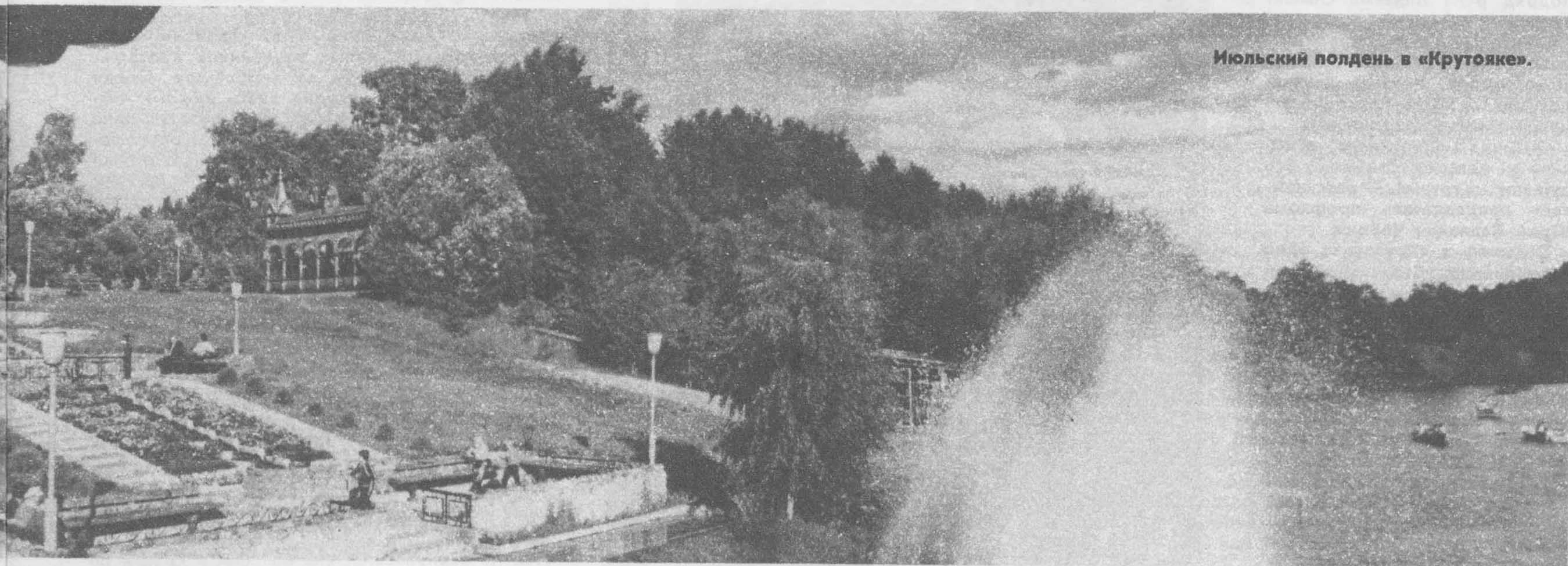
Семейная поездка: Саша, Ирина и Аленка Онищенко.

З Ъ М Е - Р Е К Е

Фото И. ГАВРИЛОВА

Июльский полдень в «Крутояке».

ВЕРХНИЙ БИКЕ

И высокие качели...

Тепла вода в речке.

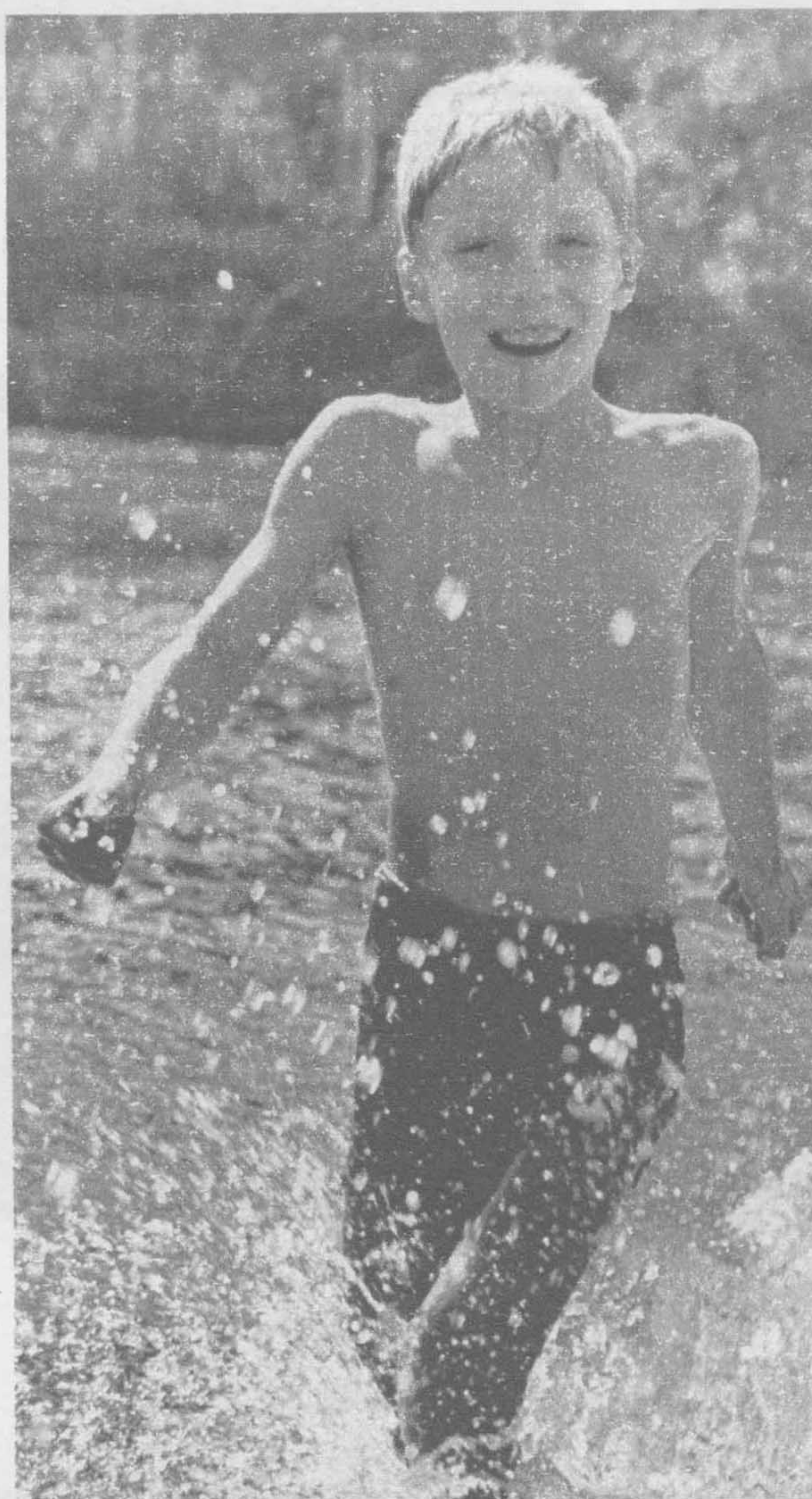
Июль. Жара. В зените лето красное! В разгаре пора отпусков. Четыреста рабочих и служащих Владимирского тракторного завода имени А. А. Жданова каждые две недели шумно и весело справляют новоселье на высоком берегу Клязьмы — на собственной базе отдыха «Крутояк». Пятнадцать лет подряд река Клязьма слышит знакомые голоса.

Около 150 тысяч путевок выдано сюда за эти годы в профкоме завода. Летом — двухнедельных, а когда приходит зима — однодневных.

— Сюда приезжают отдыхать и целыми семьями. Все путевки льготные, — рассказывает председатель профкома Юрий Павлович Честнов.

Отдыхать в «Крутояке» одно удовольствие. Стоит лишь ступить на берег, и будто ты в сказку попал — вокруг зеленый шум: озорно и шаловливо машут тонкими ветвями-руками белокорые красавицы березы, манят поплавать в теплой голубой воде раскидистые ивы, а за спиной шепчутся черемухи... Это в первый день, а потом гостей ждут экскурсии по земле владимирской и рязанской, танцевальные вечера и заманчивые прогулки по Клязьме-реке...

НА КЛЯЗЬМЕ-РЕКЕ

65 ЛЕТ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

Новелла ИВАНОВА.

Фото Фольмара БИЛЛЕБА (ГДР)

Ф

оторепортер Фольмар Биллеб из журнала «Фрайе вельт» побывал в Монголии и привез кипу фотографий. Отбирая кадры, которые опубликованы в этом номере, я вспоминала другие снимки.

...Конники в буденновках с пиками наперевес — отряд новобранцев Монгольской народной армии. Группа мужчин в куртках, галифе и национальных халатах — первое правительство народной республики и ее военный совет. Караван в пустыне Гоби — первая монголо-советская археологическая экспедиция. Первый театр, построенный в виде юрты в столице. Все эти кадры появились в «Огоньке», который постоянно начиная с 1924 года рассказывал своим читателям о том, что происходило в далекой Монголии.

Прошлое, настоящее, будущее — эту неразрывную связь времен я особенно остро ощутила, попав впервые в древнюю страну, которую сегодня называют одной из самых молодых в мире. Ведь из полутора миллионов ее населения — более шестидесяти процентов люди моложе тридцати лет и только одна десятая часть родилась в дореволюционную пору. Какой же она осталась в их памяти?

Мне довелось встретиться с сыном Сухэ-Батора, вождя монгольской революции. Семидесяти-четырехлетний С. Галсан, участник боев у Халхин-Гола, в сорок пятом сражался в песках Гоби. Он хорошо помнит нынешнюю столицу — прежнюю Ургу. Это был город юрт и монастырей. Юрта его родителей стояла там, где сейчас находится школа № 23. А школа, куда его отвел отец, была в ту пору единственной в стране, где было сто тысяч монахов-лам и 700 монастырей. Теперь о том далеком времени молодые узнают из фильмов и книг. Им трудно представить себе, что не так уж далеко ушло то время, когда их деды, чтобы расправиться с ростовщиками и монастырскими повинностями, голодали, отдавая богачам все, вплоть до личных вещей.

Так было. А ныне страна вступила в качественно новый этап своей жизни. На недавнем XIX съезде Монгольской народно-революционной партии речь шла уже о постепенном превращении Монголии в индустриально-аграрное государство!

Иностранные журналисты здесь частые гости. Особенно много их приезжает в преддверии дня рождения республики. Одна из моих поездок пришлась как раз на эту пору. В городе Эрдэнэт, которому дал жизнь гигантский горно-обогатительный комбинат, не уступающий по своим технико-экономическим показателям таким всемирно известным гигантам, как Моренси и Сан-Мануэль в США и Токепала в Перу, я встретила с английскими журналистами. Мы жили в одной гостинице, обменивались впечатлениями, и было ясно, что до сих пор еще многие на Западе представляют Монголию, которая ныне имеет дипломатические отношения с 92 странами мира, страной полуграмотных кочевников и огромных табунов лошадей да верблюдов. Скажи таким людям, что сегодня здесь каждый четвертый — школьник или студент, что тут одна из лучших в Азии по техническому оборудованию обсерваторий и что Монголия вот уже четверть века ведет исследования в области применения космической связи и метеорологии в народном хозяйстве, не поверят, ведь ни за что не поверят!

Взять бы такого маловера за руку и отвести в дом Сономдоржийна Цагана. Он живет в Улан-Баторе и вот уже почти четыре десятилетия преподает в школе физику и математику.

Этот прославленный на всю страну учитель воодушевленно рассказывал мне о том, как рано теперь проявляется одаренность в монгольских детях, их способности к точным наукам. Он вспоминал то время, когда семнадцатилетним парнишкой после рабфака пришел на свой самый первый урок. В ту пору только начали создаваться школы, и учителям приходилось каждого ученика буквально отбивать у монахов-лам, которые запрещали скотоводам отдавать детей на учебу.

— Помню, в том моем самом первом классе были ученики от восьми до восемнадцати лет. Пришли все те, кого удалось мне уговорить. Но в каникулы ребята разъехались и большинство не вернулось. Я сел на коня и скакал по

Молодожены из Улан-Батора.

степи от юрты к юрте и объяснял родителям, что в новой жизни без грамоты никак нельзя. Порой удавалось уговорить, и я уезжал с учеником в седле, а порой и нет...

Сам Цаган, сын арата, приехал в столицу десятилетним мальчуганом, когда отец, узнав о наборе рабочих на промкомбинат, поставил свою юрту неподалеку. Двое братьев и сестра Цагана поступили после школы на кожевенный завод. Теперь один из братьев — директор завода, другой — на дипломатической службе, сестра — доцент столичного сельскохозяйственного института. А кем стали дети учителя? Старшая дочь — архитектор, окончила в Болгарии политехнический институт. Старший сын получил специальность в Ленинградском электротехническом институте связи, младший оканчивает математический факультет университета в Дрездене, а самая маленькая в семье решила стать программистом. Биографию этой семьи я бы назвала биографией социалистической Монголии.

Ну, а как же вписываются в эту биографию традиционные табуны скакунов, громадные

Прима-балерина Цулунцэцэг перед выходом на сцену.

Встреча с прошлым...

биография поколений

Степной транспорт.

отары овец и верблюжьи караваны? Вписываются, и притом отлично, потому что скотоводство — это самое древнее занятие монголов, остается по-прежнему любимым, уважаемым делом. Только вот чабаны нынче стали другими.

...Я не могу забыть встречу с одной женщиной. Ее юрта стоит в Гоби, в самом сердце Центральной Азии. Вокруг на сотни километров — ни души. Попали мы в эту юрту, пьем чай, беседуем. На стене под стеклом фотографии, как и у нас в селах. На одной — хозяйка скачет на коне со знаменем, оказывается, она открывала аймачный праздник «надом». На другом снимке — советский посол вручает ей медаль в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Вот она — в группе участниц Конференции женщин стран Азии и Африки. А ведь Дунгана Аюрзана, ровесница революции, только в семнадцать лет выучилась грамоте! Теперь она прославленный чабан, Герой Труда, депутат Великого Народного хурала.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Амбиции против здорового смысла

«Слишком много соли не пойдет вам на пользу», — с неотразимой улыбкой сказал на днях президент Рейган журналистам по пути к ожидавшему его вертолету.

Поясним, что речь шла отнюдь не о выборе диеты.

Корреспонденты, провожавшие

хозяина Белого дома на краткий отдых на калифорнийское ранчо, интересовались, как, по его мнению, будет дальше складываться судьба советско-американских договоров о контроле над стратегическими вооружениями. В английском языке эта система соглашений обозначается аббревиатурой

«SALT» — точно так же, как пишется и звучит по-английски слово «соль».

Подобная игра слов в устах главы исполнительной власти США совсем не звучит невинной шуткой. Цитируя Рейгана, американские газеты и телевидение отметили, что походя брошенная им фраза точно отразила курс нынешней вашингтонской администрации, тесно связанной с воротилами военно-промышленного комплекса, которая встает на путь ликвидации достигнутых ранее советско-американских договоренностей и соглашений, исключительно важных для судеб народов США, СССР и — без преувеличения — всего мира.

Как известно, в конце мая президент Соединенных Штатов объявил, что, принимая в будущем решения, касающиеся строительства американских стратегических сил, США не будут придерживаться лимитов, предусмотренных договорами об ОСВ. Активно примериваются в Вашингтоне и к тому, чтобы отказаться от Договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Как качественно новые, исключительно опасные шаги к слому всего существующего ныне механизма ограничения вооружений и подрыва возможностей достичь новых соглашений в этой области в будущем расценивает международная общественность эти действия. «Вашингтон срывает последние тормоза, которые еще сдерживали гонку вооружений» — так характеризовал их, выступая в Варшаве на съезде Польской объединенной рабочей партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

С поразительным пренебрежением к судьбам людей военно-промышленный комплекс США, словно закусив удила, упорно мчит курсом наращивания гонки вооружений, нагнетания международной напряженности. И в этой безумной скачке предвкушение новых многомиллиардных прибылей вкупе с имперскими амбициями явно заглушает голос разума. Ставка делается не на поиск диктуемых нынешней тревожной обстановкой международных договоренностей, а на достижение военного превосходства над Советским Союзом. Начисто забыв неоднократные уроки истории, в том числе и бесславный конец целой когорты «претендентов» на мировое господство, Белый дом снова пытается обскать всех и вся в создании новых поколений оружия. Альфой и омегой философии военно-промышленного комплекса является ныне программа «звездных войн». Заполнить пространства и диктовать народам свою волю, вершить судьбы мира по своему произволу — такую цель преследует эта программа, наиболее концентрированно отражающая устремления вашингтонских стратегов.

Мобилизуя общественное мнение страны вокруг этих замыслов, Белый дом все более интенсифицирует и доводит до невиданных по своим масштабам в истории Америки кампании раздувания шовинистических страстей, пропаганды ура-патриотизма. Целеустремленными усилиями вашингтонской администрации последние годы превратились, по выражению журнала «Ньюсуик», в пышный «церемониальный век», когда

средства массовой информации поют бесконечные дифирамбы «нашей стране, нашему флагу, нашей статуте, нашим военно-морским силам и — конечно же, храни нас бог — нашему президенту».

В грандиозное политическое шоу, целиком подчиненное этой задаче, было превращено и только что состоявшееся празднование Дня независимости США и приуроченное к нему открытие после реставрации статуи Свободы. Гигантские фейерверки, парады на море, в воздухе и на суше, торжественная демонстрация военной мощи, речь, произнесенная президентом Рейганом с борта авианосца «Джон Ф. Кеннеди», — все это придавало пышным казенным торжествам откровенно милитаристский оттенок. «Имперским уик-эндом» метко назвал журнал «Нейшн» этот спектакль, призванный подчеркнуть «неоспоримое американское превосходство». «Экстравагантная череда мероприятий — вечеринки, банкеты и балы, показ богатства и патриотизма — все это состряпано с тем, чтобы продемонстрировать имперскую спесь», — продолжает «Нейшн». По его словам, то, что происходило в Нью-Йорке, больше напоминает сатурналию периода упадка Римской империи или празднество в Версальском дворце при короле Людовике XIV, чем юбилей демократического характера.

Вот еще один характерный для нынешних дней штрих американской действительности. Телевидение отводит часы дорогостоящего экранного времени показу гнусного зрелища, которое носит название «рестлинг» — нечто вроде борьбы без всяких правил, где огромные, из сплошных бицепсов, по-звериному рычащие верзилы делают вид, что колотят друг друга куда попало, зверски швыряют своих соперников на помост, топчут их ногами. Один из постоянных персонажей «рестлинга» — некий бесформенный детина в красной (!) борцовке, выступающий под именем... «представителя Советского Союза» Николая Волкова. Он, как и следует ожидать, ведет себя совершенно разнузданно, благодаря чему временно добивается успеха над своими противниками. Но вот на ринге появляется белокурый гигант, конечно же, «представитель США», который быстро и ловко расправляется с неуклюжим и грубым «русским». Огромный зал, где разыгрывается эта отвратительная комедия, дружно ревет от восторга...

Нечто похожее усматривается сегодня и в сценариях плановиков американской внешней политики, ибо нельзя иначе расценить их циничную ставку на силу, на превосходство в самых современных вооружениях, которые-де должны обеспечить Соединенным Штатам роль «мирового лидера». Именно такое представление о международных отношениях лежит и в отказе от советско-американских договоров по контролю над вооружениями, и в программе «звездных войн», и в разбойничьей политике неоглобализма. Опаснейшая сторона этих зловещих расчетов в том, что они не принимают во внимание ни современной расстановки сил в мире, ни грозных реалий ядерного века.

Владислав ОРЛОВ,
корреспондент ТАСС
для «Огонька».

Нью-Йорк.

«НАМ СТЫДНО ЗА СВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»,— ГОВОРЯТ АМЕРИКАНЦЫ

Посольство США в Манагуа до сих пор занимает территорию большую, чем весь комплекс никарагуанских правительственных учреждений. И это неудивительно: именно отсюда в течение десятилетий осуществлялось управление страной. За последнее время заметно уменьшился дипломатический персонал, исчезли хозяева, предприниматели, управляющие американских компаний и их дочерних фирм в Никарагуа, но граждан США по-прежнему немало в этой центральноамериканской стране. На смену атташе, советникам и бизнесменам сюда прибыли интернационалисты—врачи, преподаватели, строители, специалисты-техники. Через несколько часов после того, как в Манагуа стало известно об одобрении палатой представителей конгресса США проекта администрации о выделении ста миллионов долларов для «контрас», сотни американцев пришли к воротам своего посольства, протестуя против этого решения. Я подъехал туда, как говорится, в разгар событий. Вместе с корреспондентом газеты «Баррикада» с трудом пробираемся через ряды демонстрантов, берем короткие интервью.

Ричард Кэвендиш приехал в составе делегации ветеранов вьетнамской войны. В 1968 году был пулеметчиком 1-й пехотной дивизии. «Мое правительство никак не отдает себе отчета в том, что невозможно уничтожить эту революцию. В Пентагоне, очевидно, думают, что их планы найдут поддержку у американцев, но это не так. Уроки истории демонстрируют—народ, борющийся за свое национальное освобождение, не победим».

Тереза Кей, преподавательница: «Это антиникарагуанское решение моего правительства не заставит свернуть нашу работу здесь. Мы с еще большей энергией будем бороться за будущее народа Никарагуа».

Джим Нилинджер, член строительной бригады: «Сегодня я наконец понял: прикрываясь словом «свобода», США просто убивают невинных людей».

Среди демонстрантов вижу знакомое лицо. Эта женщина, американка, живет в двух кварталах от меня. С ней мы часто встречались на улице, приветливо кивали друг другу при входе в супермаркет. Она преподает английский язык в одном из высших учебных заведений Манагуа.

Я спрашиваю ее:

— Перед голосованием в конгрессе президент США выступил с обращением к нации, заявив, что Никарагуа представляет угрозу для вашей страны. Как американская колония здесь отнеслась к словам Рейгана?

— Абсурдно даже говорить о том, что маленькая, бедная центральноамериканская страна может представлять какую-либо военную угрозу для Соединенных Штатов. Но в чем-то Рейган прав: Никарагуа стала примером для Латинской Америки,— говорит американка,— а ведь богатство моей страны во многом основано на эксплуатации «третьего мира». С победой сандинистов для народов Чили, Гондураса, Парагвая, других стран засверкала надежда, что они смогут освободиться от диктатора США. Я уверена, что рано или поздно все латиноамериканские страны пойдут по такому пути. Тем самым прибыли транснациональных компаний уменьшатся. Считаю, что именно это и пугает Рейгана и тех, кто стоит за ним.

— Я знаю, что в Никарагуа большая американская колония. Какие мотивы побудили вас и других интернационалистов приехать сюда?— задаю я следующий вопрос.

— Большинство из нас приехало, чтобы хоть как-то уменьшить вину США перед этой страной. Мы создали здесь свою организацию «Комитет американских граждан, живущих в Никарагуа». Первоначально она выступала лишь против агрессии США в Центральной Америке, прямо не симпатизируя сандинистам. Но вот уже год она открыто поддерживает никарагуанское правительство и во внешней, и во внутренней политике.

Мы способны понять, где ложь, а где правда. В Никарагуа я вижу подлинную демократию—свободу слова, свободу религии, разнообразные партии, смешанную экономику. Наше правительство своими действиями, само того не желая, обучает нас политической грамоте. Сегодня большинство из нас, американцев, живущих в Никарагуа, уже совсем другими глазами смотрит и на СССР, и другие коммунистические страны. Об этом мы всем будем рассказывать, когда вернемся домой.

Мы прощаемся, но моя собеседница вдруг спрашивает:

— Скажите, вы как-нибудь будете использовать наш разговор? Да! Тогда будет лучше, если мое имя останется только в вашей за-

писной книжке. Да, я приехала из самой «демократической» страны, где много говорят о свободе слова. Но у меня могут быть большие неприятности, когда я вернусь на родину. Пусть в вашей статье я

буду фигурировать... ну, скажем, как Сюзан Лич.

Александр МАХОВ,
соб. корр. АПН, специально
для «Огонька»

Манагуа.

Этот крест принесли к воротам американского посольства в Манагуа никарагуанцы, те, кто потерял своих сыновей и дочерей в войне, навязанной народу Никарагуа администрацией США. На кресте начертаны имена жертв политики разнузданного государственного терроризма, проводимого властями Соединенных Штатов.

Телефото Рейтер — ТАСС

Мастер гравюры

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Есть какая-то необъяснимая тайна в искусстве гравера. Режет ли он линолеум, камень, дерево, наносит ли иглой рисунок на медь, или работает в несколько досок, если изображение цветное, — результат своего труда и вдохновения он увидит только тогда, когда ляжет перед ним пахнущий свежей приправленной краской печатный оттиск. На одном листе сойдется все доселе разъятое, сильно и темпераментно запоят гравюрные штрихи, цветовые ритмы околдуют пластикой обобщенных построений, и на свет родится маленькое чудо.

Истинным рыцарем гравюры был Михаил Владимирович Маторин. Первые свои работы, составившие уникальные теперь альбомы «Автогравюры», «Натюрморт», «Пейзаж», он сделал в начале двадцатых годов, когда ему было двадцать — двадцать пять лет. Выполнял их в две-три доски, но сразу же заставил зрителя принять эти черно-белые изображения многомерными: так насыщенно пульсирует в них «черная кровь» графики, так благороден и глубок общий серебристый тон; он дал в них почувствовать взволнованную речь линии, движение формы, гибкую игру объемов.

Много позже, уже став признанным, мэтром, даже если ему заказывали сделать оригинал тушью, Маторин приносил его как гравюру. При этом добавлял: «Гравюра всегда лучше. Ее формы музыкальнее и чище, а для печати несравнимы ни с чем».

В тридцатые годы издательство «Academia» пригласило способного художника сотрудничать, и он с радостью принял это предложение: любовь к книге пришла к нему, еще подростку, в сытинской типографии, вместе с уважением, которым было тут окружено печатное слово, с шумом печатных станков и запахом краски, с растущим над верстаком столбом набора. Тринадцатилетним, в 1914 году, пришел Михаил Маторин в «Школу технического рисования и литографского дела», основанную известным московским книгоиздателем. Его учитель, замечательный гравер Иван Николаевич Павлов, в свое время занимавшийся в петербургской Академии художеств у В. В. Матэ, был истинным книголюбом, членом Русского общества друзей книги. Мастер сразу выделил способного и увлеченного ученика, которому даже запах линолеума, как он говорил, казался обаятельным. Открыл ему цеховые секреты профессии, ввел в круг своих друзей — художников, библиофилов, образованнейших людей, обладавших редкостными собраниями гравюр, не только отечественных, но и западноевропейских, которые стали доступны начинающему молодому человеку. Атмосфера духовности и высокой культуры, в которую он оказался вовлечен, во многом определила и сформировала его художественные пристрастия.

Он воспринимал книгу как живой и цельный организм, развивающийся по собственным законам, как произведение особого, полиграфического искусства, соединившего в себе слово писателя, резец либо кисть художника и профессионализм типографского работника.

«Гравюра и литература — родные по крови», — считал Маторин. — Рука гравера делала эти два основных компонента книги. В том и в другом случае в рождении самого начертания участвует художник. Вот почему гравюра с книгой — единое целое».

Ему дано было тонко чувствовать композицию всего тома в целом и разворота смежных страниц, размещение на белой плоскости листа графических элементов и полосы набора, рисунок шрифтов, величину полей, целесообразность и красоту заставок, концовок, буквиц. Он всегда искал и находил графический образ, достойный представить литературное содержание.

Вы берете с библиотечной полки «Письма» Рубенса, начинаете листать и, еще не читая текст, разглядывая лишь портрет на фронтисписе и небольшие гравюры в тексте, погружаетесь в мир удачливого фламандца — блистательного живописца, придворного, дипломата. Как завитки, как картушки барочных волн, с изысканной свободой и грацией ложится гравюрный штрих, резец летит по доске, но вихрь линий подчиняется воле художника, гаснет в уголках глаз, очерченных с той же непринужденностью, и они глядят на нас серьезно и пылливо — глаза, которые видели слишком много...

Том Эразма Роттердамского тоже предваряет портрет, но штрих, линия строгие, лаконичные, почти прямые, будто подчинены внутренней дисциплине, разуму ученого-гуманиста. Слова заглавия на титульном листе — «Похвальное слово глупости» — художник рисует бунтарским, красным; оно жжет вас своим обличительным пафосом.

В «Древнерусских летописях» Маторин использует изображение пожелтевшего от времени фрагмента рукописного текста, неровно обобранного по диагонали, и стилизованные под древнеславянские шрифты названия. В иранскую поэзию — «Бахаристан» Джами — художник вводит гравюру в духе восточной книжной миниатюры, где так певучи линейные ритмы и где пышные растения обвивают фигуру молодого поэта. Облака, птицы, травы — образы-символы его стихов, мастерски награвированные, пронесят через страницы пряный аромат Востока.

Все эти работы давно уже стали классикой, но и среди них выделяется суперобложка «Утопии» Томаса Мора. Весь ее разворот словно прекрасная старинная гравюра; частые дробные штрихи на блестящей белой поверхности образуют зыбкую водную гладь, над которой возвышается благословенный остров — фантастическая страна «Нигденция» (по-гречески — утопия).

«Огонек» публикует только шесть работ из огромного наследия мастера: линогравюры «Рим», «Загорск», «Белая ночь. На Онежском озере», две гуаши — «Дали неоглядные. Ока» и «Братислава», исполненный темперой «Весенний мотив». В них, выполненных уже в зрелые

годы, видна творческая, широкого диапазона натура, угадывается виртуозное владение техникой, а главное — мы ощущаем биение живого сердца художника, движение его мысли, душевное волнение перед красотой и гармонией мира.

Репродукции ненамного превышают размеры оригиналов, но каждая из работ воспринимается значительно, масштабно, даже монументально. Спокойно и величаво катит Ока близ Поленова свои воды, уходит в бескрайние просторы, являя строгую, полную достоинства простоту, вольную ширь, могущество родной земли: перед нами эпический образ богатырской России.

Еще один образ, но с иным настроением — приветливый, уютный подмосковный городок. Сегодняшний день — с автобусами, лыжниками, спешащей по делам толпой — обступает старинную лавру; среди снежных белых покровов подчеркнуто графичны четкие силуэты ее соборов. Темная обнаженная ветвь прямо перед глазами зрителя не просто эффектный прием, который усиливает впечатление протяженности и демонстрирует изысканный вкус и смелую руку мастера. Острый графический язык дает ощущение современности, соединяет прошлое и настоящее, становится символом жизни в ее постоянном, обновляющем течении... Это всего лишь одна из работ большой серии, посвященной Загорску. В светлых, словно умытых красках, в живых динамичных линиях, передающих волшебство архитектуры, отразились ликующий восторг художника, наслаждение сказкой древнего зодчества.

В «Весеннем мотиве» — щемящее чувство любви и нежности к неярким дням ранней весны, с талой водой среди снега, с колками рыжей прошлогодней травы на проталинах и темнеющей вдали полосой леса. Солнце не прорвалось еще сквозь туманные небеса, но его близкое торжество уже ощущается по каким-то едва уловимым признакам, может быть, по хрустальной голубизне воды или ожиданию, разлитому в природе.

Обычно мастер изображает то, что ему особенно близко. Не было случайным и появление этого произведения: шел 1947 год, только что закончилась война.

Маторин прошел ее от первого дня до последнего. Был курсантом, строевым командиром — взвода, затем батареи тяжелых минометов, воевал под Москвой. Летом 43-го года получил назначение в газету 9-го танкового корпуса Центрального фронта, она называлась «За Победу». В короткие минуты затишья, редко выпадавшие в битве на Орловско-Курской дуге, сделал восемьдесят портретов солдат и офицеров. И тогда только по-настоящему понял, как нужно на фронте его искусство. Рисунок в газете воспринимался торжественней, особым отличал людей. Случалось, что через несколько дней его героя уже не было в живых, и тогда в память о нем оставалась небольшая гравюра...

В самые первые майские дни 45-го года он, теперь уже военный художник Студии имени М. Б. Грекова, вместе с Н. Н. Жуковым и А. В. Кокориным рисовал на улицах Будапешта, Братиславы, Вены. Иногда за спиной слышал: «Браво, капитан, браво!» Прохожие с интересом, часто не скрывая удивления, разглядывали его наброски. «Капитан — художник Красной Армии?!» Тогда это было очень важно — показать в Европе не только боевую мощь, но и культуру советского народа... После войны словно спала с глаз серая пелена, все стало праздничным, обновленным. Искрометная радость, упоение жизнью рвутся навстречу нам с этих листов, даже просто юмор, веселость, хотя сюжеты — городские мотивы, улочки... Тогда-то и появилось изображение уголка старой Братиславы.

Мастер быстро угадывал своеобразие тех мест, где ему довелось побывать. В «Белой ночи. На Онежском озере» — молочная, призрачная, почти полуреальная атмосфера северных летних ночей; в ней графически четко темнеют очертания домов, кораблей, причалов.

«Гравюра может быть только тогда подлинно богатой, когда она до предела лаконична в цвете», — говорил художник. — Пусть будет даже обилие цвета, но ясность языка и формы необходима. Оттого так выразительны у него цветовые плоскости, при этом он добивается удивительной естественности освещения. И в линогравюре, несмотря на особенность материала, сохраняет линейный почерк, энергию графического рисунка.

Чеканными контурами среди выжженной зноем земли возникает маторинский «Рим» — в благороднейшей гамме тонов и совершенстве пропорций, «вечный город», застывший в своем величии.

...Состоявшаяся не так давно в Москве выставка произведений Михаила Владимировича Маторина вновь заставила художников и зрителей заговорить о нем с добрым чувством и благодарностью. Многие учились у него лично на графическом факультете в Суриковском институте, в Центральной полиграфической школе ФЗУ имени Борщевского или в школе ФЗУ комбината «Правда», где печатается и «Огонек». Другие занимались по его методикам, утвержденным для всех полиграфических училищ Союза, третьи постигали технику гравирования на дереве и линолеуме по его книгам.

Но главное — все мы прикоснулись к высокому мастерству, к чистой и светлой душе художника, воплотившейся в его работах.

Искусство М. В. Маторина продолжает и дальше свою жизнь — в библиотеках и лучших музейных собраниях страны: в Третьяковской галерее, Русском музее, Музее изобразительных искусств имени Пушкина...

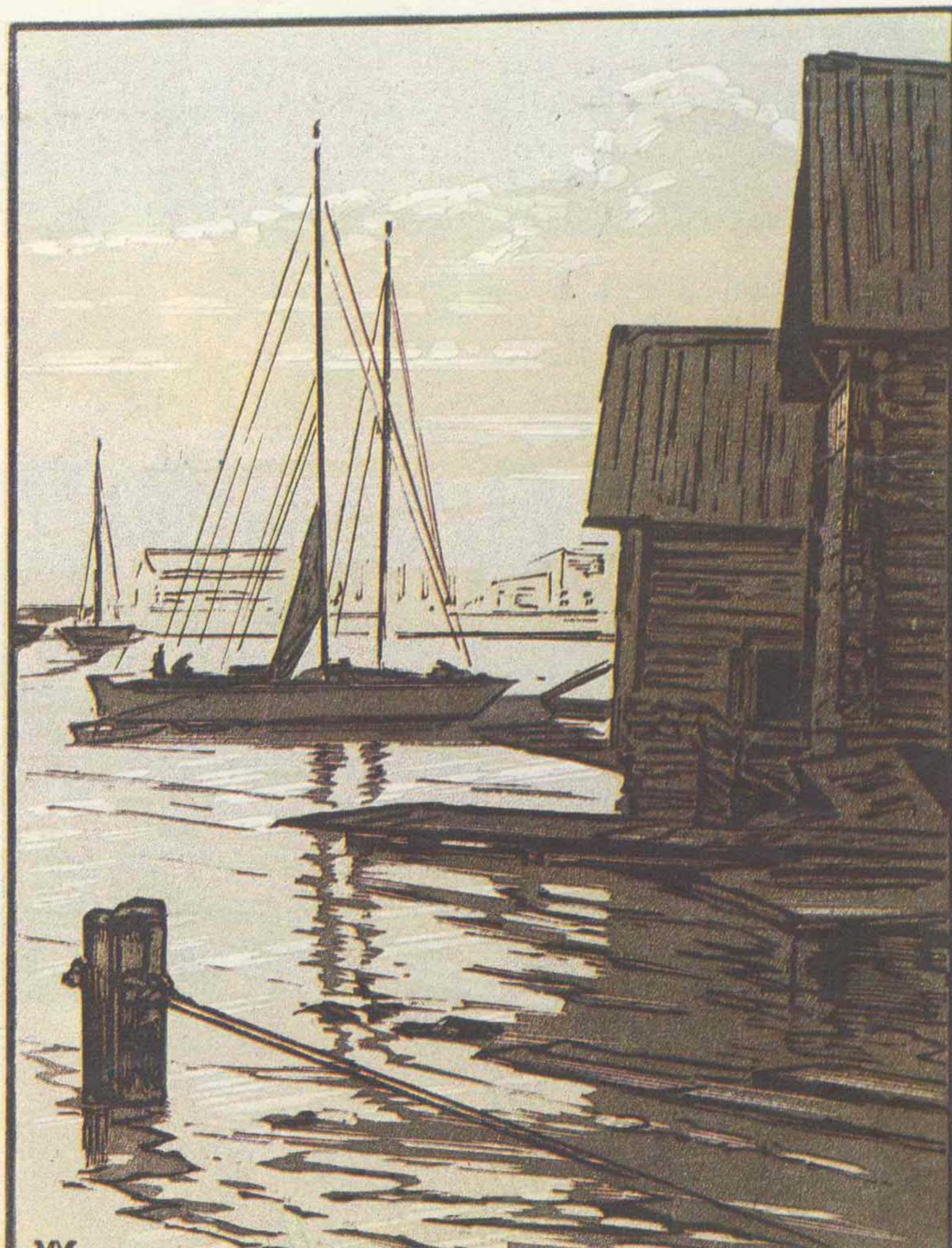

М. Маторин. 1901—1976. ВЕСЕННИЙ МОТИВ. 1947.

БРАТИСЛАВА. 1945.

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ. 1964.

М. Маторин. РИМ. 1971.

ДАЛИ НЕОГЛЯДНЫЕ. ОКА. 1965.

ЗАГОРСК. ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА. 1967.

Птицы Белые

Людмила ШИКИНА

ПОЭМА *

I
Вести приносят птицы,
Вести о лете...

Мне этой ночью не спится,
Вижу, как дети
Мечутся под обстрелом,
Белые,
Желтые,
Черные...

Птица железным телом
Дробь выбивает четкую,
А в хохолок —
Оптикой
Глаз человеческий вставлен,
Птица
В руках опытных.
Трель —
По моим ставням,
Трель —
По моей крыше,
И холодок в сердце —
Пуля
В груди мальчишки.
Страшное скерцо —
Пляска безумной смерти
Да по железным нотам,
По утвержденной смете.
А дирижер,
Кто ты?!

Взмок и ослеп у пульта
И ничего не слышишь.
В сердце мальчишки
Пуля.
Кто на земле
Лишний?!

Этот мальчишка черный?!

Кто на земле
Судьи?!

Кто он,
Тот номер первый,
В шкуре козла
Или в перьях,
Фюрер,
Нацеливший око
В череп собрата?!

Дождь
По моим окнам
Из автомата
Или из птицы той
С глазом циклопа.
Дождь...

И мадонной-вдовой
Смотрит Европа,
Смотрит из Лувра,
Дрездена
И из моей Третьяковки,
И разбиваются
Вдребезги
Цепи-оковы.

II
Мир переполнен
Бедами,
Неба боятся дети.
Где же вы,
Птицы белые —
Вести о лете...

* Фрагменты поэмы.

III
Тысячу лет назад
До весны этой
Прогрохотала гроза
Вестью о лете.

И не береза в окoliце —
Древо покрепче крепкого,
До горизонтов корни
Голубовато-креповых.
И тяжела
Крона,
И велика
Сила,
Солнце —
Его корона
В небе
Еще
Синем.
Это
Дерево Жизни,
Только подвески
Живших,
Только игрушки
Живущих,
Тех,
Что сегодня живы.

IV
...Вкручивается битл
Прядями потных волос
В атмосферу,
Молодой...
Еще не убитый!
Не он последний,
Не он первый...

Обвинительный акт века:
На перекрестке Европы
С перебитым хребтом калека —
Слепое лицо,
Крапленое,
Как укропом.

Смотрит
Академия человечества
На свой ликбез —
На эру свою младенческую —
С дубинкой наперевес.
А на древе
Ракеты ядерные...
Это вам не махотка пороха.
Доиграетесь, дяди,
Это бухнет
Так бухнет.
Хочешь не хочешь —
Поровну.

V
Кружится
Шар земной
В светозкране неба.
В гулкую ночь
Надо мной
Перевернулась верба.
Корни врастают в звезды.
Хлынул
Зеленый свет
На проходящий
Поезд.

Новая сотня лет
За светофором-
Луной...

Братья мои
Русые,
Братья
С глазами раскосыми,
Кровь ваша выпита
Руслами
Рек
И холодными
Росами...
Кровь ваша в жилах века,
На башмаках прохожих...
Станции, станции,
Ветки...
Может ли быть дороже?!
Поезд остановите —
Станция Сталинград!..
Люди,
Если хотите
Жить,
Оглянитесь назад.

Братья мои
И сестры,
На этой земле
Круглой,
На этой земле-
Острове
Руки протянем
Друг другу.
Это еще не поздно,
Это уже не рано...
Идет к светофору
Поезд
Под ливнями и бураном.
Идет к светофору
Поезд,
А при дороге пальмы,
А при дороге, в поле,
Павшим за жизнь
Памятник...
Думы мои,
Думы...
Каждому смерть с гарантией.
Страшно представить
Безумие
В ящике несгораемом,
В ящике с перископом,
С запасом воды
И озона...
И никаких окопов —
Мертвая зона.

Еще не истлели кости
Заживо погребенных.
Люди,
Слышали новость:
Умер последний ребенок
В зоне случайного взрыва...
Всем,
всем,
всем

Это тревожное
SOS!
Оружие всех систем
Свезти на погост.
Отпеть его всеми
Гимнами,
Песнями
Всех народов,
Спасенных от гибели.

О ПРОЗЕ РОМАН- ТИКОВ

Особый интерес сейчас представляют книги, охватывающие значительные периоды истории русской литературы. К таким относится исследование В. Ю. Троицкого «Художественные открытия русской романтической прозы 20—30-х годов XIX века», освещающее сложные литературные процессы, происходившие в отечественной литературе начиная с последней трети XVIII века, процессы, в русле которых начиналась новая русская проза, позже получившая блестящее развитие в творчестве И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Лескова, А. Чехова.

Книга В. Ю. Троицкого расширяет наши представления о русской романтической прозе в целом, прослеживая ее возникновение от ранних романтических веяний в литературе XVIII столетия, от творчества автора книги «Пересмешник, или Славенские сказки» М. Д. Чулкова и М. И. Попова, создавшего на основе национальных сюжетов «Славенские древности, или Приключения Славенских князей», замечательного самобытного литератора В. А. Левшина, выпустившего многократно переиздававшиеся «Русские сказки», а также творчества Н. Карамзина и В. Жуковского. Автор подробно рассматривает и выдающиеся произведения более поздних годов: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба» Гоголя, роман Лермонтова «Герой нашего времени».

Прав исследователь, говоря о том, что решающее влияние на русскую романтическую прозу имели декабристы.

Одной из центральных задач, которые решаются в книге, является стремление выявить то новое, что внесли в литературу писатели-романтики.

Автор не минует и вопроса о закономерностях дальнейшего движения русского романтизма, о тех своеобразных изменениях, которые претерпевала проза, наконец, об «удержанных» и развитых русскими писателями последующих поколений традициях романтической прозы.

Богатая по привлеченному материалу, ставящая много новых проблем и прежде всего проблему художественных открытий, работа В. Ю. Троицкого намечает пути для дальнейших исследований по истории русской литературы.

С. ПЕТРОВ,
доктор филологических наук

В. Ю. Троицкий. Художественные открытия русской романтической прозы 20—30-х годов XIX века. М., «Наука», 1985.

среди книг

Парторг колхоза имени Ленина
Надежда Ивановна Волкова: «Се-
но с этого луга ваше».

Мы привезли солн-
цем разогретый фото-
репортаж о зеленой
страде на воронежской
земле. Место событий
яростных, быстротеч-
ных — поймы верхнего
Дона, живописных Во-
ронезжа, Битюга и де-
сятка иных, таких тихих
равнинных рек и речек.
Здесь застала нас по-
ра травокоса. Мы спе-
шили и опаздывали,
опаздывали и радова-
лись — спешили на тра-
диционные праздники
покоса, когда в зеленое
безбрежье по росе вы-
ходят всем миром,
опаздывали к разворо-
ту многомашинных сра-
жений за раннее сено,
но радовались, что го-
ры его, накошенного и
насушенного, уже свез-
ли на кормовые дворы.
А там сено с колес ук-
ладывали в стога.

См. стр. 25.

СЕНОКОС В ЗЕНИТЕ...

Николай БЫКОВ,
Борис КУЗЬМИН,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

На придонской пойме колхоза
«Путь к коммунизму».

Александр
и Саша Поповы
из села
Ямного
на покосе —
отец
возит сено,
сын помогает.

ИРИНА ЛЬВОВНА

Сижу за партой в 9-м классе пятой школы. Перед глазами надпись: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться... А спокойствие — душевная подлость». Это изречение Толстого как нельзя лучше отвечает жизненному кредо тех, кто здесь, приобретая знания, приучается к самостоятельности, к борьбе за лучшие идеалы.

Прозвенел звонок, и в класс вошла учительница Ирина Львовна. Высокая, статная, открытое лицо, коротко стриженные волосы. Добрый взгляд карих, живых глаз.

Начинается урок, но я бы назвала его скорее праздником человеческого общения. Голубоглазая Ира так увлеченно и вдохновенно рассказывает о Наташе Ростовой, что героиня Толстого словно оживает, становится настолько близкой, что ребята воспринимают ее как свою сверстницу. Многим девочкам хочется походить на нее. И когда она танцует свой первый вальс, и когда поверяет девичьи тайны маме, и тогда, когда сама становится матерью. Кому-то понравился Андрей Болконский. Кто-то жалеет княжну Марью и осуждает старого князя за излишнюю строгость к дочери. Незаметно разговор переходит на сегодняшние дела. И вот уже решается вопрос: необходима ли строгость родителей к детям?

Ближе познакомившись с Ириной Львовной Каральчук, я побывала у нее дома.

Встретил меня ее муж, Валерий Сергеевич. Коренной сибиряк, одержимый строитель. Сын Григорий хочет пойти по пути отца, окончивает Иркутский политехнический. Дочь Наташа, ученица седьмого класса, увлекается музыкой, очень похожа на мать, но будет ли она педагогом, пока сказать трудно, хотя по русскому языку получает только пятерки.

В квартире уютно, просто, ничего лишнего. Много книг, цветов. Причем книги не стоят чинно в шкафах на полках, а лежат повсюду: они работают.

— Привыкла читать с карандашом в руках, обязательно записываю, что меня особенно заинтересовало, заставило задуматься, а когда прихожу в класс, делюсь с учениками своими размышлениями, — говорит Ирина Львовна. — Ребята всегда охотно слушают, у них появляется желание самим прочитать эту книгу, хотя она и не включена в программу.

Ведь научиться читать совсем не так просто, — продолжает учительница. — Вот я и стремлюсь, чтобы мои ученики еще в школе одолели эту сложную науку, приучились размышлять о прочитанном.

Вот вы меня спрашиваете, как я справляюсь с трудными учениками. Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Да и нет у меня трудных... Конечно, ребята все разные. Одни более открытые, эмоциональные, другие замкнутые. У каждого свои положительные и свои отрицательные черты. Но это совсем не значит, что они плохие. За четверть века много ребят прошло через меня, а вот трудных детей, которые бы не поддавались воспитанию, не было. Дети очень восприимчивы к доброте. Мой опыт подсказывает, что доброта рождает доброту. Вы спрашиваете о моих методах воспитания? У меня их нет. Просто я очень люблю свою профессию, учеников, живу их интересами, стараюсь их понять... Вот сейчас много говорят о материальном благополучии. Каждому человеку, особенно молодому, хочется и хорошо одеваться, и приобретать красивые, удобные вещи. Но соблюдать в этом чувство меры необходимо. А зависит оно от многого. В первую очередь от вос-

питания в семье, от того, к чему приучен ребенок с малолетства.

При всей своей доброте и любви к ученикам Каральчук очень требовательна. Она не прощает ложь, разгильдяйство, безответственность. Каких-то особых наказаний она не применяет. Провинившийся рискует потерять расположение учительницы, а это страшнее всяких наказаний.

...Довелось мне присутствовать на интересном занятии класса. Обсуждалось положение нашей Конституции: «Дети обязаны заботиться о родителях». За несколько дней ученикам были розданы анкеты. Ребята ответили на вопросы: «Кто считается главой в твоей семье, не ты ли случайно?», «Как ваша семья готовится к праздникам?», «Заблотишься ли ты о бабушке, дедушке, младших братьях, сестрах?», «Откровенен ли с родителями?».

А потом пригласили на урок родителей, бабушек и дедушек. Получился разговор, который взволновал буквально всех: и старших, и младших. Говорили о семейных традициях, об уважении друг к другу. Особенно внимательно слушали мать Коли Мартыненко — Нину Петровну. Она рассказала о Колином дедушке, который, провоевав всю Великую Отечественную, дошел до Берлина, участвовал в штурме рейхстага. Прочитала Нина Петровна и благодарственное письмо из той части, где служит старший брат Николая.

Долго мы беседовали с Ириной Львовной о школьной реформе. Ее, как и многих учителей, очень огорчило, что уроки литературы в школьных программах сокраще-

ны. В результате учитель поставлен в труднейшее положение: он просто не успевает коснуться важнейших основ российской словесности.

— Вот вам наглядный пример, — поясняет Ирина Львовна. — В старших классах, где ученики впервые знакомятся с классикой, произведениями Тургенева, Достоевского, Толстого, на литературу отводится времени в полтора раза меньше, чем на математику и физику, в три раза меньше, чем на трудовое обучение. Вот так, сокращая уроки литературы, по существу, замахиваются на основу нашей культуры — классику!

Авторы школьной реформы находились в затруднительном положении, им надо было, пересмотрев старую программу, включить новые предметы. Конечно, задача сложная, но нельзя решать ее за счет литературы — предмета, воспитывающего нравственность молодого человека, формирующего духовный мир.

...Поделилась Ирина Львовна и своими размышлениями о новом предмете, который введен недавно в девятых классах: «Этика и психология семейной жизни».

Известно, что дети крайне восприимчивы и чувствительны. А по неопытности, незнанию жизни подросток порой попадает в очень сложные ситуации и не находит из них выхода. Возникают обиды, ревность, стремление кому-то за что-то отомстить. Как ему помочь? Только одним: учить культуре чувств, доброте, умению хранить бесценный дар любви. Счастливым человеком, постигшим в юности высокие нравственные идеалы. Но прививать их надо с самого раннего возраста.

— К сожалению, в некоторых школах, — говорит Ирина Львовна, — подошли к этике и психологии семейных отношений не совсем продуманно: все проблемы, связанные с личными отношениями и поведением, формированием чувств, представлениями о семье, ее ценности, обсуждаются лишь на уроках этики и психологии семейных отношений. Считаю это неверным. С основой всех этих проблем ученики должны знакомиться постепенно и обстоятельно, в течение всей школьной программы.

— Мои усть-илимские коллеги, конечно, в том числе и я считаем себя ответственными за каждую неудачу в воспитательной работе. А потому необходимо разгрузить учителя от лишних бумажных отчетов, ненужных «галочек», от пустой суеты, но при этом повысить ответственность за гармоничное воспитание, за судьбы учеников.

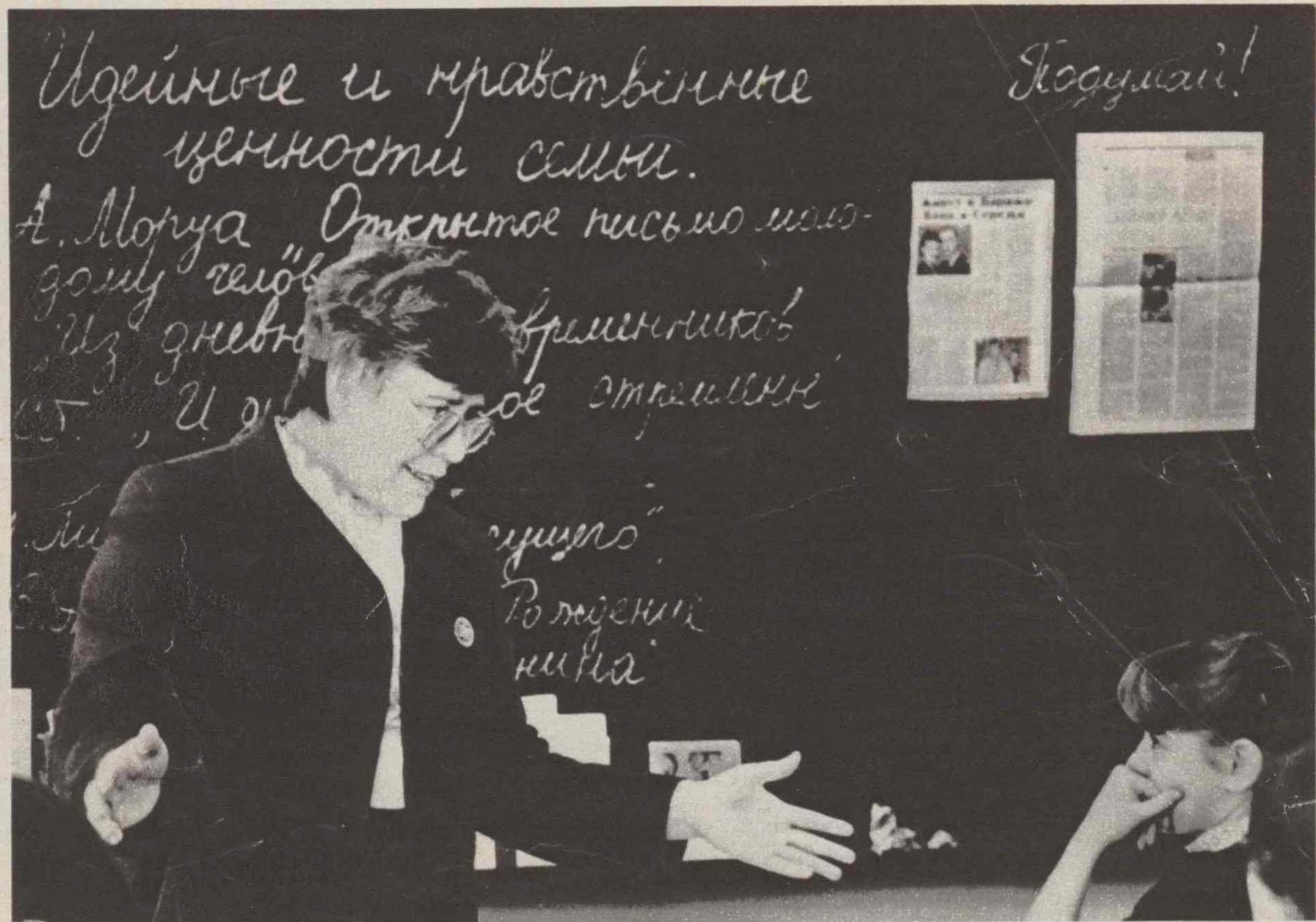
Показала Ирина Львовна мне небольшой музей В. И. Ленина при школе. Здесь хранятся редкие фотографии, документы. Есть тут и самый первый номер «Искры». В витрине я увидела письмо Елены Дмитриевны Стасовой. Ветеран партии совсем незадолго до смерти передала первопроходцам Усть-Илима воспоминания о В. И. Ленине.

...Слушая Ирину Львовну, я вспомнила высказывание Л. Н. Толстого. «Так как дело преподавания есть искусство, то окончательность и совершенство недостижимы, — а развитие и совершенствование бесконечны».

Мария АНГАРСКАЯ,
почетный строитель
Усть-Илимской ГЭС

Ирина Львовна Каральчук.

Фото В. Белых

Вспоминая былое

ИННА ЛОСЕВА,
участник Великой
Отечественной войны

МОЙ НАРОД

Как из глубин пречистых вод,
зеленоглаз и рус,
явился добрый мой народ,
назвавший землю — Русь.

Он вышел из чащоб лесных,
радушен и суров.
Глаза — как помыслы — ясны:
да будет мир,
свет,
кров.

Для нас возвел надежный дом.
Умел его беречь.
Нужда,
а не призвание в том,
что брался он за меч.

Но где бы он ни воевал
и где б ни сеял рожь,
он всюду плуг и серп ковал.
Попробуй уничтожь!

Девчонки в юбчонках прошли по
войне.

В шинелях до пят,
в сапогах без размера.
Сиротство войны взывало во мне
отмщением.

Вот так родилась моя вера.
И приторной гарью дымящая мгла
меня поглотить не могла.

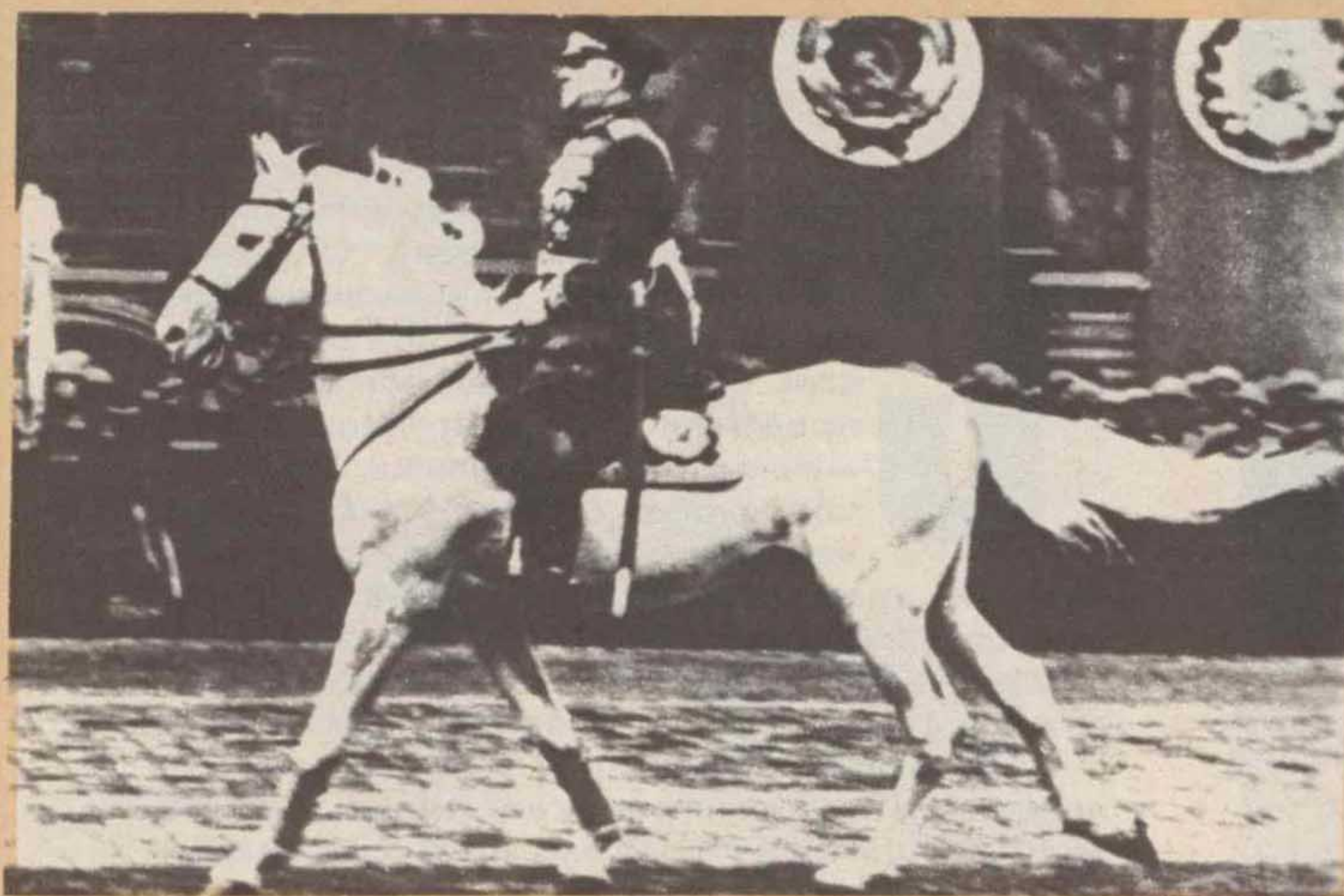
Не могла!
Снаряды — пускай они рядом
легли —
в разверстую глубь уложить не
смогли.

К земле не заставил прижаться
лицом
бывалый солдат — даже крепким
словцом.

О детскость бесстрашья!
Страх ныне во мне
за хрупкую юность в военном
огне.

Ладонью солдатского братства
меня
укрыла забота, от пули храня.
С тех пор у друзей и врагов на
виду,
не падая и не сгибаясь, иду.

Москва.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков принимает Парад Победы
24 июня 1945 года.

КОНЬ МАРШАЛА

Смолкла, отгремев, призывная медь военного оркестра. Замерли в строгих, стройных шеренгах парадные колонны. «Слушайте все!» — пропели фанфары. Из ворот Спасской башни выехал принимающий Парад Победы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Белый конь под ним, казалось, был выточен из мрамора. Он грациозно ступал по брусчатке Красной площади, гордо вскинув красивую голову...

Именно таким запомнился этот исторический момент Парада Победы миллионам людей по многочисленным фотографиям и кадрам кинохроники. Запомнили его и те, кому посчастливилось присутствовать на параде 24 июня 1945 года. Но, вероятно, не многие знают о том, какова история коня, на котором принимал парад маршал Жуков.

Как известно, испокон веков Дон и Ставрополье, Терек и Кубань славились не только лихими наездниками, но и отменными скакунами. А потомки жеребца Цепного (так звали красавца, на котором принимал Парад Победы Жуков) до сих пор живут на Ставрополье и умножают славу известного на всю страну конного завода № 170. Четыре раза выходил победителем на крупнейших бегах Европы прямой потомок Цепного — белоснежный Цагал. Ну, а кто же были предки этих великолепных коней?

Еще в двадцатых годах красные конники отбили в одной из лихих атак у белых двух особенно красивых коней. Одного из них звали Цилиндр, а второго — Ценитель. Понравились эти кони командарму легендарной Первой конной С. М. Буденному. По его приказу живой трофей отправили на Ставропольщину. Так в степях Александровского района и появился сын Цилиндра — тот самый Цепкий.

Нелегко вырастить хорошего коня. А в числе тех, кто приумножил славу ставропольских коневодов, на почетном месте стоит имя А. П. Сивченко. Много лет руководил он прославленным Александровским конным заводом, сделав его фактически новым крупным сельскохозяйственным предприятием. Там, где когда-то посреди бескрайней степи стоял покосившийся от времени домик табунщика, вырос новый, современный поселок, где живут коневоды. Есть здесь крытый манеж для выездки лошадей — другого такого нет на всем Северном Кавказе. А «продукция» завода — его скакуны — высоко ценится на международных аукционах.

Ю. ХРИСТИНИН

Ставрополь.

ЛАМПОЧКА ГОРИТ, И СОЛНЦЕ СВЕТИТ

Возле четырехквартирного дома № 4 по улице Кленовой из неисправного водопроводного люка била струя воды. Вроде и поломка несложная — выбило заглушку из трубы. Звоню в горводопрвод.

— Мы знаем об аварии, — заявила диспетчер, — но ликвидировать ее не будем.

— Почему? — растерялся я от такого ответа.

— Дом ведомственный, он за СПТУ-1 числится. Пусть училище и чинит трубу.

— Но вода течет уже трое суток, — не успокаиваюсь я.

— Пусть течет. Мы выдали училищу предписание на ликвидацию аварии. Не устранят — оштрафуем...

Выходит, меня это волнует, а работников горводопрвода, в чью обязанность входит беречь каждую каплю воды, нет. А ведь штрафом трубу не закроешь. Восемь суток из люка текла вода, пока СПТУ-1 и горводопрвод спорили, кому чинить трубу.

Вот другой пример бесхозяйственности.

Утро, на дворе ясный день, а на лестничных площадках нашего дома горят лампочки. Пятнадцать штук — во всех трех подъездах. Сообщил диспетчеру ЖЭУ. Он выключил освещение.

Вроде бы мелочь — струйка воды из крана, не выключенный вовремя свет... А сколько раз мы проходим мимо подобного расточительства.

Экономия и бережливость — веление времени. Важно не только на своем служебном месте вести учет каждого килограмма хлеба, угля, железа, каждого рубля, но важно также воспитывать чувство бережливости, рачительности и в своем доме.

И. ПАНЬКИН,
прапорщик в отставке

Одесса.

О бережливости

ПОЧТА
«ОГОНЬКА»

ПОЧТА
«ОГОНЬКА»

ДЕТЯМ НИКАРАГУА

Учащиеся Чебоксарской средней школы № 2 собрали шесть тонн макулатуры, провели ярмарку солидарности, на которой продавали вещи, сделанные своими руками, — игрушки, различные поделки из дерева, настоящие игры и другие изделия. Всего от этих мероприятий было выручено 300 рублей, которые чебоксарские школьники отправили в фонд помощи своим сверстникам в Никарагуа.

Г. БЕЛОУСОВ

Чебоксары.

ПРИМЕР ДЛЯ
ПОДРАЖАНИЯ

Недавно я прочитал в журнале «Огонек» интересную статью В. Дунаева «О прошлом память сохрани...» — о доме-музее Георгия Ясоновича Хецуриани («Огонек» № 48, 1985), в котором собраны вещи давно ушедших времен и предметы сегодняшнего быта. Активные помощники Хецуриани — дети.

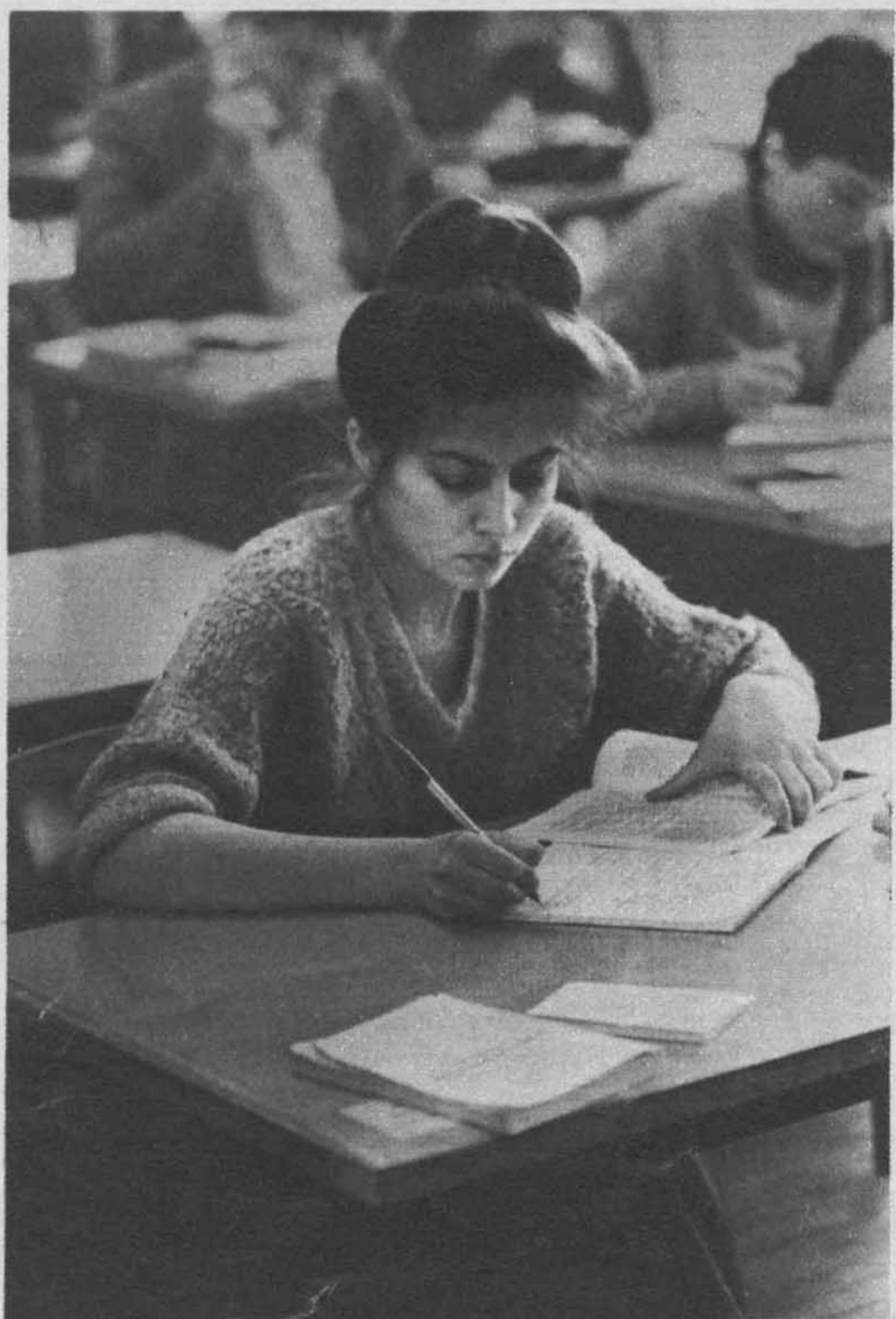
Я работаю на кафедре литературы Уссурийского педагогического института. Мы, педагоги, иногда слишком много внимания уделяем бумажкам и разным формам отчетности, тратя на это массу времени, сил, энергии. Но вот читаешь о таком человеке, как Г. Я. Хецуриани, и понимаешь, что только конкретным делом можно привлечь к себе сердца и души подростков. А ведь в этом главная задача педагога: чтобы тебя любили, понимали твои ученики.

Приходилось и мне встречать в жизни людей, увлеченных конкретным делом, к ним всегда тянутся подростки, школьники. Можно с уверенностью сказать, что вся жизнь и творчество народных умельцев, подобных Георгию Ясоновичу Хецуриани, не только помогают духовному и гражданскому становлению детей и юношества, но и активно вовлекают их непосредственно в процесс создания духовных, культурных, исторических ценностей.

Ю. САВЕНКО

Уссурийск.

мир увлечений

Наталья Князх приехала из Томского политехнического института.

В. КОВАЛЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Сравнительно новая профессия появилась у компьютера. Он стал... библиотекарем. Специалисты едины во мнении: без ЭВМ в недалеком будущем невозможно будет представить себе крупное современное книгохранилище. Уже сейчас многие библиотеки буквально «задыхаются» от обилия печатных изданий, драгоценное время уходит на поиск нужного экземпляра. Весьма просто ошибиться и, как говорится, «пролистать» в каталоге карточку с единственно необходимым названием...

— Электронный каталог в считанные минуты выдаст все сведения о книгах, статьях в периодике по интересующей вас теме. Не желаете поработать за пультом видеотерминала? — предлагает младший научный сотрудник сектора поиска информации Марина Боровик:

Мы в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР. На его базе развернута и действует вот уже больше года Международная информационная система по общественным наукам (МИСОН) девяти социалистических государств. Ученые Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Поль-

КОМПЬЮТЕР- БИБЛИОТЕКАРЬ

ши, Советского Союза и Чехословакии участвовали к созданию этой научной библиотеки нового типа, прообраза книжных центров XXI века.

...С Леонардом Грюном из Эрфурта мы познакомились в дисплейном зале. Аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС подбирал литературу для своей будущей диссертации. Тема научной работы Леонарда сложна: он обратился к анализу показателей социально-экономической эффективности внедрения информационной техники. Век информатики, ничего не поделаешь! Многие, даже большинство из того, что интересует аспиранта, появилось в печати в текущем году. Мерцали зеленоватые буквы на дисплее, тихо жужжало устройство, из которого выползала лента с перечнем по крайней мере трех десятков книг и статей с указанием года выпуска — «1986». По кратким аннотациям можно было определить суть каждой из них.

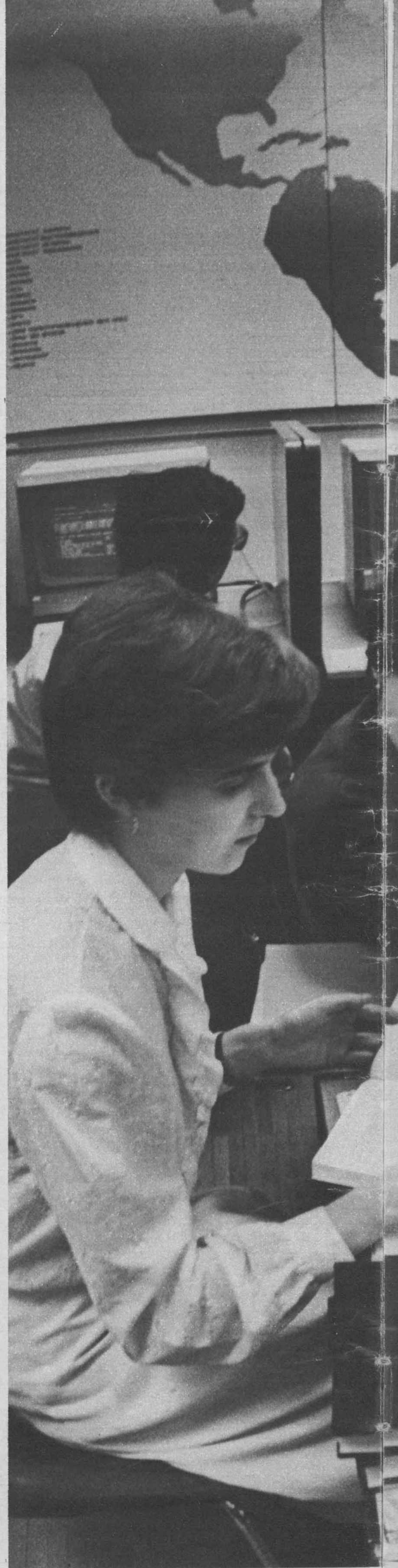
— При обычном поиске, — не скрывает своей радости Леонард, — я истратил бы массу времени на выписку этих книг из традиционного каталога. Да и не уверен, что нашел бы все. Минимум две недели сэкономил, как не говорить об эффективности!

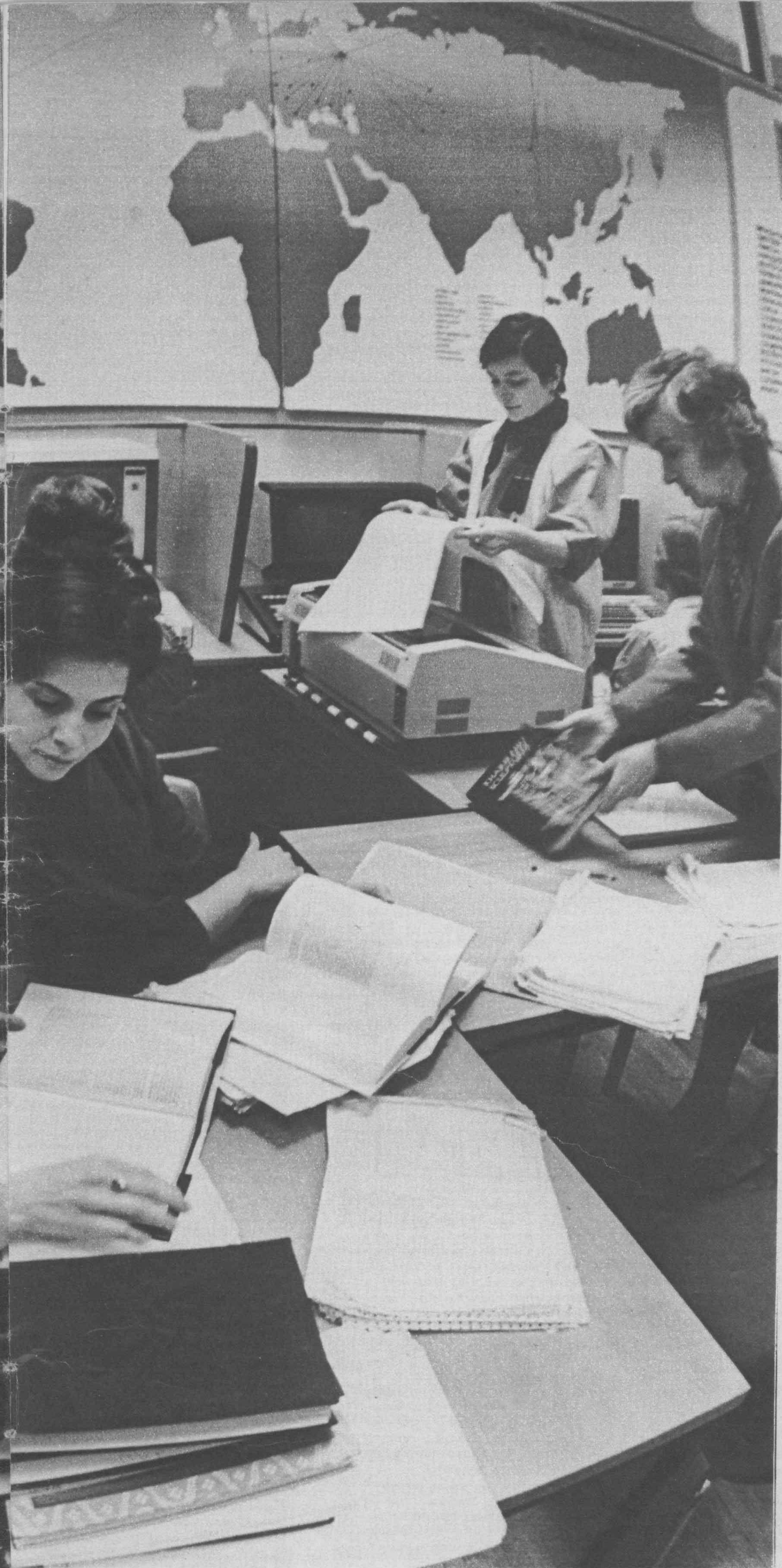
Место моего собеседника мог занять гуманитарий и экономист, социолог и журналист-международник, которым в сжатые сроки надлежит разобраться в сложной ситуации. Специального образования для диалога с компьютером не требуется, он «разговаривает» на

В тишине читального зала...

ЭВМ дружит с книгой.

языке терминов. Поверьте, это совсем несложно, ведь машина сначала учит общаться с собой, затем помогает нащупывать ключевые слова текста. Поиск сужается от общего к частному, от «Экономики» или «Истории» вообще до вполне конкретных работ по тому или иному региону мира. Меняется сам характер труда ученого-обществоведа, ведь рутинные заботы отданы технике, а человек, избавившись от них, высвобождается для творческого труда.

Казалось бы, проще некуда: нажимай клавиши, считывай с экрана текст и получай на руки распечатку. Только вот за этой кажущейся простотой скрыт научный и инженерный труд ведущих специалистов нескольких стран, которыми пройден путь длиной в десять лет...

— Да, ровно десять лет назад в Москве собрались представители информационных центров академий наук социалистических стран. Было решено перейти к практической реализации автоматизированной информационной системы МИСОН, — рассказывает ее главный конструктор В. Р. Хисамутдинов. — Началась и с тех пор продолжается работа огромной важности. Из ГДР поступили собственные компьютеры, из Польши — печатные устройства, Болгария поставила блоки памяти на магнитных дисках, а Венгрия — удобные и надежные дисплеи. Сообща решили, по каким каналам выйдут на связь с центром пользователи. Параллельно с монтажом и наладкой сложной электроники шли сбор, аннотирование, систематизация новейшей литературы по экономике, философии, социологии, научному коммунизму, истории и другим общественным наукам. Ныне память ЭВМ хранит в себе более 350 тысяч документов на многих языках мира, выходящих более чем в 100 странах мира за последние пять лет. В нашем «нормальном» понимании это свыше 200 тысяч страниц, отпечатанных на машинке!

Результаты? Они не замедлили сказаться. Если бы в Софии я зашел к студентам Высшего экономического института имени Карла Маркса, увидел бы, как они за 10—15 минут получают ответы по линии связи «София — Москва»... Только за год ученые НРБ «узнали» с экрана более чем о ста тысячах библиотечных документов. Электроника заставляет говорить о себе уважительно и тем, что сокращает сроки проведения научно-исследовательских работ, внедрение результатов в практику. Экономятся сотни рабочих дней! А сотни сегодняшние завтра станут тысячами. Но, кажется, директора ИНИОН АН СССР академика В. А. Виноградова достигнутые результаты уже мало устраивают.

— Пройден пока лишь первый этап создания принципиально новой информационной среды, в которой предстоит работать как советским ученым, так и их коллегам в братских странах к концу нынешнего столетия, — считает академик. — Итоги десятилетия мы подвели в июне на юбилейном совете МИСОН во Франкфурте-на-Одере. Вместе с ВНИИ прикладных автоматизированных систем изыскиваем возможности подключения к каналам аналогичных комплексов в других странах Европы. Недавно, например, опробована связь с Веной, Хельсинки...

Все прекрасно — электроника, дисплеи и прочее. Но ведь ходить в библиотеку все равно надо! Порой лишь затем, чтобы узнать о книжных новинках. А вот, пожалуйста, новинка ИНИОНа: если вас интересуют публикации по определенной теме, попадающие сюда, дайте задание ЭВМ и оставьте свой адрес. Ежемесячно лично для вас будет проведена выборка новых поступлений, отпечатана и переслана по адресу. Удобно? Конечно. И уж совсем скоро наступит день, когда из дома с помощью подключенной к телефону персональной ЭВМ можно будет работать с литературой, находящейся на весьма приличном расстоянии от места жительства. Даже в другой стране. Работать не с одними названиями книг и краткими к ним аннотациями. Машина в состоянии запомнить весь текст до последней запятой, а проблемы передачи по различным каналам связи скоро перестанут быть проблемами.

...Таков день завтрашний. А сегодня я тороплюсь к видеотерминалу. Кажется, в этом году выходили книги по истории болгарской живописи. Какие? Набираю на клавиатуре свой вопрос...

Как свободно перемещаются в трехмерном пространстве решительно вынутые папами и мамами из пеленок и погруженные в воду младенцы! Легко «набирают» глубину и, словно надувные мячи, всплывают на поверхность. Плавно подпрыгивая ручками и ножками, безо всяких усилий преодолевают голубые дорожки.

Самые бывалые сидят под водой, смотрят во все глаза, сосут соску, а есть и просто виртуозы: складывают на дне наполненного стеклянного сосуда, в который погружены, пирамиду из разбросанных кубиков.

— Хотите посмотреть, как это получается? — обращается ко мне Игорь Борисович Чарковский, зачинатель ныне вошедшего в силу движения, известного под названием «Плывать раньше, чем ходить». «Огонек» уже рассказывал о Чарковском (№ 33, 1982 г.), выступал в поддержку его исследований по раннему плаванию новорожденных.

...Мы стоим, облокотившись о стеклянный аквариум. Тренер берет раздетых карапузов из протянутых материнских рук и одного за другим опускает их в воду, словно выпускает рыбок на свободу. В тишине зала я только слышу, как булькает внутри сосуда.

— Видите, все очень просто. Только надо уловить момент, когда малыш рефлекторно затаивает дыхание. Дети не ведают чувства страха перед водой и плавают совершенно спокойно. Одновременно я приучаю их задерживать дыхание все больше и больше...

Сегодня широко известно: занимающиеся ранним плаванием малыши растут здоровыми, опережают своих сверстников в умственном и физическом развитии. По статистике, накопленной в Советском Союзе, они и болеют в три раза меньше других детей.

Но статистика статистикой, а в каждом конкретном случае все же хочется узнать, как чувствует себя ребенок, с пеленок приучающийся к жизни в водной среде. Однако не с каждым из такой компании разговоришься. С иными в контакт войдешь, разве только прижимая губами и агукая. И то поймет тебя не каждый, ведь у некоторых пловцов порой еще и пуповина не отпала.

Мне довелось не раз и не два присутствовать на занятиях, которые проводит с водоплавающими младенцами Чарковский, довелось наблюдать, какое благотворное воздействие оказывает на его учеников общение с водой. Я видела: тот наплавался всласть и спит богатырским сном; другой, вместо того чтобы лежать в кроватке и плакать, барахтается в воде, настроен на веселый лад, и все окружающее вызывает у него живую реакцию. В три месяца такие пловцы начинают вставать на ножки, а в пять, держась за палец, шлепают по дорожке. Почти все родители, с кем мне приходилось беседовать, с большим энтузиазмом отмечают: малыш нормально переносит холод и жару, не боится сквозняков, он спокоен и

жизнерадостен, у него хороший аппетит. Естественно, мнение мам и пап может оказаться субъективным. Но есть мнения специалистов...

С одним из них мне довелось познакомиться на занятиях у Чарковского. В кресле перед стеклянной гидродинамической трубой сидел Илья Аркадьевич Аршавский, профессор, доктор медицинских наук, известный своими работами, посвященными закономерностям индивидуального развития организма от зарождения до конца жизни.

Ученый любовался пируэттами, которые выделяли мини-пловцы. К телу детей были прикреплены датчики. По знакам самописца на медленно сползающей ленте профессор определял состояние сердечной мышцы, дыхательной системы пловцов.

— Отлично... Настоящие богатыри! — восклицал профессор. — Знаете, они никогда не будут лентяями, а станут долгожителями. Ведь те движения, которые они делают в воде, приучают к активному образу жизни. В движении мышц таится великий смысл. Оно дарует человеку саму жизнь, дает ему возможность строить мозг, тело, развивать интеллект.

Среди поклонников раннего плавания — французский ныряльщик Жак Майоль, достигший, как известно, безо всяких технических приспособлений восьмидесятиметровой глубины. Этот своего рода уникальный человек, умеющий задерживать дыхание до пяти минут, поставил перед собой цель разведать путь в доступные для людей глубины, чтобы они могли уверенно чувствовать себя под водой, долго там находиться и посвятить свою жизнь освоению морских пространств. Вполне естественно, что, приехав в Москву, Жак Майоль захотел увидеть водоплавающих младенцев Чарковского, осваивающих просторы московских бассейнов.

Я была рядом, когда он, глядя на купальщиков, восторгался:

— Бог мой! Да они же ставят рекорды! Вот кто сможет впоследствии помочь человечеству обживать океан!

Конечно, вовсе не следует думать, что, мол, воспитанники Чарковского и сам он вызывают одни восторги. О Чарковском спорили и спорят до сей поры. Увы! Расходятся в мнениях, в оценке работы даже тогда, когда его идеи выдерживают проверку временем и как бы сами собой переходят в ранг общепризнанной истины. Как, скажем, идея о том, что самой природой младенцы наделены способностью плавать с первых мгновений жизни. Высказанная исследователем в целом ряде печатных работ чуть ли не четверть века назад, она воспринималась как заблуждение или вовсе отвергалась. «Этого не может быть», — слышал в большинстве случаев автор от своих многочисленных оппонентов.

И в самом деле... Кто первым из родителей мог решиться тогда отдать своего малыша в руки тренера, чтобы тот погрузил его с головой под воду и отпустил — «плыви»? Первым стал сам Чарковский, тогда спасатель-водолаз в одном из бассейнов Москвы. Свою дочь, родившуюся недоношенной (вес 1600 граммов, вдвое меньше нормы), слабое, хилое существо (о таких обычно говорят: «не жи-

лец»), он чуть ли не целыми сутками держал в воде. И каждый такой день, когда малышка ела, спала, барахталась в воде, оказывался для нее целительным: вскоре она перегнала в развитии своих сверстников.

Сколько раз с той поры к Чарковскому приходили родители с просьбой «спасите!» и передавали в его руки ослабленных младенцев, и скольких удалось спасти!

Ныне Игорю Борисовичу, почетному доктору Калифорнийского университета, около пятидесяти. Он возглавляет группу энтузиастов во Всесоюзном НИИ физической культуры. Все так же, как в юности, он генерирует идеи, одна увлекательней другой.

Число последователей Чарковского с каждым годом растет. Их много в Советском Союзе, в социалистических странах, а также во Франции, США, Англии, Новой Зеландии. Увлеченный сам, исследователь умеет увлекать других.

Несколько лет назад я сама оказалась в кругу тех, кого Игорь Борисович привез к Черному морю, под Новороссийск, в поселок Малый Утриш, и не пожалела, потому что несколько дней, проведенных на море в обществе энтузиастов-родителей, их детей и дельфинов, оставили яркое впечатление.

Есть древние мифы, есть описания дружбы дельфинов с людьми, особенно детьми. В частности свидетельства римского историка Плиния Старшего и его племянника. Что это, факты или вымысел?

Чарковский верит, что в основе дошедших до нас сведений лежат факты. А почему бы им не быть? Вот же плавают младенцы с дельфинами. Красивое, приятное зрелище... Чарковский мечтает о том времени, когда можно будет осуществить длительный контакт маленьких пловцов и этих по-доброму расположенных к человеку морских силачей. На пути в бескрайние просторы океанов дельфины станут нашими покровителями, и в их присутствии человек сможет научиться свободно парить в трехмерном пространстве, не ведая страха, наслаждаясь гармонией тела, пластичностью движений. А почему бы и этой фантазии не сбыться!

Вот же барахтаются без посторонней помощи над захватывающей дух морской глубиной «бывалые» младенцы, которые начали свою жизнь с плавания в домашних ваннах, и рядом с ними — грациозные, сильные животные. Их общеизвестная игривость сменяется осторожностью, и кажется, они возле своих гостей проявляют особую деликатность. Вот один из младших представителей московской экспедиции сообразил, что можно на волне качаться, и при первой же возможности переворачивается на спину, по-видимому, чувствуя себя на морских волнах как в колыбели. Другой, утомившись, лежит лицом вниз — спит. Но, обучившись еще у себя дома азбуке дыхания на воде, время от времени он поворачивает лицо вбок, вдыхая очередную порцию воздуха. Делает он это рефлекторно, словно отдыхающий на волнах в море дельфин.

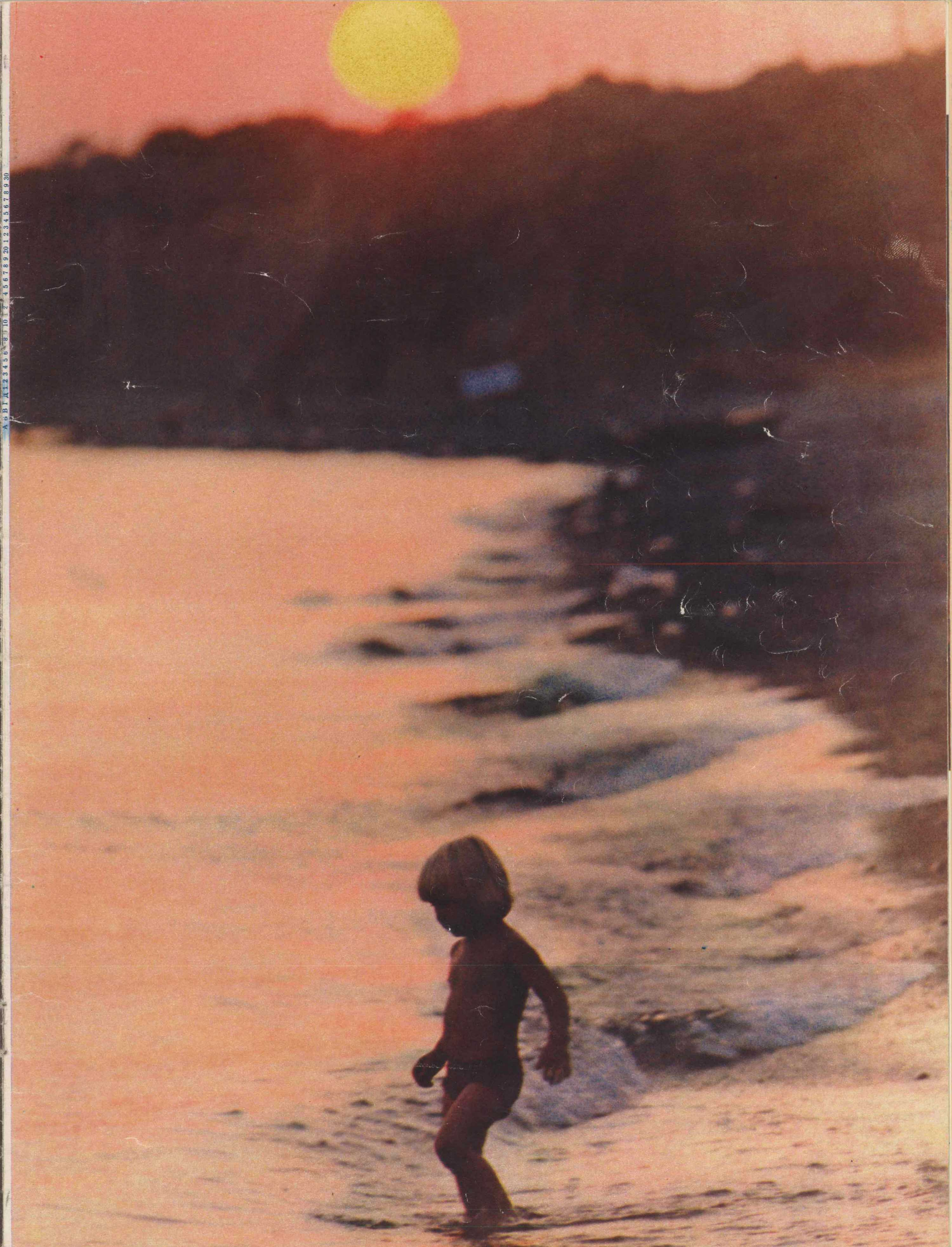
Невольно ловишь себя на мысли: если сегодня таковы первые шаги водоплавающих представителей XXI века, то что же смогут они, когда войдут в пору зрелости?..

Плывать раньше, чем ходить

Как таинствен и увлекателен мир... Дерзай, малыш!

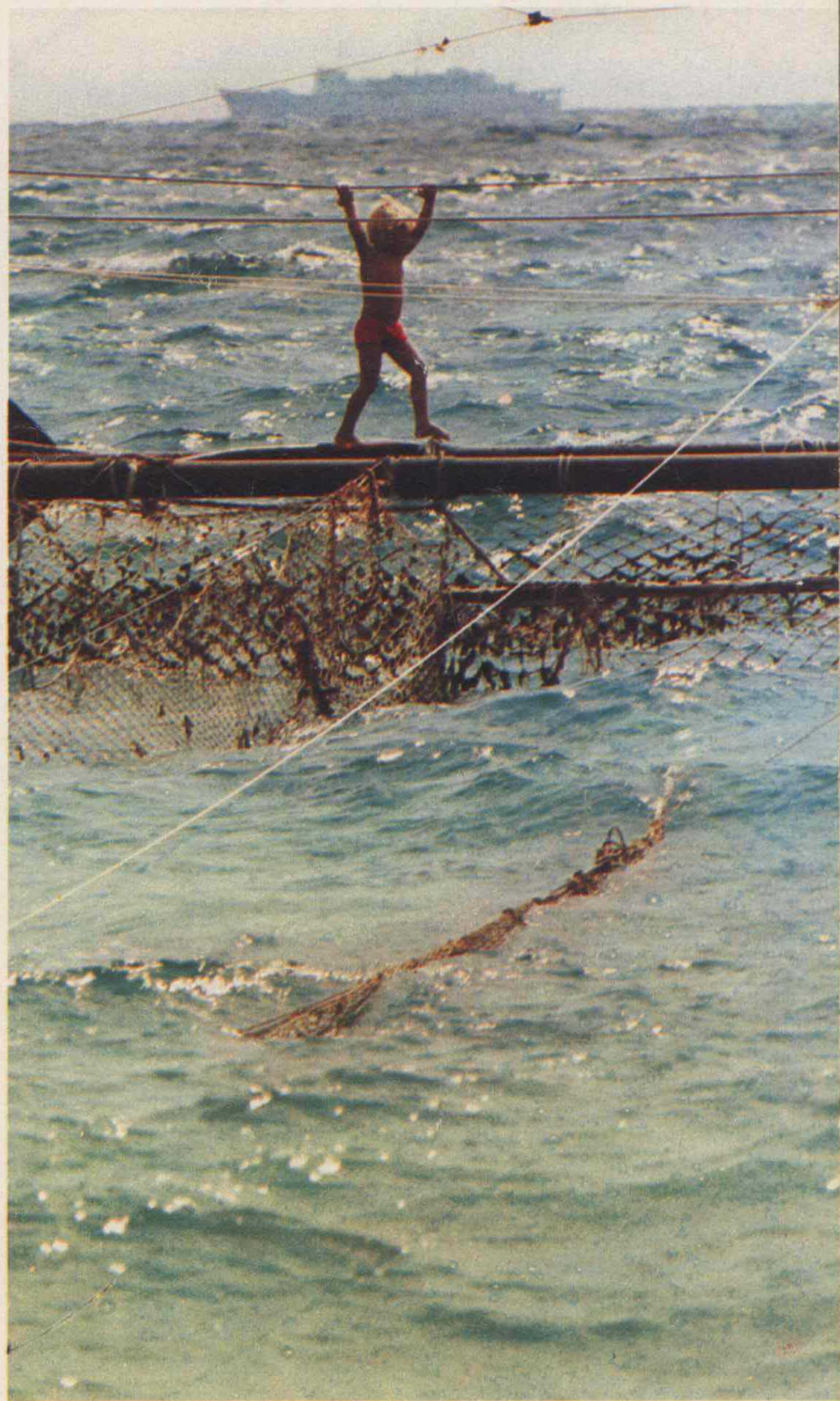
НА РАЗВОРОТЕ
ВКЛАДКИ:

Прогулка по голубым дорожкам подводного мира начинается в бассейне. Самых упорных и ловких такие дорожки выведут в океан.

A 6 B I D 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

Все кончилось в тот же вечер, когда и началось. Да и особенного-то ничего не произошло. Просто эта история взволновала меня и волнует по сей день.

Видите ли, Джо Блоч, Рей Мэннинг и я сидели за своим любимым столом в баре на углу — делать было нечего, надо было как-то убить время. Такое вот начало.

Все затеял Джо Блоч, заговорив об атомной бомбе и о том, что, по его мнению, следует с ней сделать, добавив при этом, что, мол, еще пять лет назад кто бы о ней вообще подумал. А я сказал: нет, пять лет назад о ней многие думали и даже писали о ней рассказы, а вот теперь им придется туго — попробуй-ка потягаться с газетами. В результате всего этого завязался общий разговор о том, как самое невероятное становится явью, причем приводилось множество примеров.

Рей заявил, будто слышал от кого-то, что какой-то крупный ученый отправил в прошлое кусок свинца на две секунды или на две минуты, а может, и на две тысячных секунды — он не уверен, на сколько именно. А этот ученый, мол, никому ничего не рассказывает, потому как считает, что никто ему не поверит.

Ну, тут я не без сарказма спросил, откуда же тогда он-то об этом узнал. У Рея немало друзей, только ведь они и мои друзья, и ни один из них ни с каким крупным ученым незнаком. Но Рей лишь ответил: неважно, мол, как он узнал, хочешь — верь, хочешь — нет.

Ну, а после этого уже ничего не оставалось, кроме как завести разговор о машинах времени, о том, как, предположим, вы бы вернулись в прошлое и убили бы собственного дедушку; или о том, почему не вернется никто из будущего и не расскажет нам, кто выиграет очередную войну; или даже о том, а можно ли будет после нее жить хоть где-нибудь на Земле, независимо от того, кто выйдет победителем.

Рей, например, считал, что неплохо было бы знать победителя седьмого забега, пока еще идет шестой.

Но Джо считал по-другому.

— Беда с вами, ребята, в том, что у вас на уме одни войны да скачки. А мне просто интересно. Знаете, что бы сделал я, будь у меня машина времени?

Нам, разумеется, сразу же захотелось это узнать, и мы, как уже не раз бывало, приготовились над ним посмеяться, неважно, что он там еще задумал.

— Будь она у меня, — продолжал он, — я бы вернулся на пару, а то и на пяток, а может, и на все пятьдесят миллионов лет назад и узнал, что случилось с динозаврами.

Лучше бы Джо этого вообще не говорил, потому как мы с Реем оба не видели в этом никакого смысла. Рей сказал: кого, мол, волнуют какие-то там динозавры; а я добавил, что единственное, на что они оказались способны, это оставить целую кучу скелетов для любителей протирать полы в музеях, и что они хорошо сделали, что ушли с дороги и освободили место для людей. Тут Джо, разумеется, говорит, что некоторые его знакомые — и окидывает нас многозначительным взглядом — ничуть не лучше динозавров, но мы не обращаем на это никакого внимания.

— Вы, глупые ребята, можете себе смеяться и делать вид, будто что-то там знаете, но это потому, что вы начисто лишены воображения, — говорит он. — Эти динозавры были громадные. Миллионы всевозможных видов — здоровенные, как дома, и безмозглые, как дома, — по всей земле. А потом вдруг совершенно неожиданно, вот так, — и он щелкает пальцами, — их уже нет ни одного.

Как это так, захотелось нам узнать.

Но он как раз допивал пиво, а другой рукой, держа в ней монету и как бы желая продемонстрировать, что хочет расплатиться, подзывал Чарли, официанта, и он лишь пожал плечами.

— Не знаю. Хотя я не прочь бы это узнать.

Вот и все. На этом бы все и закончилось. Я бы сказал что-нибудь, Рей отпустил бы какую-нибудь шуточку, мы бы пропустили еще по кружечке, потрепались бы о погоде и о «бруклинских ловкачах» и забыли бы даже и думать о динозаврах.

Только этого не произошло, и теперь я ни о чем другом не думаю, только о динозаврах, и меня буквально тошнит.

Потому что один забулдыга за соседним столом поднимает глаза и кричит:

— Эй!

Мы его даже не заметили. Так уж у нас заведено: когда ходим по барам, не выискивать незнакомых бухариков. Тут за знакомыми-то не знаешь, как уследить. На столе перед этим чудиком стояла уже ополовиненная бутылка виски, в руке он держал полупустой стакан.

— Эй! — произнес он, и мы все на него воззрились, а Рей сказал:

— Спроси его, Джо, чего ему.

Джо сидел к нему ближе всех. Он откинулся на стуле, балансируя на задних ножках, и спросил:

— Что вам угодно?

А забулдыга ответил:

— Мне послышалось, вы, джентльмены, упоминали динозавров?

Он слегка покачивался над столом, глаза у него налились кровью, а глядя на его рубашку, можно было догадаться, что когда-то она была белой, но нас, наверное, озадачили его голос и его манера говорить. В них не было ничего от выпивохи, если вы понимаете, о чем я толкую.

ко, подсаживаясь к нам, он зажал бутылку в правой руке, и там она и осталась.

— Где это вы построили машину времени? — спросил Рей.

— В университете Среднего Запада. Мы работали над ней вместе с дочерью.

И выговор у него был такой, как будто он действительно сотрудник колледжа.

— И где же она сейчас, эта машина? — не удержался я. — У вас в кармане?

Он и глазом не моргнул, он вообще ни разу не рассердился на нас, как мы ни пытались острить. Он знай себе говорил, как будто виски развязало ему язык и ему безразлично, уйдем мы или останемся.

— Я ее поломал, — ответил он. — Она мне была не нужна. Надоела.

Мы ему не поверили и сочли его за никчемного человека. Пожалуй, поймите меня правильно. Резон такой: ведь если бы кто-то изобрел машину времени, он мог бы загрести миллионы долларов — он мог бы загрести все деньги в мире, просто зная, что произойдет на бирже, на скачках, на выборах. Он бы не выбросил все это просто так, и мне безразлично, какие бы у него были мотивы. Да и потом в путешествии во времени никто из нас все равно не собирался верить: а вдруг вы бы действительно убили собственного дедушку, и что тогда?

Айзек АЗИМОВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

День охотников

Во всяком случае, Джо вроде как успокоился и сказал:

— Ну да. Вас что-нибудь интересует?

Он вроде как улыбнулся нам. Странная это вышла улыбка: она начиналась в уголках рта, но, не дойдя до глаз, угасала. Он сказал:

— Вы бы хотели построить машину времени и вернуться в прошлое, чтобы узнать, что случилось с динозаврами?

Я видел, что Джо ожидает, что сейчас последует попытка что-нибудь у нас выманить, вызвав нас на доверительный разговор. Я и сам ожидал того же.

— А что? — спросил Джо. — Вы хотите предложить свои услуги? Хотите построить ее для меня?

— Нет, сэр, — ответил забулдыга, обнажив грязные зубы. — Я мог бы, да не стану. И знаете почему? Да потому что пару лет назад я построил машину времени для себя, вернулся в мезозойскую эру и узнал, что случилось с динозаврами.

Позже я посмотрел в словаре, как пишется «мезозойская», вот почему я написал это слово правильно, если вдруг вы удивитесь; я узнал также, что мезозойская эра — это период времени, когда все динозавры занимались тем, чем там им полагалось заниматься. Но, разумеется, тогда мне было многое непонятно, и я склонялся к мысли, что с нами разговаривает какой-то ненормальный. Джо впоследствии утверждал, будто все знал об этой мезозойской хреновине, только пусть себе говорит и кричит сколько угодно, мы с Реем все равно ему не поверим.

Как бы там ни было, мы пригласили выпивоху к нашему столу. По-моему, я рассчитывал, что он поделится с нами своей бутылкой, да и другие, наверное, думали то же самое. Толь-

Впрочем, оставим это.

— Разумеется, вы ее поломали, — сказал Джо. — Ну еще бы! Как ваша фамилия?

Но на этот вопрос он нам так и не ответил. Мы задавали его ему несколько раз, а кончили тем, что стали называть его профессором.

Он допил содержимое стакана и неторопливо наполнил его снова. Нам он ничего не предложил, и мы все тянули пиво.

— Ну, продолжайте, — сказал я. — Что же случилось с динозаврами?

Но ответил он не сразу. Он уставился в самую середину стола и говорил так, будто обращался к столу.

— Даже и не знаю, сколько раз Кэрл отпирала меня в прошлое — всего на несколько минут или часов, — прежде чем у меня получился этот большой скачок. Динозавры меня не интересовали; мне лишь хотелось посмотреть, насколько далеко может перенести меня машина на имеющемся в моем распоряжении количестве энергии. Вероятно, это было опасно, но особого значения это не имело. Тогда шла война — подумаешь, еще одна потерянная жизнь!

Он нежно прижал к себе стакан, как будто задумался о жизни вообще, потом он, похоже, перескочил сразу через многое и продолжал:

— Стояла ясная, солнечная погода; земля была сухая, твердая. Не было ни болот, ни папоротников. Никаких признаков мезозойского биогеоценоза, которые мы обычно ассоциируем с динозаврами.

Во всяком случае, мне кажется, сказал он именно так. Заумные слова до меня не всегда доходили, поэтому дальше я буду вставлять лишь те, которые запомнил. Написание их я проверил и должен сказать, что, хоть он и здо-

рово заложил в тот вечер, произносил он их без запинки.

Это-то, наверное, и встревожило нас. Он говорил так, как будто ему все знакомо, и все эти слова, что называется, прямо скатывались у него с языка.

— Был поздний век,— продолжал он,— безусловно, меловой период. Динозавры уже находились на стадии исчезновения— все, кроме маленьких, с металлическими поясами и этими своими пистолетами.

Тут, как мне показалось, Джо чуть не клюнул носом в пиво. Когда профессор с некоторой грустью произнес эти слова, Джо, описав полукруг рядом со своим стаканом, так и подался вперед.

— Какие еще маленькие?— не на шутку разозлился он.— С чьими металлическими поясами? С какими пистолетами?

Профессор взглянул на него, потом опустил глаза обратно в никуда.

— Это были маленькие рептилии, ростом в четыре фута. Они стояли на задних ногах, сзади болтался толстый хвост, и у них были короткие руки с пальцами. На талиях у них были пристегнуты широкие металлические пояса, на которых висели пистолеты. Причем не обычные пистолеты, которые стреляют пулями, а энергометы.

— Что-что?— спросил я.— Скажите, когда это было? Миллионы лет назад?

— Совершенно верно,— согласился он.— Они были покрыты чешуей, у них не было век, и они, вполне вероятно, откладывали яйца. Но они пользовались энергометами. Их было пятеро. Как только я выбрался из своей машины, они бросились ко мне. Их, наверное, были миллионы по всей Земле, миллионы. По всей земной поверхности. Они тогда определенно были хозяевами положения.

По-моему, именно тут Рей решил, что профессор ему попался: на лице у Рея появилось такое выражение, из-за которого тебя так и подмывает грохнуть его по голове пустой пивной кружкой— полную-то жалко.

— Ах, вон как, профессор, их, значит, были миллионы?— сказал он.— А как же эти ребята, которые только тем и занимаются, что разыскивают старые кости и носятся с ними, пока не определят, как выглядели динозавры? Музеи буквально забиты их скелетами, разве нет? А вы видели хоть один с металлическим поясом? Если их были миллионы, что же с ними стало? Где же их кости?

Профессор вздохнул, вздохнул с самой неподдельной грустью. Вероятно, до него впервые дошло, что он выступает в баре перед тремя простыми парнями в рабочих спецовках. А может, ему было все равно.

— Ископаемых находят не так уж и много,— возразил он.— Подумайте, сколько всего животных жило на Земле. Сколько миллиардов и триллионов. И сравните с тем, сколько мы находим ископаемых. А ведь эти ящеры были разумные существа. Не забывайте об этом. Они не собирались попадать в снежные заносы или в грязь, не собирались они и падать в лаву, разве что совершенно случайно. А теперь вспомните, как мало обнаружено ископаемых людей— даже тех субразумных человекоподобных обезьян, живших миллион лет назад.

Говоря это, он смотрел на свой полупустой стакан и все вертел его в руках.

— Да и что бы показали ископаемые?— сказал он.— Металлические пояса ржавеют, от них ничего не остается. Эти маленькие ящеры были теплокровные. Я-то это знаю, но вы бы не могли доказать это по окаменелым костям. Ну и что? А можно было бы через миллион лет определить по скелету человека, как выглядит Нью-Йорк? Могли бы вы отличить человека от гориллы и сказать, кто придумал атомную бомбу, а кто ел бананы в зоопарке?

— Ну нет,— решительно возразил ему Джо.— Скелет гориллы от человеческого отличит кто угодно. У человека мозг больше. Любый дурак скажет, кто обладал разумом.

— Да что вы?— Профессор засмеялся сам себе, как будто все это до того просто и очевидно, что и времени на объяснения тратить не стоит.— Вы судите обо всем по тому типу мозга, который удалось развить человеческим

существам. Эволюция идет по-разному. Птицы летают по-своему, летучие мыши— по-своему. У жизни множество всяких заковык. Как вы думаете, какой частью своего мозга вы пользуетесь? Примерно пятой. Именно так утверждают психологи. Насколько им известно— насколько известно всем,— восемьдесят процентов нашего мозга вообще не используется. Каждый как бы работает на малой скорости, кроме разве что нескольких человек за всю историю. Леонардо да Винчи, например, Архимед, Аристотель, Гаусс, Галуа, Эйнштейн...

Кроме Эйнштейна, я никогда ни о ком из них не слышал, но даже и бровью не повел. Он назвал и нескольких еще, но я здесь вставил лишь тех, кого запомнил. Затем он сказал:

— Мозг у тех маленьких рептилий был крошечный, может, в четверть человеческого, а может, и того меньше, но они использовали его весь, целиком и полностью. По их костям, вероятно, этого не скажешь, но они были разумные существа— разумные, как и люди. И они были хозяевами Земли.

И тут Джо выдал по-настоящему блестящую идею. Мне даже показалось на какое-то мгновение, что он припер-таки профессора к стенке, и я страшно обрадовался.

— Послушайте, п'фессор,— сказал он,— если эти ящеры были такие умные, почему же они после себя ничего не оставили? Где же их города, и здания, и всевозможные штуковины, которые мы постоянно находим от пещерных людей,— каменные ножи и все такое прочее? Ну, черт меня дерь, да если бы люди исчезли с лица Земли, вы только представьте, что бы мы оставили после себя! Нельзя было бы пройти и милю без того, чтобы не наткнуться на какой-нибудь город. А наши дороги!

Но профессора просто было не удержать. Он даже как бы встряхнулся.

— Вы по-прежнему судите о других формах жизни по человеческим меркам,— просто ответил он.— Мы строим города, дороги, аэропорты и все остальное, что нам нужно, а они этого не делали. Они были по-другому устроены. Весь их образ жизни во всем был совершенно иной. Они не жили в городах. Искусства вроде нашего у них не было. Я не уверен, а что же именно у них было, поскольку вся их жизнь была настолько чужда мне, что я просто оказался не в состоянии ее постичь... кроме пистолетов. Вот они-то были такие же, как у нас. Странно, правда? Насколько я знаю, может, мы каждый день натываемся на их останки и даже не догадываемся, что это такое.

Мне к тому времени весь этот треп уже изрядно поднадоел. Профессора просто невозможно было на чем-нибудь поймать. Чем умнее становился ты сам, тем умнее становился он.

— Послушайте,— сказал я.— Откуда вы столько обо всем этом знаете? Вы что, жили с ними? Или, может, они трéкали по-английски? Или, того чище, вы сами говорите на языке ящеров? Скажите-ка на нем несколько слов.

Я, наверное, тоже взбеленился. Знаете, как бывает: скажет тебе парень что-нибудь такое, чему ты не веришь, потому как все это враки, а вот заставить его признать, что он врет, никак не можешь.

Профессор, однако, не разозлился, он лишь снова неторопливо наполнил стакан.

— Нет,— продолжал он,— я ничего не говорил, и они ничего не говорили. Они просто посмотрели на меня своими холодными, жесткими, немигающими глазами— глазами змеи,— и я понял, что у них на уме, но я видел, что и они догадались, о чем думаю я. Не спрашивайте у меня, как это произошло. Произошло— и все тут. Все. Я понял, что они вышли на охоту, как знал я и то, что упускать меня они не собираются.

И мы не спросили. Мы просто сидели и смотрели на него, потом Рей сказал:

— А что дальше? Как вам удалось бежать?

— Это оказалось легко. По гребню холма суетливо прошмыгнуло какое-то животное. Оно было длинное— футов, наверное, десять— и узкое и бежало, припадая к земле. Ящеры возбуждись, и их возбуждение передалось мне. Казалось, их захлестнула жажда крови, и, совершенно позабыв обо мне, они унеслись прочь. Я забрался обратно в машину, вернулся и разломал ее.

Такого конца нам еще сроду не приходилось слышать. Джо прокашлялся.

— Ну, и что же случилось с динозаврами?

— Как, неужели непонятно? А я-то полагал, что все довольно просто. Все сделали именно эти разумные ящеры. Они были охотниками — по инстинкту, по выбору. Это было их хобби в жизни. Они убивали не ради пищи, а ради развлечения.

— И они просто стерли с лица Земли всех динозавров?

— Во всяком случае, всех, что тогда жили; все современные им виды. Думаете, это невозможно? А сколько времени понадобилось нам, чтобы уничтожить стадо бизонов в сто миллионов голов? А что стало с дронтами за несколько лет? Предположим, если бы мы всерьез взялись за это, то сколько бы продержались львы, тигры и жирафы? Господи, да к тому времени, как я увидел этих ящеров, на земле не осталось никакой крупной дичи — ни одной рептилии, пожалуй, длиннее пятнадцати футов. Все исчезло. Эти чертенята гонялись теперь за маленькими, суетливо перебегающими по земле, и, вероятно, с сожалением вспоминали добрые старые времена.

Мы молча сидели, смотрели на свои пустые

кружки и думали. Все эти динозавры, здоровенные, как дома, убиты маленькими ящерами с пистолетами. Убиты ради спортивного интереса.

Потом Джо наклонился над столом, положил руку на плечо профессора, легонько так, и потряс его.

— Эй, п'фессор, — сказал он, — но если так, то что же случилось с этими маленькими ящерами, у которых были пистолеты? А? Вы не возвращались туда, чтобы узнать?

— Вы все еще не понимаете? Ими уже овладевали новые желания. Я прочел это по их глазам. Крупная дичь у них кончалась — они лишались своего удовольствия. Ну и, как вы думаете, что же они сделали? Они обратились к другой дичи — самой крупной и самой опасной из всех — и повеселились на славу. Они охотились за этой дичью до конца.

— За какой еще дичью? — спросил Рей. Он ничего не понял, а мы с Джо все поняли.

— Да друг за другом, — промком сказал профессор. — Покончив со всеми остальными, они взялись друг за друга, пока не осталось ни одного.

И снова мы замолчали и задумались об этих динозаврах, здоровенных, как дома, а прикон-

ченных маленькими ящерами с пистолетами. Думали мы и об этих маленьких ящерах, которые так и не смогли перестать стрелять, даже когда упражняться в стрельбе можно было только друг на друге.

— Бедные глупые ящеры! — произнес Джо.

— Да, — вздохнул Рей, — бедные чокнутые ящеры.

И тут случилось нечто такое, что нас не на шутку напугало. Профессор вдруг вскочил, а глаза у него были такие, будто вот-вот выскочат из орбит, а сам он накинется на нас.

— Дураки безмозглые! — закричал он. — Чего сидите и распускаете нюни по каким-то рептилиям, которые подошли сто миллионов лет назад? То был первый разум на Земле, и именно так он и кончился. Это уже в прошлом. Но мы-то уже второй разум, а как, черт побери, вы думаете, кончим мы?

Он оттолкнул стул и направился к двери. Но прежде чем совсем уйти, остановился и сказал:

— Бедное глупое человечество! Вот о чем надо плакать!

Перевел с английского В. ПОСТНИКОВ.

Коса на камень

На миллион, а то и более садоводческих участков будет ежегодно прирастать земельный клин, предоставляемый трудящимся, тем, кто еще не утратил или только что ощутил охоту покопаться в земле — с пользой для дела и для своего здоровья.

Для садоводов-любителей проблема инструмента — одна из важнейших. Показали как-то на ВДНХ садоводческие самоделки — отбою не было от желающих приобрести такие же. Не приобретут. Промышленность игнорирует поделки умельцев... Желающих иметь хороший инструмент много. Им нужен не вообще инструмент, а должного качества, в полном наборе. Может, и «целевого назначения».

И представлялось, что именно под таким углом зрения рассмотрим публикацию «Коса на камень» («Огонек» № 17, 1986) в ведомствах, от которых зависит решение вопроса. Но, во-первых, отозвались немногие; отмалчиваются, в частности, изготовители инвентаря и инструмента. Похоже, их устраивает ситуация, когда нет должного выбора и, значит, почти все раскупается. Во-вторых, это, по существу, отписки Министерства торговли СССР и Центросоюза. В их ответах ничего не говорится о качестве инструмента, нет его оценки. Отмечается, что «потребность кооперативных организаций на 1986 практически по всем видам ручного сельхозинвентаря удовлетворяется» (таково мнение заместителя начальника Главкоопхозлесторга Центросоюза С. Петушкова). И, мол, к чему волнения?.. «За годы одиннадцатой пятилетки производство садово-огородного инструмента ручного

и механизированного увеличилось с 89 миллионов рублей до 470 миллионов» (цитируем письмо начальника Главкультабторга Минторга СССР С. Варенко). Заметьте: ничего не говорится о цене на тот или иной конкретный инструмент, речь идет о росте «вообще», об оценке чохом, целиком, по сути — о вале. А ведь цена далеко не всегда говорит об увеличении в штуках, бывает, и нередко, покрасили в другой цвет те же грабли — и подавай за это дополнительный двугривенный, а то и больше. Рост объемов не характеризует и качества. А вопрос в публикации ставился определенно: почему есть два качества — хорошее, как в эстонском объединении «Васар», и плохое — как у многих других? Письмо Центросоюза косвенно подтверждает это: в Сибири и в Средней Азии, сообщается в письме, «не все еще благополучно с качеством выпускаемого садово-огородного инвентаря».

Но кто ответствен за это? От кого ждать изменений в лучшую сторону? Что, в частности, делают сами торговые ведомства, чтобы выправить дело? Пока мало что делают. Иначе как объяснить, что даже такое в общем-то благополучное производство, каким славится павловское научно-производственное объединение «Мехинструмент», вырабатывало и поставляло торговле «низкого качества секаторы кустарниковые, лопаты, наборы ручного инструмента виноградаря» (брак составил 100 процентов! Это данные Госторгинспекции РСФСР). Низкого качества садово-огородный инструмент выходил из цехов кемеровского завода «Металлист», а также носящего такое же название горь-

ковского производственного объединения, да и других предприятий, объединений, фабрик, заводов. Из проверенных работниками Госторгинспекции 600 посадочных совков, о выпуске которых пытались отпартовать объединение «Волжскпродмаш» Минлегпищеша СССР, забраковано двести шесть — более трети!

Зная все это (а не зная Минторг и Центросоюз не могут, не имеют права), забить бы тревогу, воспользоваться печатной трибуной и еще раз назвать поименно поставщиков-бракоделов, сказать и о том, что сами недоделывают «в плане борьбы за качество».

Это и была бы реальная забота о садоводах да и об экономике в целом. (Не будет лишним, если мы в скобках приведем мнение одного из руководителей объединения «Союзтехпромавтоматизации» Минсельхозмаша, высказанное на страницах авторитетного «Эко». Вот что было написано в этом журнале: «Заявки торговли по закреплению за нами номенклатуре (32 наименования) не удовлетворяются только на секаторы. Но и с ними скоро будет все в порядке. А в остальном — нормально. Почему нет в магазинах? Это уже дело торговли — мы ориентируемся на ее заявки. Наши предприятия производят и могут производить все, что нужно, и столько, сколько нужно...»)

Гораздо более заинтересованную позицию заняло Министерство торговли Российской Федерации. Заместитель министра В. Козлов прислал дельное письмо, попытался найти пути решения вопроса. Он сообщает, что на основе только одного просмотра «по оценке качества, технического и эстетического уровня садово-огородного инструмента и инвентаря, опрыскивателей, средств малой механизации» было рекомендовано прекратить производство 86 изделий! Заместитель министра, ана-

лизируя практику получения товара от промышленности, говорит о том, что вопрос этот не прост. «Разумеется, предпочтение отдается местным товарам. И это правильно», — пишет он, но тут же делает принципиального характера уточнение: но надо, чтобы такой товар по качеству не уступал изделиям эстонских мастеров! И для этого, оказывается, «в каждом регионе имеется все необходимое». Условия есть, а хороших изделий мало. Почему? Надо признать, что возможности промышленности далеко «не везде используются в полную силу, поэтому качество и ассортимент товаров для садоводства и огородничества, выпускаемых в ряде областей, уступает лучшим образцам». Министерство торговли РСФСР «обязало республиканское оптовое объединение «Росхозторг» и подведомственные ему оптовые предприятия ужесточить (подчеркнуто нами. — Ред.) требования к изготовителям, добиться выполнения повышенных запросов покупателей».

Это обнадеживает. Но истораживает. Ведь до сих пор скова- на инициатива оптовой торговли, поставщики изделий заранее раскреплены и расписаны, у торговли, если разобраться, нет права выбора товара. Мы поинтересовались: что предпочел бы оптовик — дать заказ дальнему, но хорошо себя зарекомендовавшему поставщику, или получать товар от соседа, который делает лопаты из такого мягкого металла, словно им не землю копать предстоит, а песок перекидывать?

Так вот обстоят дела с качеством.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА.

Заслуженный артист РСФСР Валерий Золотухин в последние годы стал известен и как прозаик. С Владимиром Высоцким его связывала многолетняя дружба и актерская судьба — работа в Московском театре драмы и комедии на Таганке и в кино... Об одном эпизоде этой дружбы — рассказ, который мы публикуем.

Валерий ЗОЛОТУХИН

В скорый поток спешных воспоминаний, негодований, видений и ликований о Владимире Высоцком мне бы не хотелось тут же вплеснуть и свою ложку дегтя или вывалить свою бочку меда, ибо «конкуренция у гроба», по выражению Томаса Манна, продолжается, закончится не скоро, и я, по-видимому, еще успею проконкурировать и «прокукарекать» свое слово во славу этого имени. И получить за это, что мне положено. Но сегодня просили меня, не вдаваясь шибко в анализ словотворчества поэта, в оценку его актерской сообразительности, не определяя масштабности явления, а также без попытки употребить его подвиг для нужд личного самоутверждения сообщить какой-нибудь частный случай, пример, эпизод или что-то в этом роде, свидетелем которого являлся бы только я и никто другой. И я согласился, ибо такой частный факт (факт действительного случая или фантазия сообщившего) в любом случае непроверяем на достоверность: как скажу, так и было...

А было так. У меня есть автограф: «Валерию Золотухину — соучастнику «Баньки»... сибирскому мужику и писателю с дружбой Владимир Высоцкий». Я расшифрую этот автограф.

Судьба подарила мне быть свидетелем, непосредственным соглядатаем сочинения Владимиром Высоцким нескольких своих значительных песен, в том числе мо-

Фото В. ПЛОТНИКОВА

ИЛИ ЭТЮД О БЕГЛОЙ ГЛАСНОЙ

ей любимой «Баньки»: «Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого света отвык. Угорю я, и мне, угорелому, пар горячий развяжет язык...» Хотя слово «песня» терминологически не подходит к определению жанра подобных созданий. Потомки подберут, ладно.

Итак, «Банька»... 1968 год. Лето. Съёмки фильма «Хозяин тайги». Сибирь. Красноярский край. Манский район, село Выезжий Лог. Говорят, когда-то здесь кроваво проходил Колчак. Мы жили на постое у хозяйки Анны Филипповны в пустом, брошенном доме ее сына, который оставил все хозяйство матери на продажу и уехал жить в город, как многие из нас. «Мосфильм» определил нам две раскладушки с принадлежностями; на осиротевшей железной панцирной кровати, которую мы для уюта глаза заправили байковым одеялом, всегда лежала гитара, когда не была в деле. И в этом позаброшенном жилье без занавесок на окнах висела почему-то огромная электрическая лампа в пятьсот, однако, свечей. Кем и для кого она была забыта и кому предназначалась светить? Владимир потом говорил, что эту лампу выделил нам мосфильмовский фотограф. Я не помню, значит, фотограф выделил ее ему. Работал он по ночам. Днем снимался. Иногда он меня будил, чтобы радостью удачной строки мне радость доставить. Удачных строк было довольно, так что... мне в этой компании было весело. А в окна глядели люди — жители Сибири. Постарше поодаль стояли покуривая или поплеывая семечки, помоложе лежали в бурьяне, может, даже не дыша; они видели живого Высоцкого, они успевали поглядеть, как он работает. А я спал, мне надоело гонять их, а занавески сделать было не из чего. Милицейскую форму я не снимал, чтобы она стала моей второй шкурой для роли, а жители села думали, что я его охранник. Я не шучу, это понятно, в 1968 году моя физиономия была совсем никому не знакома. И ребяташки постарше (а с ними и взрослые, самым-то вроде неловко), когда видели, что мы днем дома, при-

ходили и просили меня как сторожа «показать им живого Высоцкого вблизи». И я показывал. Вызывал Владимира, шутил, дескать, «выйди, сынку, покажишь своему народу...». Раз пришли, другой третий, и повадились — «вблизи поглядеть на живого...». И я вежливо и культурно, часто, разумеется, обманно выманивал Володую на крыльцо. Пусть, думаю, народ глядит, когда еще увидит... А потом, думаю (ух, голова!), а чего ради я его за ТАК показываю, когда можно ЗА ЧТО-НИБУДЬ? Другой раз, когда «ходоки» пришли, я говорю: «Несите, ребята, молока ему, тогда покажу». Молока наносили, батюшки!.. Не за один сеанс, конечно. Я стал сливки снимать, сметану организовали... излишки в подполье спускал или коллегам относил, творог отбрасывать научился, чуть было масло сбивать не приноровился, но тут Владимир Семенович пресек мое хозяйское усердие. «Кончай, — говорит, — Золотухин, молочную ферму разводить. Заставил весь дом горшками, не прой- дешь... Куда нам столько? Вези на базар в выходной день».

«Чем отличается баня по-белому от бани по-черному?» — спросил он меня однажды. За консультацией по крестьянскому быту, надо сказать, обращался он ко мне часто, думая, раз я коренной чалдон алтайский и колхозник, стало быть, быт, словарь и уклад гнезда своего должен знать досконально (в чем, конечно, он ошибался сильно), но я не спешил разувать его в том, играя роль крестьянского делегата охотно и до конца, завираясь подчас до стыдного. На этот раз ответ я знал не приблизительный, потому что отец наш переделявал нашу баню каждый день, то с черной на белую, то с белой на черную, и наоборот, — по охоте тела. Баня по-черному — это когда каменка из булыжника или породного камня сложена внутри самого покоя без всяких дымоотводов. Огонь раскаляет докрасна непосредственно те камни, на которые потом будем плескать воду для образования горячего пара. От каменки стены нагреваются, тоже не шибко дотронешься. Дым от сгора-

ния дров заполняет всю внутренность строения и выходит в двери, в щели, где найдет лаз. Такая баня, когда топится, кажется, горит. Естественно, стены и потолок слою сажи покрываются, которую обметают, конечно, но... Эта баня проста в устройстве, но не так проста в приготовлении. Тут искусство почти. Надо угар весь до остатка выжить, а жар первородный сохранить. Это целая церемония: кто идет в первый пар, кто во второй, в третий... А веники приготовить... Распарить так, чтобы голиками от двух взмахов не сделались?

Баня по-белому — баня культурная, внутри чистая. Дым — по дымоходу, по трубе и в белый свет. Часто сама топка наружу выведена. Но чего-то в такой бане не хватает, для меня по крайней мере все равно что уха на газу. Моя банька — банька черная, дымная, хотя мы с братом иной раз с черными задницами из бани приходили и нас вдругорядь посылали, уже в холодную...

В то лето Владимир парился в банях по-разному: недостаток в банях в Сибири нет. И вот разбудил он меня среди ночи очередной своей светлой и спрашивает: «Как, говоришь, место называется, где парятся, поллок?» «Полок,— говорю,— Володя, поллок, ага...» «Ну, спи, спи...» В эту ночь мы или в другую, уж не помню сейчас, только растеряв он меня снова, истощенный, с гитарой наизготовке, и в гулком, брошенном доме, заставленном корчагами с молоком, при свете лампы в пятьсот очевидных свечей зазвучала «Банька»:

Протопи ты мне баньку,
 хозяюшка,
Раскалю я себя, распалю!
На полочке у самого краюшка
Я сомненья в себе истреблю!
Разомлею я до неприличности,
Ковш холодный...— и все
 позади...

Где-то с середины песни я стал невольно подмигивать ему втору, так близка оказалась мне песня по ладу, по настроению, по словам.

Я мычал и плакал от радости и счастья свидетельства... А когда

прошел угар радости, в гордости соучастия заметил Владимиру, что «на полоче» неверно сказано, правильно будет — на полке. «Почему?» «Не знаю, так у нас не говорят».

«У нас на Алтае», «у нас в Сибири», «у нас в народе» и т. д.— фанаберился я, хотя объяснение было простое, но, к сожалению, пришло потом. Гласная «о» в слове «полок» при формообразовании становится беглой гласной, как «потолок — потолке» и пр. Но что нам было до этой гласной? Правда, в записях последних лет ясно слышится, что Владимир великодушно разрешает гласной «о» все-таки убегать, компенсируя ее отсутствие в ритмической паре, строенной звучащей соседкой «л»: «на пол-л-лке у самого краюшка...» и т. д.

В этом замечании, которому я не мог дать объяснение, и в том, что мы часто пели потом «Баньку» вместе, и есть вся тайна моего автографа, вся тайна моего соучастия — счастливого и горячего. А еще потом я уж не мог ему подпевать, кишки не хватало, такие мощности нездешние, просто нечеловеческие он подключал, аж робость охватывала.

В добавление. Или в послесловие. На одном из выступлений мне пришла записка: «Правда или сплетня, что вы завидуете чистой завистью Владимиру Высоцкому?» Ответ, который я осуществил, показался мне не столь удачным, сколько почти искренним.

«Да, я завидую Владимиру Высоцкому, но только не чистой, а самой черной завистью, какая только бывает. Я, может быть, так только здесь, уважаемые зрители, ради бога, поймите меня верно, я, может быть, так самому Александру Сергеевичу Пушкину не завидую, как Высоцкому, да потому, что имел честь и несчастье быть современником последнего».

Громко! Несоразмерно? Но ведь иные считают и говорят, как обухом под дых и наотмашь: «Высоцкий? Мы такого поэта не знаем...»

А истина... Да разве не существует она вне наших мнений, вкусов, словесных определений?

Вот и весь частный случай.

Четыре девушки с персиками и один мужчина.

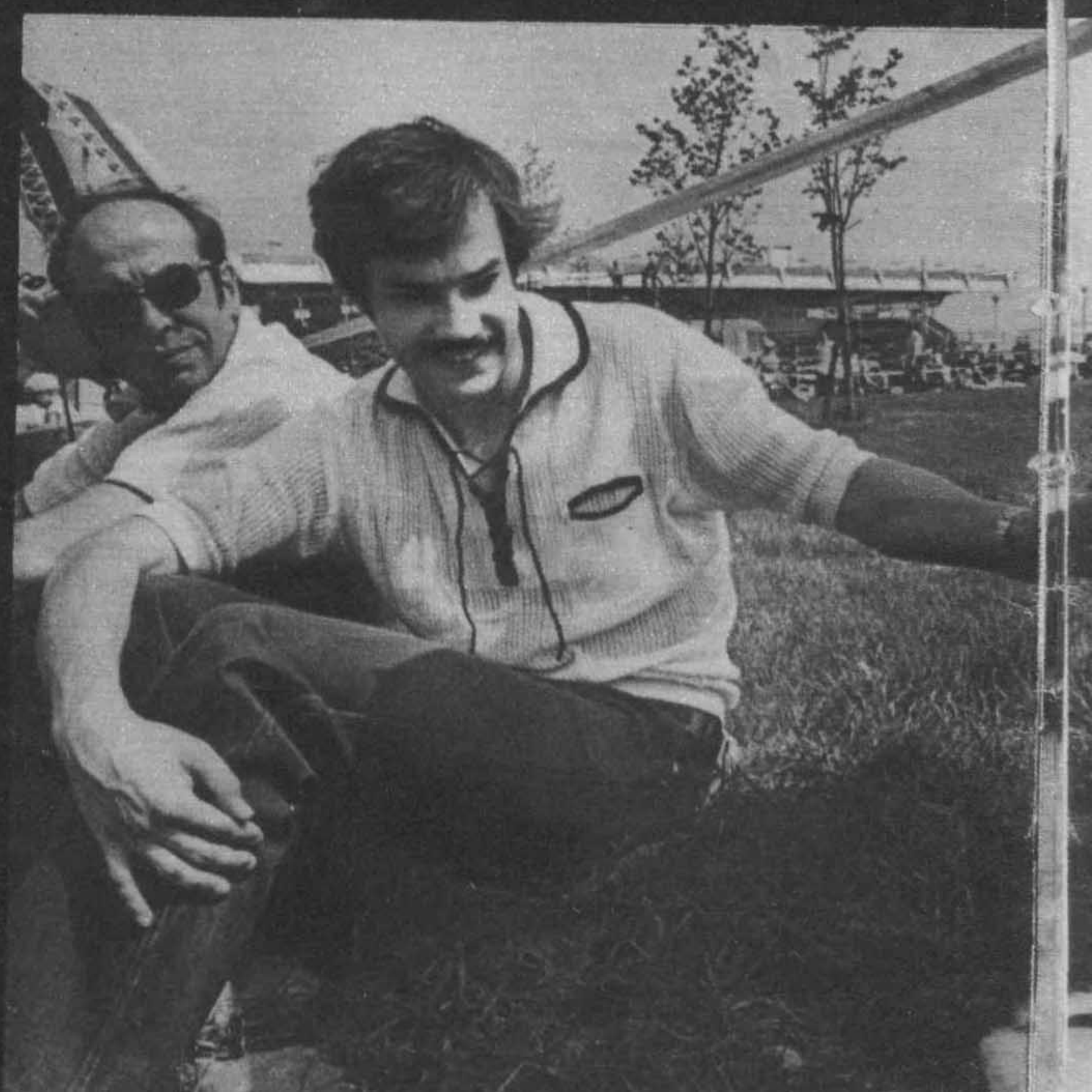

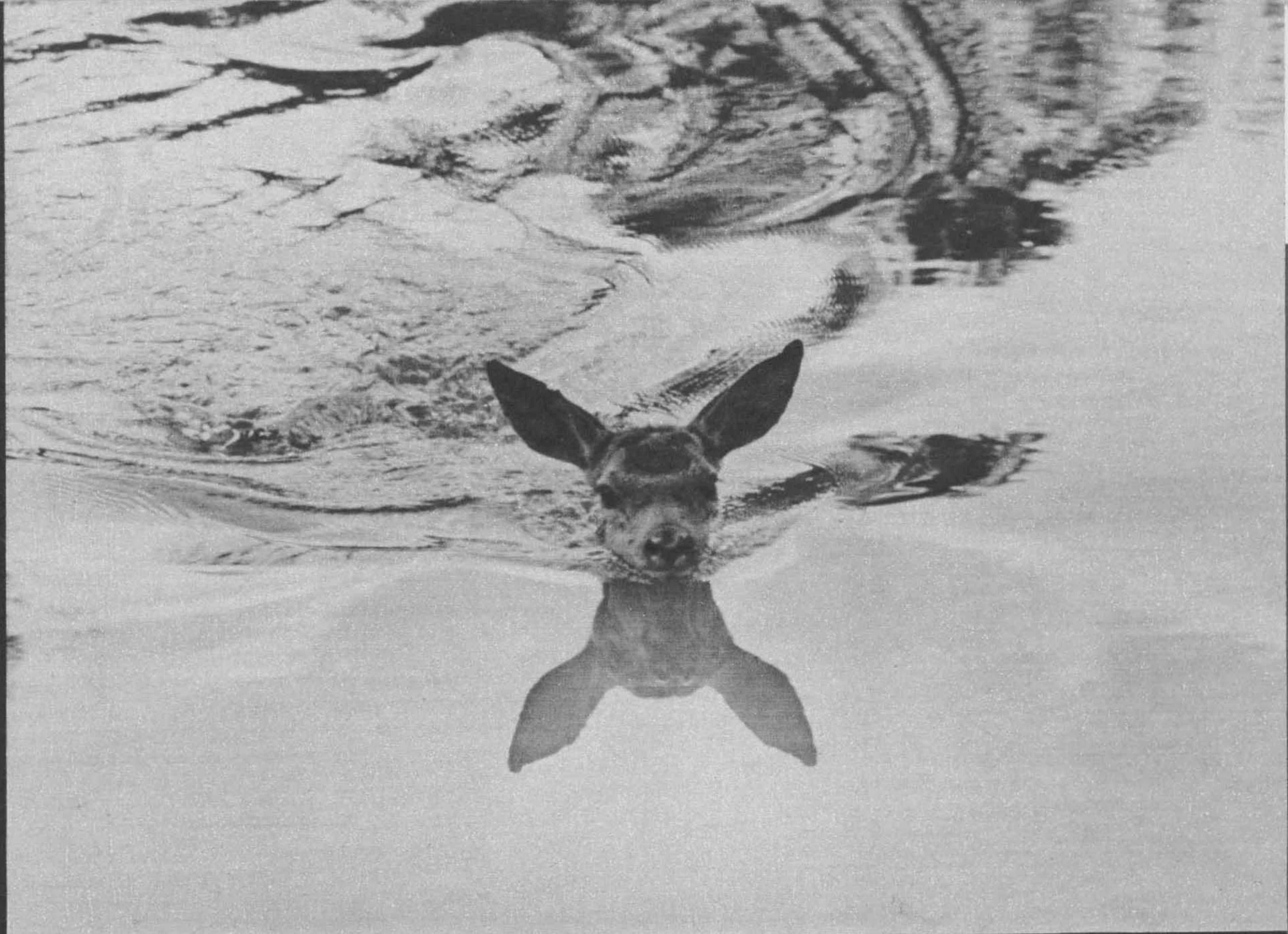
Своей дорогой.

Тупик.

Ох уж эти блондинки!

В новой стихии.

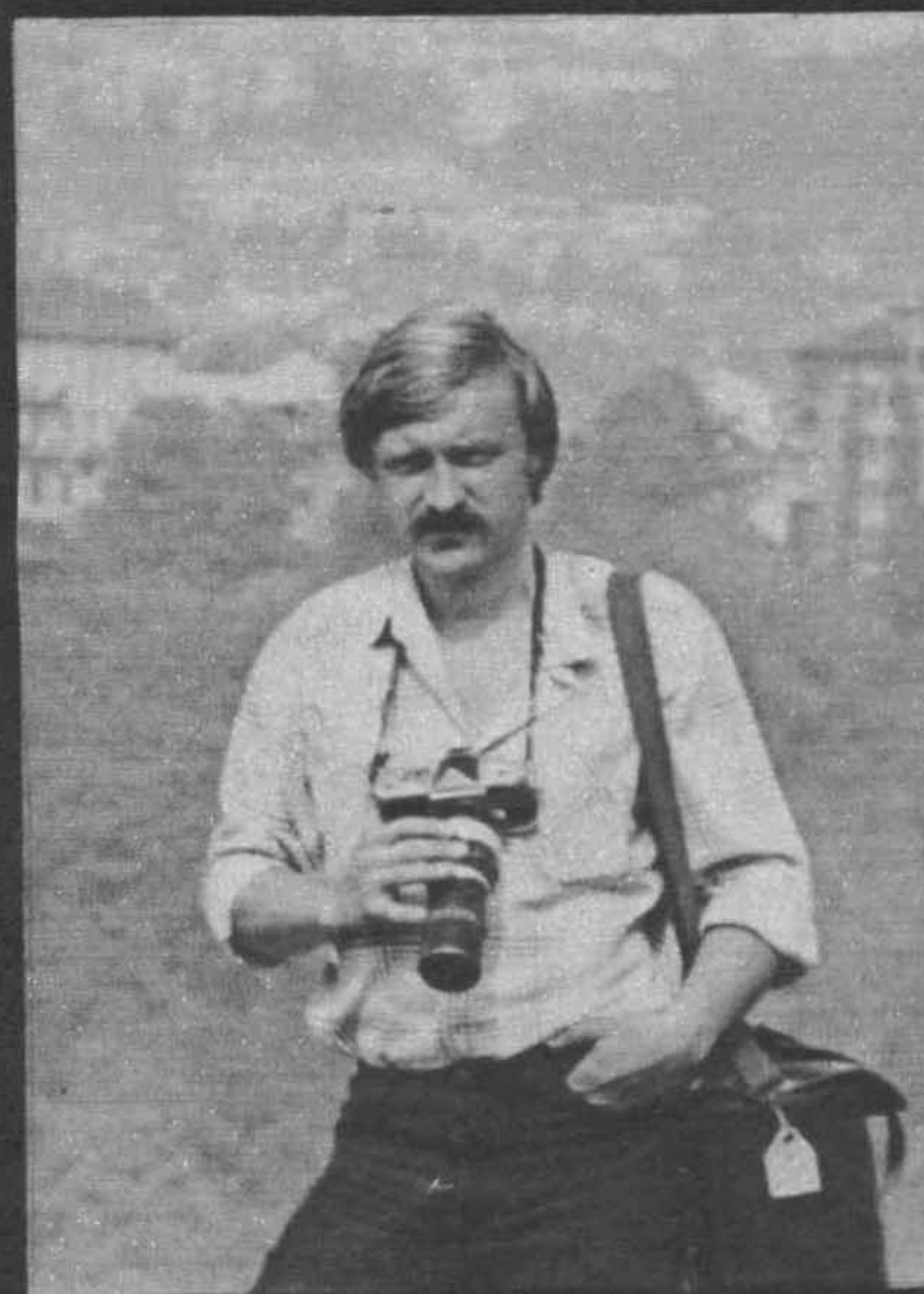
Про нашего коллегу Игоря Гаврилова иногда говорят, что он родился с «лейкой» в руках... Сам он точно не может припомнить возраст, когда впервые взял фотокамеру в руки, это была «Смена-6».

— Она сохранилась!

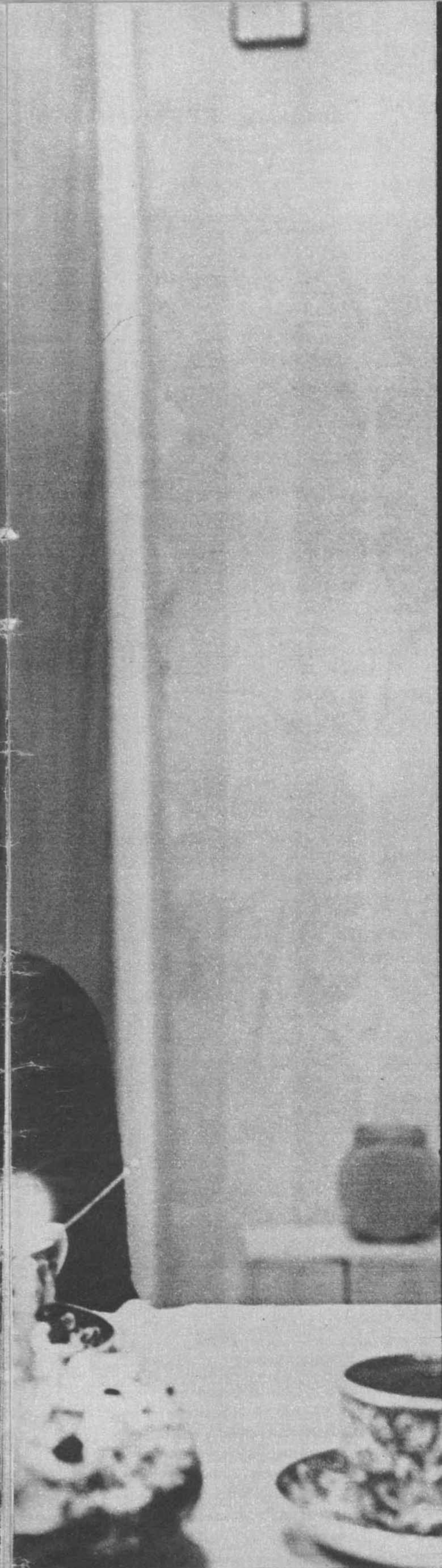
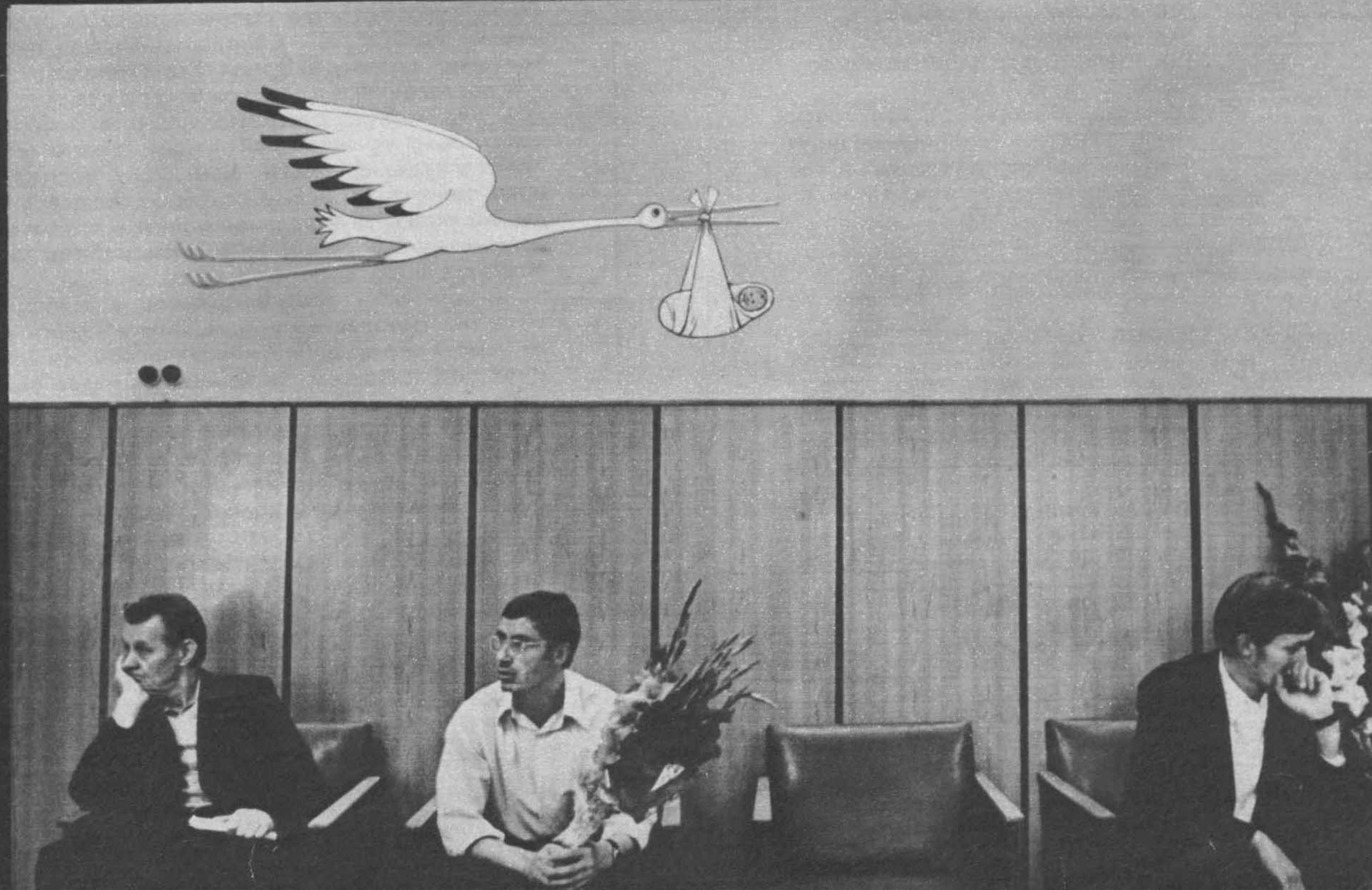
— Нет. Я подарил ее отцу, когда мне купили «Зенит».

Гаврилов — репортер. Прежде всего репортер. Отсюда вечный знак «!». Гаврилов-репортер задает вопросы Гаврилову-художнику практически в каждой снимке, а решать их нужно нам, приглашенным на этот вернисаж.

Выпускник фотоотделения факультета журналистики МГУ, он поступил туда как победитель, к сожалению, ныне забытого совместного конкурса Союза журналистов СССР и факультета журналистики «Проходной балл». Одиннадцать лет назад его пригласили в «Огонек».

«Спасибо, аист!»

День рождения.

А. Плотнов. Род. 1916. ДВА ПОКОЛЕНИЯ НОВОЛИПЕЦКИХ МЕТАЛЛУРГОВ. 1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

А. Плотнов. НА ПОЛЕ КУЛИКОВО (Фрагмент). 1980.

Художественная выставка «Советская Россия».

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

СЕНОКОС В ЗЕНИТЕ...

См. стр. 10

Такой уж нынче год, что травы доспели на полмесяца раньше среднеобычного, особенно те, что из-под полой воды, а с ними — и сеяные злаковые и бобовые. Пошли до времени и луга, естественное разнотравье, милое сердцу селян и поэтов, но менее ценное в понимании зоотехников. Иное дело люцерна, тимopheевка, лисохвост, костер безостый, рапс!.. Их рост и развитие подогнало солнце, оттого и свалили их много раньше там, где хозяева действительно хозяева, где чутко уловили исключительное значение грубых кормов (сена и сенажа) именно в нынешнем году, когда часть озими по весне пересеяли, отчего уменьшились расчеты на зернофураж. И вообще все говорит о том, что концентратный тип кормления самое время пересмотреть в пользу широкого использования в рационах кормов сочных и грубых. Ну да это дело агрономов и зоотехников, а у нас речь о заготовке первой травы. Так вот многолетние травы в севооборотах и разнотравье поим отменные. Конечно, только там, где их пробороновали после зимы, подкормили, полили... Только ленивый не взял нынче сено чайной пряности.

Кормовые дворы, часто даже крытые, — новшество. Сено в стогах, затюканное, в рулонах — целее будет. И ценнее. Запомнился штурм — много слова не подобрать — последнего поля с костром безостым, которым повелевал Виктор Антонович Зюзюков, главный инженер рамонского колхоза «Путь к коммунизму». Виктор Антонович (он был делегатом XXVII съезда КПСС) един в трех лицах: начальник цеха механизации, кандидат исторических наук и секретарь колхозного парткома. Дочерка загорелый, азартный и в то же время по-инженерному мыслящий, расчетливый, он стоял в эпицентре сеноуборки, а десяток тракторных экипажей согласно и безостановочно вершили великое деревенское дело. Сгребали. Сваливали. Метали. Машина машине как бы сама по себе передавала горы сена. Его подхватывали одиннадцатитонные самосвальные повозки на прицепе (целая скирда на колесах!) и не спеша уплывали на дальний кормодвор. Там сноровистые мужики принимали сено со стальных бивней сенопогрузчиков и вершили остатний стог. А всего их тут стояло уже побольше десятка. Завидный запас. Года на полтора. И безобманный — все сено прошло через весы, так что никаких, как бывало, промеров вожжами на глазок и последующих пересчетов по формуле... Главное, сено тут же накрывали пленкой, а ставилось оно рядом с коровниками, и теперь не надо будет зимой через снега таскать его из-за Дона.

Мне, признаюсь, по душе слово «кормодобытчики». От них, работающих по единому коллективному наряду, зависит сытая зимовка

на фермах. Но дирижер с придонской поймы Зюзюков, одержимый идеей все механизировать, считает, что правильнее называть отрасль кормопроизводством: не добывать, мол, а производить! Добывают зверя. Или уголь, нефть. Корм, многотонную биомассу, надо уметь вырастить, убрать и сохранить без потерь питательных веществ. Не все умеют. Не умеют прежде всего программировать урожайность ценных, но капризных трав. Не умеют убереечь витамины, сохранить достоинство кормовых единиц...

Отныне кормопроизводство решает судьбу интенсивной экономики. От кормов зависят привесы и надои, прибыли и рентабельность хозяйства в целом. Зерно могли и закупить сверх обговоренной меры, а сено, силос, корнеплоды останутся в хозяйстве.

И в Воронежской области это понимают. Здесь, как говорится, с открытыми глазами раньше всех привычных сроков, еще в июне повели заготовку первого корма, то есть пока еще не силосную массу и не фуражное зерно. И до желанных дождей! А пали они — жди обильной отавы! И селяне смело предсказывают, что второй укос будет потяжелее первого. Хорошо бы...

А кто ждал, пока трава наберет вес, тот прогадал. Не набрала — солнце быстро перехватило дыхание у растений, сокодвижение иссякло. Так что далеко не все воронежцы, быть может, так поработали, как показали нам в хозяйствах действительно образцовых. Но там, где понимание погодной ситуации не оработало, там остались в проигрыше — обидно и убыточно было ждать привычных указаний по телефону в год явного зернового недорода в здешних местах. Странно из года в год слышать, что, мол, кос нехватка, механических граблей нет, горожане подвели, сеновалы без крыш, сенаж не трамбуют... Как чужие на чужой земле, будто не болит душа за скотину, за новые планы по мясу и молоку. Отчего бы это? Почему воронежцы обогнали соседей по Центрально-Черноземной зоне? Или солнце застало глаза тем, кому предстоит год кормить миллионы голов крупного рогатого скота, свиней, птиц? Добрые вести пришли из республик Прибалтики, из Белоруссии, где нужда повелевала собирать каждую травинку — до цветения свалить и высушить травы, когда они наиболее ценны для приговления сена.

А вот в областях Нечерноземья, где корма все дороже и дороже, где им самой природой уготована роль второго хлеба, и нынче косят — до сих пор косят вопреки науке и разумению — ни шатко ни валко. Да ведь и в зарботке люди теряют, а поди ж ты, упустили свое немногое. Проще всего медленные темпы заготовки кормов объяснить или пытаться объяснить хронической неорганизованностью

или неумными рекомендациями людей со стороны. Заготавливать корма должно быть и престижно, и выгодно. Всем выгодно! Всем, кто живет в сельском районе, в селе или деревне. Там, где тянули с бригадами на подряде, не заключили вовремя договоров, темнили с оплатой, там траву не взяли. Или взяли вдвое меньше, чем даровало лето. А ведь скажи людям, что часть сена они отвезут себе, на свой двор, работа пошла бы иначе. Умники парируют: и так, мол, травы под солнцем сгорели, общественный скот нельзя обделывать. Но эта «забота» об общественном — видимость и отговорка. Зимой было столько наобещано в смысле оплаты по труду!.. А пришел июнь — и все разговоры подчас сводятся к трудноусвояемым процентам от выработки. Там, где мы застали сенозаготовку, косари и все, все, кто принял самое жаркое личное участие в урочной работе, твердо знали, что получат за сено сено! А на неудобьях траву взяли исполу. Да не после того, как хозяйство план закрыло, а в те же дорогие дни — ничего, время нашли, день-то долгий. Слишком дорого обходилась бдительность экономически безграмотных стражей общего добра. Умные руководители не дрожали ни над клокотом сена, ни над каплей горючего, а положились на всеохватную решимость населения в трудный год не остаться без кормов — скот не оставят. Общественный скот — прежде всего. И личный, часть молока и мяса от которого идет не за океан, а в план того же колхоза или совхоза. Земля одна, и принадлежит она тем, кто на ней живет и работает.

Ясность в оплате, оплата кормами — это одно. Есть и другие, как модно говорить, слагаемые успеха (или неуспеха, тогда слагаемые со знаком «минус»). К началу июля в стране травы убрали более чем с 31 миллиона гектаров. То есть темпы вроде бы неплохие, но сколько еще работы остается впереди! В Госагропроме СССР нам сообщили, что нынче к исходу июня было заготовлено сена на пять с половиной миллионов тонн больше, чем к этому сроку в прошлом году. Управиться помогла прекрасная погода — бездожде.

Но дело не только в погоде — сказалось умелое маневрирование техникой. В ход пущено было все, что косило, ворошило, подбирало. На покосы влозили механизаторы вышли сельские служащие, старшеклассники, отпускники, пенсионеры. Там, где было понимание ситуации, там был интерес и личный. Ну, и бригадный подряд, без него кормопроизводство — несбыточное дело.

Нет, не оставляет тревога за близкую зимовку. Передовики снова в передовиках. Но страну кормят не избранные либо удачливые, а все, кто держит общественное и личное поголовье. Не взять выращенное — последнее дело. Надо взять. И укрыть от ненастья.

См. 2-ю
обложку

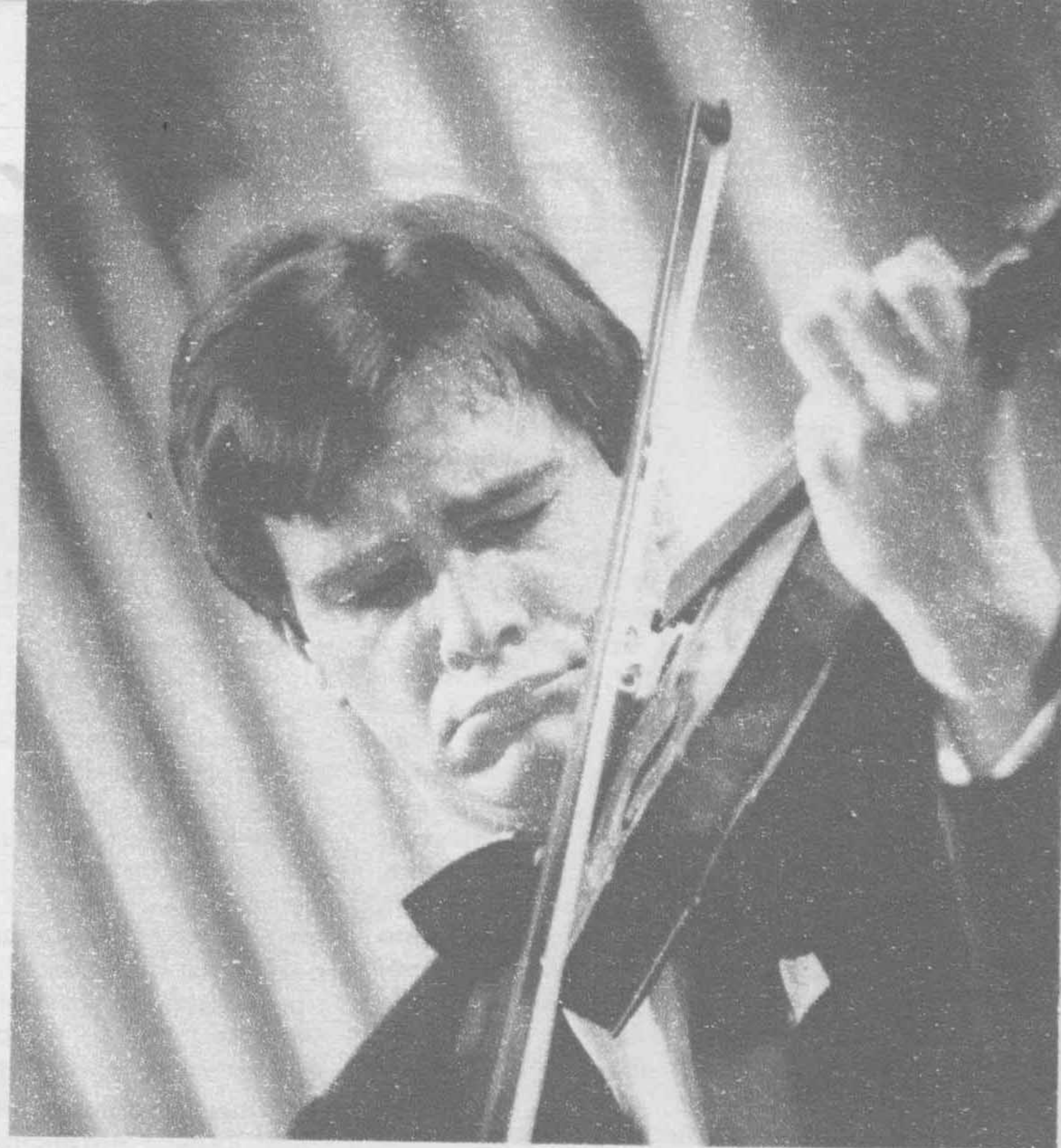
рой воли. А на следующий день стадион снова заполнился зрителями, собравшимися здесь для встречи с сильнейшими легкоатлетами мира.

Создание программы таких комплексных соревнований, как Игры доброй воли, — дело не менее сложное, чем сценарий праздника их открытия. Это легко сказать: от пловцов до гребцов, а ведь в это «от и до» вмещаются семнадцатидневные бои, выступления спортсменов 20 видов спорта. Подготовить арены, подобрать квалифицированных судей, наладить выпуск спортивной документации, обеспечить всем необходимым и спортсменам, и журналистам. Какая глыба дел! И эта глыба начала свое движение еще за день до торжественного открытия. Первыми вступили в борьбу представители «вице-королевы» спорта — пловцы, и первый же день порадовал нас новым мировым рекордом Владимира Сальникова. После трехлетней паузы олимпийский чемпион и рекордсмен мира в плавании на 800 метров улучшил свой мировой рекорд, проплыв эту трудную дистанцию за 7 минут 50,64 секунды. За этими бесстрастными цифрами стоят многолетний труд, непрестанные поиски.

Уже первый день выступления пловцов вылился в напряженное состязание советских и американских спортсменов. Такое же единоробство двух команд ожидается и в легкой атлетике. Началом большого спортивного события стал марафонский бег женщин, проведенный утром 5 июля. Еще не так давно этот вид программы считался мужским, но уже несколько лет как он включен и в программу соревнования женщин. Первую золотую медаль по легкой атлетике завоевала советская спортсменка Надежда Гумерова. 37-летняя бегунья еще никогда не добивалась такого большого успеха. Вслед за женщинами вышли на старт и мужчины-марафонцы, начали борьбу десятиборцы и семиборцы, бегуны, прыгуны и метатели копья. И это было вступлением к четырехдневной борьбе. А вместе с легкоатлетами соревнуются баскетболисты, современные пятиборцы, скоро поднимут свои паруса яхты, взлетит теннисный мяч, и у нас будут все больше разбегаться глаза от обилия спортивных зрелищ, от все новых и новых проявлений доброй воли и дружбы.

В. ВИКТОРОВ

ОТ ДРУЖБЫ В СПОРТЕ — К МИРУ НА ЗЕМЛЕ

Рафаэль Олег — победитель конкурса скрипачей.

Александр ЛЕОНИДОВ
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Ч

Без малого месяц продолжался VIII Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Позади многочасовые прослушивания трех сложнейших этапов этого музыкального состязания, позади томительные минуты ожидания итогов, позади концерты лауреатов. А страсти, пожалуй, никак не улягутся. И больше всего споров вокруг конкурса пианистов, который был самым представительным: 111 участников из 29 стран.

Все одиннадцать молодых советских исполнителей сравнительно благополучно миновали первую конкурсную стадию и оказались в числе 39 претендентов на выход в финал. Но второй тур — своеобразное испытание на музыкантскую зрелость (фактически отделение сольного концерта) — внес существенные коррективы в расстановку сил. Стало ясно, что из четырех наших финалистов реально соперничать с пианистом из Великобритании Барри

Пианист из Великобритании Барри Дуглас (первая премия).

Итальянец Марио Брунелло завоевал золотую медаль.

В зале конкурсных прослушиваний.

Серебряный призер — пианистка Наталья Труль (СССР).

Е Р Е З Т Е Р Н И И...

Дугласом, ставшим фаворитом конкурса, может только Наталья Труль.

...После напряженных конкурсных дней, когда из распахнутых окон, перекрывая уличный шум, вырывались стремительные лавины пассажей, аккордов, октав, в эти утренние часы в консерватории непривычно тихо. В диспетчерской любезно сообщают, что за Наташей Труль записан 36-й класс и что будет она с минуты на минуту. И в самом деле, едва успеваю одолеть крутой лестничный пролет, как меня нагоняет высокая, стройная женщина с пышными смолянными волосами.

— Устала безумно, — роняет она на ходу, — но нужно хоть немного позаниматься.

Наташа сегодня должна играть на концерте лауреатов. Она, полагаю, волнуется: вчерашней рядовой участнице предстоит выйти на эстраду в ином качестве. Однако виду не подает.

— Во время конкурса тоже почти не волновалась. Было другое. Не всегда удавалось сосредоточиться. Ускользало внимание. Так, на втором туре не сразу нашла «свою игру».

Восприятие музыкантом собственного исполнения подчас не совпадает с реакцией публики. Все, кто слышал Труль, к примеру, практически единодушно утверждают, что играла она очень ровно. Впрочем, слово «ровно» с ярким артистическим обликом этой пианистки как-то не вяжется. Каждый выход на сцену Большого зала открывал новые привлекательные черты ее на редкость гармоничного дарования. А здесь могло стать и так, что мы бы не увидели Труль даже в списке конкурсантов. Во всяком случае, после предварительного отбора кандидатов в нашу команду (да простится мне спортивный термин, но другого не подберу) Наташа оказалась не у дел. И не только она. Необъективность такого решения

была настолько очевидной, что поспешили его «подретушировать»: к прошедшим отбор добавили непрошедших. В итоге число советских пианистов, претендующих на лауреатские регалии, вылилось в футбольную цифру 11. Команда! А надо ли столько? Даже человеку, весьма далекому от конкурсных баталий, понятно, что такое количество музыкантов от одной страны (будь они даже все о семи пядей) вряд ли сможет добраться до финала, что называется, без потерь. А ведь «косечка» на конкурсе — психологическая травма для исполнителя. Особенно на конкурсе имени Чайковского, когда за тобой пристально следят миллионы соотечественников. Поэтому нужно ли было выпускать на столь ответственное и тяжелое состязание совсем еще юных Александра Штаркмана и Алексея Султанова? Последний, как известно, играл вообще со сломанным пальцем. Об этом не преминула специально

В Клину. За роялем П. И. Чайковского член жюри конкурса Даниэл Поллак, лауреат I конкурса...

Цветы оркестру передает певец из КНДР Ким Дин-Гук.

сообщить одна из центральных газет (по иронии судьбы в тот день, когда Султанов не прошел на второй тур). Но вернемся к разговору с Трулль.

— Выступлением на конкурсе я в целом довольна, — считает Наташа. — На первом туре, мне кажется, удалась Тринадцатая соната Бетховена (жаль, что играла только две части), этюды и неожиданно хорошо прозвучала пьеса из «Времен года». Почему неожиданно? С музыкой Чайковского я всерьез соприкоснулась только во время подготовки к конкурсу. И надо сказать, далась она мне не без труда. «Думка», например, долго не получалась. Я имею в виду, безусловно, не техническую сторону, а характер. Все сразу стало на свои места, когда приступила к работе над Первым фортепьянным концертом Чайковского.

— Вы и его не играли?

— Представьте себе, никогда! Хотя в моем репертуаре семнадцать концертов для фортепьяно с оркестром.

— Но на конкурсы обычно выносят не разигравшиеся сочинения?

— Да. Но у меня получилось по-другому. Программа второго тура, к слову, выучена специально к конкурсу. Так мы решили с моим педагогом Михаилом Сергеевичем Воскресенским.

Наташа Трулль — человек сдержанный. Каждую фразу взвешивает. Но когда речь заходит о профессоре Воскресенском, говорит с теплом необычайным. Она считает, что судьба ее свела с удивительным музыкантом и человеком. У Михаила Сергеевича Наташа занималась последние три года учебы в Московской консерватории. Да и потом, уже находясь в Ленинграде, частенько приезжала к нему поиграть, посоветоваться. А он, несмотря на страшную занятость (концерты, уроки в консерватории), всегда находил время для Наташи. Кстати, именно с ним Трулль готовилась и к своему первому конкурсу: в 1983 году она победила в Белграде.

— Белградский конкурс, — продолжает рассказ пианистка, — очень напоминает по программе конкурс Чайковского. Выгодное отличие музыкального соревнования в югославской столице — скоротечность. Конкурс длится всего десять дней. Это не утомляет ни исполнителей, ни членов жюри, ни слушателей. Наш же конкурс отнимает массу сил. В буквальном смысле выматывает и психологически, и физически. Особенно тяжело в финале. За час с небольшим нужно успеть пройти с оркестром два трудных концерта (легкие на конкурсах не играют), а вечером того же дня играть на прослушивании. Насколько это сложно, вам может подтвердить любой участник финала. Некоторые из-за этого играли намного ниже своих возможностей. Особенно не повезло очень перспективному и интересному, на мой взгляд, пианисту Сергею Ерохину. Он открывал финальные прослушивания и не успел восстановиться после второго тура. Я на заключительном этапе лучше играть не могла, хотя и не во всем довольна своим выступлением. Настолько устала. Да и рояль был тяжелый. Думаю, что инструменты на соревновании с таким высоким престижем могли бы быть и лучше. Хочу поблагодарить дирижера Василия Синайского и оркестрантов за поддержку и чуткий аккомпанемент.

— А как бы вы прокомментировали итоги конкурса пианистов?

— Довольно щекотливый вопрос. Решение авторитетного жюри не принято оспаривать. Да я и не пытаюсь это сделать. Пусть меня правильно поймут. Все мы — и участники, и наши судьи, и публика — очень дорожим высоким международным авторитетом конкурса имени Чайковского. Так вот, на мой взгляд, на нынешнем музыкальном форуме не было ни одного пианиста, который бы безоговорочно играл на первую премию. Я была бы согласна получить место и ниже. Ведь в конечном счете главное — уровень нашего соревнования.

...Я выхожу на улицу Герцена. Из распахнутого окна, вплетаясь в уличный шум, вырываются стремительные лавины пассажей, аккордов, октав. Наташа Трулль играет «Петрушку» Стравинского.

Александр ИГНАТОВ

РОДИЛСЯ НА УКРАИНЕ

полудня летчики смотрят в небо, щуря глаза, в ожидании ракеты. Ракеты и приказа: «Через 60 секунд восьми «Якам»

быть в воздухе».

Она появляется в небе внезапно, в тот момент, когда всем кажется, что ничего уже не будет.

— Ракета, Петя! Включаю, а ты крутани и отскакивай.

Взлететь за 60 секунд можно, но две первые машины поднимают такую пыль, что только чудо позволяет другим избежать столкновения с кем-нибудь из своих. И вот из пыльного облака, окутавшего аэродром, вырывается последняя машина.

...Рассказывает, мешая русские слова с французскими, Константин Фельдзер, пилот «Нормандии — Неман». Коренастый, крепкий, с коротко стриженной седой головой — никогда не дашь ему 75 лет. В тот жаркий день 1944 года французские летчики прикрывали наших штурмовиков, бомбивших занятый гитлеровцами Витебск.

— От аэродрома до города всего 16 километров. Чепуха. Только успеешь подняться метров на пятьсот над «горбатыми» — так называли в войну «Ил-2», — и уже под фюзеляжами Витебск или то, что от него осталось: развалины, огонь, дым, пыль. И зенитки, черт бы их побрал!

Первый заход, второй... «Илы» пикируют. Мы на «Яках» за ними. Две тысячи метров высоты, тысяча шестьсот — у истребителей, а у штурмовиков всего 200. Зенитная артиллерия палит по ним на полную катушку.

Почему же они не бомбят? С ума, что ли, сошли, или им на все наплевать? Не для самоубийства же послали их на Витебск? Оглядываемся по сторонам: небо чистое, истребителей противника нет, так что мы пока, можно сказать, без работы.

...Третий заход. Все снова забирается со стороны солнца, снова атакуют. Вокруг первой машины целый венок искр — разрывов. Может, этим парням надоела жизнь?

Наконец начинают сыпаться бомбы. Сразу умолкает примерно треть зениток. Точность — это прекрасно, но как дорого она стоит! Задымил и повернул на восток один из бомбивших. Из второго выбросились двое парашютистов.

Четвертый заход. Штурмовики маневрируют, как на парижском параде в день взятия Бастилии. Невероятно!

Еще один штурмовик дымит. От другого отрываются куски обшивки. Но аккуратно летит к земле смертоносный груз. Внизу еще больше огня и дыма, еще меньше тех, кто стреляет.

Все. Возвращение. Не потеряно ни одной бомбы — все в цель! На обратном пути видна колонна танков: отступающие гитлеровцы. Так и есть, эти ребята не могут пролететь мимо. Поворачивают, снижаются и один за другим открывают огонь. Половина танков в кювете, большинство горит.

Черт возьми, стальные нервы у этих парней! Вот они переваливают через линию фронта и берут курс на свою базу. Ведущий взмывает свечкой вверх, «хлопает» крыльями, и все слышат в наушниках высокий девичий голос: «Прощай, французик, спасибо!»

За штурвалами штурмовиков были летчицы женского авиаполка. «Парни без нервов» оказались девушками...

Сколько таких рассказов у моего собеседника!

Судьба трижды сводила его с нашей страной. А началось все с того, что Людовик XIV разорвал

Нантский эдикт — данное протестантам обещание мира. Из родного эльзасского городка близ границы со Швейцарией исповедовавшие протестантство предки Константина бежали от преследований католиков на восток, в Россию. Вот как получилось, что будущий пилот «Нормандии — Неман» родился на Украине.

Семейная легенда гласит, что отец Константина играл в карты со шведским послом в России и обыграл его в пух и прах. Не в силах рассчитаться деньгами, тот отплатил долг чести, назначив партнера своим консулом в Киеве.

После революции и эвакуации из украинской столицы всех дипломатов семья бывших французских протестантов села на пароход в Одессе и приплыла в Марсель. Константин, которому в то время исполнилось десять лет, попал в парижский интернат, где быстро забыл русский язык.

Юношу ждала летная школа, десять лет армии, «странная война» 1939 — 1940 годов, которая и сегодня вызывает у него негодование. Некомпетентность и предательство — лишь два эпитета из многих, которыми он награждает явных и тайных петеновцев. Высказывается Фельдзер остро и открыто. Не потому ли бывший летчик-инструктор до сих пор не принят в Объединение ветеранов истребительной авиации? Видно, хорошая память у тех, кого он задел за живое.

ВИЗИТ К «КОРСАРУ» ЖО

— Саша, поехали к Пуликену! — слышу я как-то в телефонной трубке требовательный голос Константина. — Ты, наверное, не подозреваешь, что он еще жив и даже принимал советского посла.

— Где же это?

— В Инвалидах.

Парижский Дворец инвалидов построили по решению Наполеона для размещения многочисленных раненых и увечных Великой армии императора. Не все, однако, знают, что часть его помещений по-прежнему служит общежитием инвалидов и бывшим военным. Что ж, есть приятная возможность познакомиться с Жозефом Пуликеном, которому генерал де Голль в свое время поручил привезти в Советский Союз первую группу французских летчиков.

В свои 87 лет бывший полковник лихо передвигается в кресле-каталке. Когда-то он летал на бомбардировщике! «Когда-то» означает 1918 год. Жозеф Пуликен начал в пехоте, получил контузию, перекалывался в пилоты, воевал против немцев в небе весь последний год первой мировой войны. А после ее окончания был направлен в Чехословакию для участия... в боевых операциях против большевиков.

Не мог тогда молодой пилот «Блерио» представить себе, что два десятка лет спустя к тем же большевикам через Тегеран и Иваново он доставит группу французских летчиков и будут они учиться на советских самолетах вместе воевать против общего врага.

Сам Жо уже не летал, подготовкой и боями руководили другие. С осени 1942 года по февраль 1943-го жил он в СССР, а затем

М
У
Ч
И
Т
Р
Е
В
О
С
Т
Р
И
И
И

присоединился к французским частям в Великобритании.

— «Нормандия — Неман» исключительно много сделала, — подчеркивает Жозеф Пуликен, — для взаимопонимания между нашими странами. Популярность ее летчиков в Советском Союзе ни с чем не сравнима.

Раз а три гостил Пуликен у нас после 1945 года. Поклонился Сталину. С гордостью говорит об ордене Отечественной войны и медали «За победу над Германией», полученных от нашей страны. Поддерживает контакты с командиром дивизии, в которую входил полк «Нормандия — Неман», генералом Г. Захаровым и полковником С. Агавельяном, возглавлявшим в дивизии техническую службу. Счастлив был, когда в день его рождения советский посол в Париже принес ему в подарок альбом с фотографиями пилотов «Нормандии — Неман», большинства из которых, к сожалению, уже нет в живых.

— Кстати, слышал ли корреспондент, — спрашивает мой собеседник, — что вторым после меня человеком, привезшим в Москву французских пилотов, был присутствующий здесь Фельдзер?

Я вопрошающе смотрю на Константина. «Расскажу», — обещает тот. Но вот уже пора уходить. И на прощание я спрашиваю Пуликена:

— Что запомнилось вам в Советском Союзе больше всего?

— Патриотизм. Вы самая патристическая страна в мире. Ваш солдат фантастически силен. Чтобы не отдать гитлеровцам родную деревню, он был готов сжечь ее. Я и сегодня хочу выразить свое восхищение. Хорошо! — старательно выговаривает полковник по-русски. — Спасибо! — Также по-русски.

ЗИМОЙ — В ПОЛОТНЯНОМ КОСТЮМЕ

Подписание маршалом Петеном перемирия с Гитлером застаёт Фельдзера в Алжире. Оттуда на купленном катере с группой друзей-летчиков он вновь отправляется через Средиземное море, на сей раз в Гибралтар, чтобы присоединиться к английской армии. Но на берегу французов ждёт испанская полиция. Без долгих разговоров она передаёт незадачливых беглецов, выдающих себя за рыбаков, французской жандармерии.

Они бегут из тюрьмы, снова в Алжир. Однако за ними следят и по прибытии на берег Африки отдают под суд за «дезертирство», что карается тюремным заключением от 5 лет и больше или смертной казнью. Есть, правда, возможность избежать неприятностей: Фельдзеру предлагают отправиться в Париж и присоединиться там к «Легиию французских добровольцев против большевиков». Константин выбирает тюрьму в Африке.

В ноябре 1942 года в Северной Африке высаживаются американцы. Французская администрация переходит на их сторону. Константин просится на передовую. Но не тут-то было! «Дезертира» по приказу начальства держат как можно дальше от действующей армии. Назначение — в тыл. Тогда в июне 1943 года Константин посылает ходатайство о зачислении в эскадрилью, воюющую против гитлеровцев в Советском Союзе. И вновь отказ.

В одной из алжирских гостиниц Фельдзер находит недавно прибывшего туда советского представителя А. Вышинского.

— Хочу присоединиться к «Нормандии», — говорит он.

— Сам бог послал вас мне, — отвечает дипломат. — Из первой группы в 15 человек осталось всего трое летающих. Срочно ищите еще 10—15, а то и больше пилотов.

— Почему же вы, — недоумевает Константин, — отказываете всем?

— Мы никому не отказывали, — удивился, в свою очередь, Вышинский. — К нам вообще не поступали ни одной заявки...

Начальником кадров ВВС в Алжире оказался человек, близкий Петену. Не чем иным, как саботажем, ответил он на указание де Голля об отборе пилотов в «Нормандию». Но после встречи с советским представителем Фельдзер моментально находит добровольцев. Генштаб по-своему мстит им. Накануне отлета в СССР, в октябре, у них отбирают теплое обмундирование, оставив лишь полотняную униформу да запасной галстук.

Летать над бесконечной белизной, слышать в наушниках непонятную речь, жить среди тех, о ком слышал самое разное, делить с ними еду и питье, радость и горе, жизнь и смерть... Разговор об этом, вспоминает Константин, завел сам Вышинский.

ВЫЖИТЬ ВМЕСТЕ

Любопытную шутку сыграла с Фельдзером жизнь. Испугавшись революции и гражданской войны, ребенком увезли родители Константина из страны, давшей им кров и приют в трудные времена. А когда пришло время сознательного выбора, летчик нашёл свое место в общей борьбе с фашизмом рядом с советскими людьми. Нелегкой оказалась новая встреча с этой страной. Фельдзера сбили 1 августа 1944 года, после 10 месяцев боев, над территорией, занятой фашистами. Самолет взорвался, парашют долго не раскрылся, и его ведомый — им был де Сен Марсо, ныне генерал, — был уверен, что Фельдзер погиб. Так и сообщили долгим обходным путем семье Константина в Париж. Но он приземлился и был взят в плен. Вместе с советскими военнопленными повезли его в грузовом вагоне с кандалами на руках в глубь Германии. В лагере Ашафенбург, где их выгрузили, немец-фельдфебель «дружески» предупредил: «Отсюда ты живым не выйдешь, и никто не узнает, где и как ты пойдешь». Говорившего по-русски и сбитого на «Яке» Фельдзера посчитали советским. Он не протестовал. На его лагерную униформу пришили немецкие буквы «SU» — из Советского Союза.

Эти нашивки Константин хранит по сей день. Восемь месяцев смерть ходила рядом каждый день. Тех, кто пытался бежать, убивали безо всякого разговора — лопатой, киркой, прикладом. И все же трое стали готовить побег: лейтенант артиллерии Филипп Гуреев, капитан авиации дальнего действия Иван Грязнов и «русский француз» из «Нормандии — Неман».

В назначенную ночь заранее сняли наружный железный засов на ставнях барака. Втроем свернули набор внутреннюю железную решетку. По снегу неслышно подошли к колючей проволоке. Иван раздвинул ее заранее припасенными тряпками. Пересекли дорогу — и в поле. Перебежками, ползком, на четвереньках добрались до леса. Только тут почувствовали сильный мороз, который загнал в жилие охрану вместе с собаками.

6 марта 1945 года где-то неподалеку от Франкфурта началась их «одиссея». За месяц прошли они 50 километров до Рейна. Только вперед, вместе, как можно быстрее! Какая удача, что Филиппу удалось сохранить миниатюрный компас, который не дал им сбиться с пути! Шли по ночам, в светлое время прятались где придется: в стоге сена, под деревом, в кустах. Ели только днем из страха потерять хоть крошку хлеба.

Но из ночи в ночь двигались все медленнее. Драматической была каждая встреча с речкой или даже ручьем. Переправляться означало промочить и заморозить обувь и одежду. Поворачивали вверх по течению и шли до тех пор, пока не находили переправу.

Иногда удавалось набить живот сырой свеклой, однако голод не проходил. У Константина начались галлюцинации: он видел пальмы, фруктовые деревья, много солнца, чувствовал на лице его лучи. Теперь они уже были не в состоянии пройти без остановки даже несколько сот метров.

Однажды над ними появился «мессершмитт». Но что это? Вокруг него вспыхивали облачка разрывов. Не сошли ли с ума фрицы, стрелявшие по своим? Истребитель рухнул на лес. Неужели близко союзники?

Через день на опушке они действительно обнаружили американские танки «шерман». Посовещавшись, решили отправить на разведку Константина, говорившего по-английски. Найти командира, заставить его выслушать всю историю, объяснить тому, чего же хочет небритый человек в лохмотьях, выдававший себя за военного летчика, оказалось совсем

непросто. Фельдзера повезли на КП батальона в соседнее местечко, потом еще куда-то.

После ночи допросов, когда все стало на свои места и Константин уговорил американцев поехать за товарищами, выяснилось, что неизвестно, куда следует ехать. Танковая часть, которую они увидели на опушке, ушла вперед, название деревни он не знал, спросить, откуда его привезли, не у кого. Константин попал в пересыльный лагерь, а оттуда во Францию, где его никто не ждал.

Старший брат, оставшийся в оккупированном Париже, погиб в отряде Сопротивления. Младший погиб в самолете в бою с гитлеровцами. Получив извещение о его смерти в далекой России, не ждала мать и среднего.

* * *

В Москву Фельдзер попал лишь в 1946-м, в День авиации. А потом пришла другая, «холодная война». Что прикажете делать человеку, которого бои, концлагерь, побег сблизил с советскими людьми? Крепкий и независимый характер стоил Константину карьеры: проработав несколько лет в авиационном музее, он вышел в отставку капитаном. И стал налаживать торговые связи и сотрудничество между двумя нашими государствами. Тем более что имя и принадлежность к полку «Нормандия — Неман» открывали многие двери. Да и людей он знал, язык. Вот как свела его вновь жизнь с Советской страной.

В 1957 году, приехав на фестиваль молодежи в Москву, взялся Константин искать друзей. Два года спустя, во время съемок советско-французского фильма «Нормандия — Неман», в создании которого он принимал участие, обратился даже к помощи к телезрителям. И что ж? Позвонил ему домой, в Париж, как-то вечером Филипп Гуреев из Ленинграда. Француз так разволновался, что не смог вымолвить ни слова. Живым оказался и Иван Грязнов — в Ростове. Год спустя они встретились в Киеве.

Не раз виделись с тех пор товарищи по побегу. Но тревожит мой собеседник: три года нет от Грязнова новостей, не случилось ли чего? И потому в письме для журнала просит откликнуться Ивана или его родных. А Филипп пишет в Париж исправно. На днях помогал я разобраться моему французскому другу в витиеватом гуреевском почерке.

Как в трудные, так и в добрые времена сводила этого человека судьба с нашей страной. Получается, что век, которому он почти ровесник, проходит для Константина под флагом двух государств. Хотя завтра готов он сам полететь в Москву или провин в своем домике, в парижском пригороде Мудон, гостей из Советского Союза, дать совет французам — путешественникам по СССР. Вслед за знаменитым французским писателем-летчиком Антуаном де Сент-Экзюпери твердо считает пилот «Нормандии — Неман», что нет на свете ничего важнее человеческого общения, стремления понять и помочь другу.

Соб. корр АПН,
специально для «Огонька»

Париж.

В перерыве между боями весной 1944 года. Слева направо: Константин Фельдзер, штурман одного из советских авиаполков Борис Козин, летчик «Нормандии — Неман» Жозеф Риссо, ныне генерал.

И предположить не смел, что популярную мелодию можно так взмылить. Буквально. Взять брусок мыла и написать на его упаковке: «Катюша», туалетное мыло, группа «экстра». Слова М. Исаковского, музыка М. Блантера. Восемь гривен за брусок. Намылится и спел? Хотя бы один куплет, четверостишие, вот оно — услужливо на той же упаковке: «Расцветали яблони и груши...» Если же есть намерение исполнить всю песню, выкладывая четыре рубля, покупай всю упаковку: четыре мыльных кусочка, на каждом отсчитано нечто музыкальное — вроде бы скрипичный ключ и нотные линейки. Но не это главное. Сюрприз на самой этикетке. «Любимые мелодии» — написано на коробке. Четыре пес-

ни: «Огонек», «Синий платочек», «В землянке», «Катюша».

...Уж сколько раз твердили миру... Однако не буду повторяться, отложу назидательность, попытаюсь объяснить — хотя бы себе, — откуда такая бесцеремонность, почему так охотно мыльные фабрики демонстрируют отсутствие такта. Я позвонил в парфюмерное управление да и в объединение, где делают «музыкальное» мыло, никто мне толком ничего объяснить не мог. Но, похоже, немного обиделись. И почувствовал я скрытое раздражение: вот мол, пустиками интересуются. Если бы мыло было плохого качества, тогда другое дело.

...Но не только мыловары берут первое попавшееся под руку название и наклеивают его на товар. Помню, хлынул на прилавки «нок». Не повар с корабля. «Комплексный Очиститель Кухни». Товароведы не дадут соврать: до сих пор выпускается «Рица» — не озеро, а «моющее жидкое средство», «Элита», «Рекорд», «Огонек». Только что показали мне надпечатку на пакете с «топливом высококалорийным». Применяется для приготовления пищи на открытом огне». Как называется? «Огонек», конечно же. На большее фантазии не хватило... Поинтересовался как-то, принимают ли словесники участие в «крестинах» новых товаров. Такое мое предложение даже обидело некоторых собеседников с заводов и фабрик. Дескать, сами с усами... И забывается простая истина: название товара должно хоть немного соответствовать его назначению. Если нет ассоциации между изделием и его именем — это плохое имя. Или плохой товар, который хотят прикрыть звонким названием?

Б. КИН

НОВИНКА С... БРАКОМ?

«Госстандарт рассмотрел статью Р. Антоновой «Новинка с... браком?» и отмечает, что автором поднимается важный и злободневный вопрос». Такими словами начинается письмо в редакцию заместитель председателя Госстандарта СССР В. Юницкий. Напомним: в публикации («Огонек» № 6, 1986) разговор шел о том, что качество новых товаров народного потребления должно быть вне подозрений... Но неприятия все еще ищут лазейки для того, чтобы качество товара никак не соотносилось с его новизной, с индексом «Н» (новинка).

Только за прошлый год Госстандарт был вынужден более 13 тысяч (тринадцать тысяч!) раз запрещать реализацию проверенных товаров народного потребления. Однако, говорится в письме, такие выборочные проверки «не могут обеспечить полное исключение поставки в торговую сеть недоброкачественной продукции». Как же быть? В. Юницкий полагает, что «основным заслоном на пути поступления недоброкачественных товаров на прилавки магазинов должны выступать органы торговли, которые обязаны осуществлять сплошной контроль качества товаров». В. Юницкий пишет, что было бы целесообразно разработать такую систему экономического стимулирования и ответственности продавцов и других работников торговли, «при которой продажа бракованной продукции была бы невыгодной». Редакция надеется,

что Министерство торговли СССР и Центросоюз выскажутся по проблемам, которые касаются буквально всех: ведь каждый бывает покупателем, и, напомним еще раз, далеко не всегда покупки приносят удовлетворение.

А пока проблема сплошной (а не выборочной) проверки товаров перед продажей не решена, Госстандарт ведет важный эксперимент: продукцию принимают и дают ей оценку не ведомственные, изрядно запятнавшие свою репутацию ОТК, а представители Госкомитета СССР по стандартам.

Размышляя о пути нового товара к покупателю, В. Юницкий сообщает нам, что Госстандарт полностью разделяет высказанное автором статьи «Новинка с... браком?» мнение, что «положения о товарах с индексом «Н» должны «содержать в себе не только требования новизны и соответствия моде, но и повышенного качества, что предусмотрено самим названием таких товаров». Госстандарт возражает против все еще бытующей и очень удобной для бракоделов практики, когда индекс «Н» ставится на «товары пониженных сортов, имеющих производственные дефекты». Однако Госкомитет СССР утвердил инструкцию (о ценах на новые товары. — Ред.) без учета замечаний Госстандарта, отмечает В. Юницкий.

Появился еще один адрес тех, кто потворствует бракоделам? И хотелось бы узнать, по каким мотивам Госкомитет отверг предложение Госстандарта? Отчего не поинтересовался у покупателя: нравиться ли тому новинка с браком? Это вопросы не риторические. Пока Госкомитет ведет свою работу если и не в обстановке секретности, то и без особой гласности. Тот факт, что ныне потребитель никак не участвует в оценке достоинств той или иной вещи, вовсе не способствует и улучшению ценообразования. Гласность никому из тех, кто делает дело с полной ответственностью, еще не мешала...

Качество — категория не только экономическая, но и нравственная. Во всяком случае, на настроение людей оно, качество, влияет в значительно большей мере, чем многими принято считать.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА

Рис. Н. БЕЛЕВЦЕВА

ТРЕНИРОВКА

ЮМОРЕСКА

Олег СОСНИЦКИЙ

— Невесты, стройся! — скомандовала женщина лет сорока в спортивном костюме. — Сегодня очередные занятия нашей спортивной секции «Будь готова к семейной жизни». Итак, будущие невесты, в нашей группе подготовки жен вы должны на это отвечать: «Всегда готовы!» А теперь начнем тренировку.

Сначала разминка. Помахали опущенными руками туда-сюда, туда-сюда, будто веником. Потом взяли клюшки в ручки и сновисто повели шайбу к воротам, точно веником мусор к ведерку. Очень полезное упражнение для домашнего хозяйства. Теперь подняли руки вверх, замахали ими, как лебедушки. Это уже упражнение — «побелка потолка».

Теперь возьмем теннисные ракетки. Приготовились: удар по мячу, еще удар! Отработайте «резаный» удар, с лета пытайтесь бить еще сильнее! Когда будете дома выбивать ковры, эти навыки вам пригодятся, заранее надо себя готовить к этому. Вот теперь все — достаточно. А расслабляться и отдыхать вам никак нельзя! Вы должны полностью почувствовать домашние условия жены, чтобы загодя знать, что вас ждет. Как говорил поэт: «Любовь — не вздох на снамейке и не прогулки при луне». А он знал, что говорил...

Теперь упражнение «мытье полов». Наклонили туловище вперед, руками достали пол и начали активные круговращения. Не останавливайтесь! длительность упражнения — полчаса на однокомнатную квартиру, час на двухкомнатную. На всякий случай готовьтесь к трехкомнатной!

Закончили. Кто не может самостоятельно разогнуться, пусть подружки помогут. А теперь займемся бегом. Итак, на старт, внимание... Звонок будильника! Рванули хорошо, одолеваем

барьеры... Один, еще один... Помните, что они имитируют завтрак вашего мужа, сбор ребенка в садик и выпроваживание их обоих. Скорость, скорость поддерживаем — представляем себе, что опаздываем на работу. Быстрее бежим! Земля должна гудеть под вами! А вот и финиш: мы его специально в виде заводской проходной сделали. Все вложились в контрольное время — молодцы!

Немного посидели, а теперь марафончик. Это уже как пробежка по магазинам после работы. Бежим трусцой, скачем, иноходью идем. Вон та девушка — молодец, прекрасный спурт! Но только не в ту сторону. Что говорите? Ах, она раздумала замуж выходить. Ну что ж, бывает и такое: не каждому по плечу семейная жизнь...

Но продолжаем тренировку. Сейчас все взяли в каждую рученьку по двухпудровой гиришке. Они имитируют хозяйственные сумки. Подняли их и дружно побегали стометровку. Быстрее, еще быстрее. Вообразите, что впереди остановился трамвай и, если вы на него не успеете, вам придется бежать с гиришками еще метров чотыреста...

У кого уже нет сил бежать, пусть ползет. А вот прятать гири под лавку нехорошо, я упражнение не засчитаю. И улыбайтесь, улыбайтесь все время! Мужчины не любят, когда у их жен несчастные лица.

Теперь в полном одеянии в сауну. Именно здесь начинаем в бешеном темпе передвигать мячи с верхней полки на нижнюю и наоборот. Мячи имитируют кастрюли. Температуру в сауне доведем до кипения, чтобы полностью воссоздать условия кухни. Вот еще две кандидаты в жены сбежали, а одну пришлось вынести...

Переходим к водным упражнениям. Опустили свои руки в тазик с кипятком и быстренько, весело начали тереть их одна о другую. Хорошо бы еще побольше пара из чайника в свою сторону направить: полная иллюзия стирки белья...

СОВЕТЫ

Провожать и то надо по уму, а уж выпроваживать — тем более.

Для того чтобы в выходной день восстановить душевное равновесие, необязательно нарушать экологическое.

И. ИВАНЮК

КАЛЕЙ

О, ЛИФТ...

Из цикла «СУДЬБИННОЕ»

Своих высоких жанд не утолив,
Не раз входил
в чужое положение...
Но полюбил снижающийся лифт
За чувство
неизбывного снижения!..

На свой этаж поднявшись,
как взорлив,
Как славно сознать,
что вот я дома.
Люблю я поднимающийся лифт
За мощь его судьбинного
подъема.

Пускай пройдут не годы,
а года
Иль вовсе не пройдут —
неважно это.
Я понял: без людей
я никуда,
Застыв однажды в лифте
в стиле «ретро».
Поэту все назначено судьбой,
Как если бы прописано
лекарство.
Мой лифт помог мне стать
самим собой,
Помог до мелочей
не опускаться.

Я ж на подъеме на лифте
не тяжел,
Сам расквашаюсь
с собственной винойю.
В одном вы правы:
да, мой лифт ушел.
Но он ушел — вы слышите! —
со мною.

Пускай давно я стал
уже не тот,
Сам разберусь, что мнимо,
что судьбинно.
Мой стих — как лифт!
Он дальше не пойдет.
Я попрошу освободить кабину!

В ПЕЩЕРАХ АЛТАЯ

Спелеологи Новосибирского университета, вернувшиеся из экспедиции в пещеру Алтайскую, которая находится в районе поселка Калмак, обнаружили там ряд новых залов, галерей, пропастей.

Вход в Алтайскую был вскрыт новосибирцами и барнаульцами еще в 1978 году. Спустя четыре года спелеологи НГУ открыли три старых русла рек, поднявшись по стенам с нижнего этажа на верхние. Размеры пещеры поражают воображение — это одна из самых крупных пещер в регионах Сибири и Дальнего Востока. Тогда было обследовано далеко не все, пещера, по существу, осталась неизученной. Поэтому экспедиция повторилась.

Несколько дней спортсмены, члены клуба спелеологов «Каскад» НГУ, штурмовали трудные, часто с отрицательным наклоном стены. Подобные восхождения в таких условиях были первыми в нашей стране и, по-видимому, не последними: в новых системах открыты пропасти внушительных размеров и глубиной от 40 до 100 метров. По данным газеты «Советская Сибирь», подробно рассказавшей своим читателям о новой экспедиции ученых, работы по изучению пещеры Алтайская будут продолжены в самое ближайшее время.

У ДУБА...

Представьте себе, каково было изумление первых посетителей нового магазина, открывшегося на территории Ровенского льнокомбината, когда между полками от пола до потолка они замечали красивый и — самое главное — неправдоподобных размеров ствол дерева.

Да-да, дерева. Впрочем, в первую минуту его можно было принять за своеобразное украшение интерьера, «живое» панно или, может быть, за опору, поддерживающую потолок.

Оказалось, что это не то и не другое. Когда на комбинате задумали построить магазин, единственное место, которое нашли для его строительства, оказалось уже занято. Там рос красивый большой дуб. Вот люди и пожалели дерево, решив «поселить» его в помещении. Зато как красиво: теперь крышу магазина осеняют ветви могучего дерева, надежно защищая ее и от солнца, и от дождя...

ТЕПЛОХОД НА КОЛЕСАХ

Помните, на каком корабле плывут герои «Волги-Волги»? Сегодня колесные пароходы можно увидеть разве что в кино, они давно стали достоянием истории нашего морского и речного пароходства.

И все же...

Одну из самых многообещающих перспектив в развитии современного речного флота ленинградские корабли, оказывается, связывают все с тем же старинным гребным колесом. Для малых рек Сибири и Дальнего Востока нужны суда небольшой величины, способные легко маневрировать и двигаться по мелководью. Этим требованиям как нельзя лучше отвечают колесные теплоходы, на реках Сибири и Дальнего Востока они появятся в самое ближайшее время.

Так что не удивляйтесь, увидев колесный теплоход, не считайте его неким анахронизмом. Они сделаны по последнему слову техники.

Впрочем, давно же известно: новое — это хорошо забытое старое...

Рис. В. ВОЕВОДИНА

Рис. В. ФЕДОРОВА,
г. Челябинск.

Рис. Н. БЕЛЕВЦЕВА

Рис. В. ВОЕВОДИНА, г. Москва.

РАСПАШОНКИ НА ЗАКАЗ

Сшить распашонки на заказ пришлось для мальчика, который родился в станице Наурской, что находится в Чечено-Ингушетии. Распашонки, приготовленные бабушкой, оказались просто малы: вес новорожденного богатыря — 7 килограммов, рост его — 78 сантиметров.

Это второй ребенок двадцатидевятилетней Надежды Симоненко. Первая девочка также весила немало — 4900 граммов.

Живет и работает Надежда в поселке Червоный Харьковской области. Новорожденного богатыря назвали Александром.

ПОМОГЛИ ЛЮДИ...

Увидев диного кабана на околице, жители белорусской деревни Кипячи не поверили своим глазам. Всякое бывало в деревне, которую со всех сторон окружают леса: то лоси забредут, то лисица повадится кур таскать. Но чтоб кабан — такого еще не бывало! Дикие кабаны известны своей осторожностью. А если и происходят случайные встречи с людьми, то они сразу становятся резко агрессивны. Но, внимательно приглядевшись к лесному гостю, колхозники, среди которых были и опытные охотники, сразу же поняли причину его покорности: острая волосатая пасть кабана оказалась в своеобразном «напкане», которым стала большая стальная петля от троса трактора. Очевидно, кабан попал своей мордой в эту петлю, рванулся и оборвал трос. Силища в нем ведь необыкновенная...

Вместе с егерем местного лесничества Н. Никифоровым смельчаки помогли кабана избавиться от петли и даже отвезли его в лес, оставив ему на прощание мешок кормов — пусть поправит здоровье...

С ЧЕРДАКА В МУЗЕЙ...

Не выходя из собственного дома, совершил экскурсию в древнюю историю своего города житель Вологды Д. Кичин. Разбирая на чердаке старые вещи, он обнаружил в связке журналов ценнейший архив.

Среди наиболее интересных документов — копия грамоты, подписанной Иваном Грозным, о преследовании разбойников — «лихих людей». К событиям «смутного времени» возвращают грамоты Дмитрия Самозванца и челобитные граждан и крестьян об «обидах». Здесь же грамоты Петра Первого, отправленные в Вологду. А записи, сделанные в приходно-расходных книгах Вологодского архиерейского двора, дают представление о том, как велись хозяйственные дела в XVII веке.

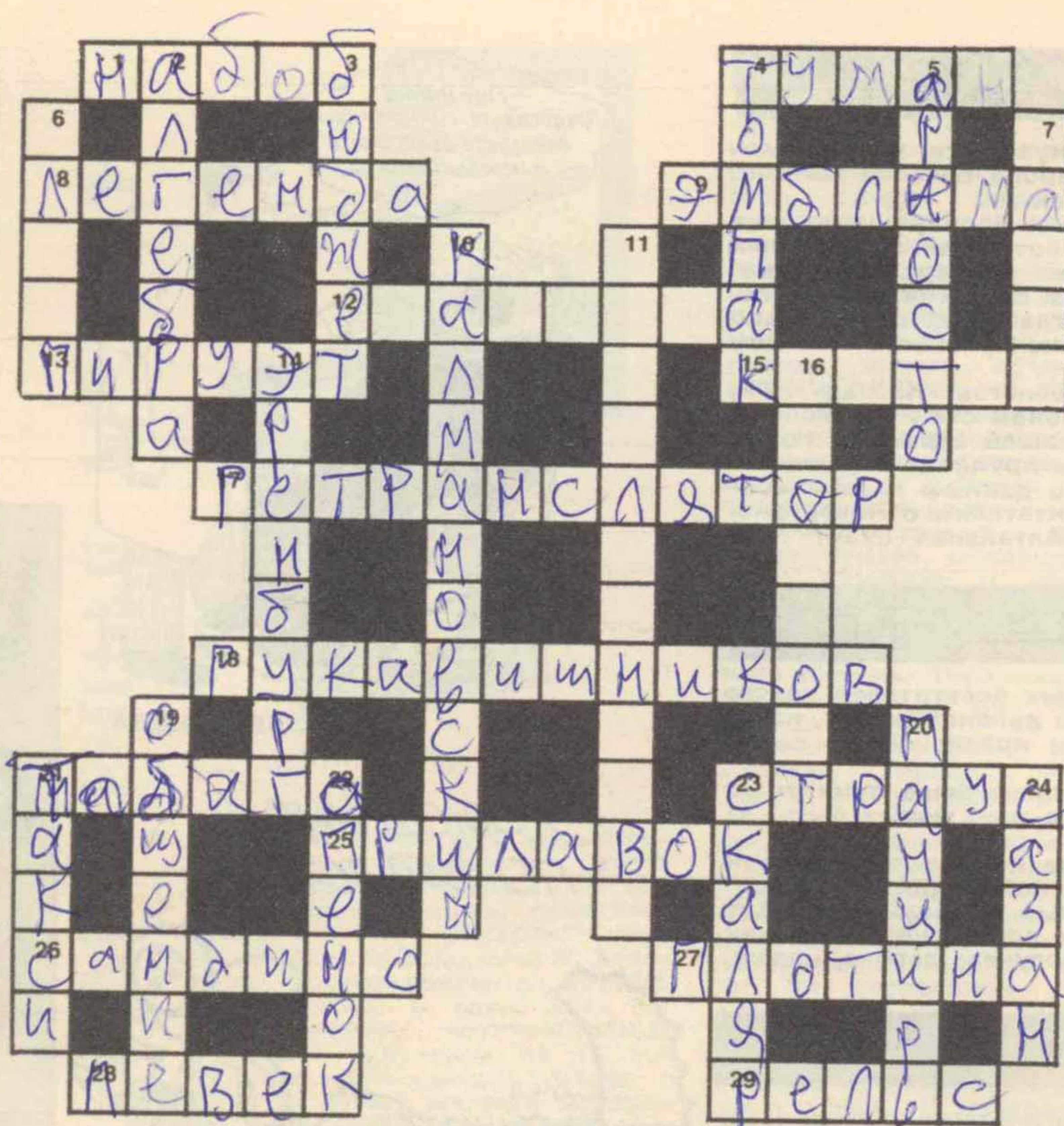
Ученым предстоит внимательно изучить находку Д. Кичина. Все материалы займут свое место в экспозиции местного краеведческого музея.

ТИГР ПРИШЕЛ В ГОСТИ...

Это случилось в Буяновском лесничестве. Рано утром из свинарника работницы Е. Кривошеиной раздался истошный визг. Бросившись к сараю, Е. Кривошеина увидела, что в самом его центре, на подстилке, пригнанной для свиней, расположился огромный тигр. Он уже «закусил» одной из свиней и теперь, очевидно, отдыхал.

Когда соседи, прибежавшие с ружьями, подняли пальбу, зверь даже не пытался выскочить из сарая. Тогда хозяйка обратилась за помощью к милиции. Как выяснили опытные охотники, тигр был настолько стар, что уже не мог выслеживать и охотиться за таежной добычей.

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька».

По горизонтали: 1. Роман А. Доде. 4. Воздух, насыщенный водяными парами. 8. Литературное произведение с поэтическим вымыслом. 9. Символическое изображение идеи, понятия. 12. Певница, народная артистка СССР. 13. Оборот в балете. 15. Химический элемент, инертный газ. 17. Устройство, промежуточный пункт линии радиосвязи. 18. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 21. Остров в Атлантическом океане. 23. Крупная птица, обитающая в Африке. 25. Специальный стол для продажи товаров. 26. Национальный герой Никарагуа. 27. Гидротехническое сооружение. 28. Город в Якутии. 29. Стальной брус на шпалах железнодорожного полотна.

По вертикали: 2. Часть математики. 3. Смета доходов и расходов государства, предприятия. 4. Сплав, латунь. 5. Итальянский писатель периода Возрождения. 6. Инструмент для нанесения наружной резьбы. 7. Промысловая пресноводная рыба. 10. Композитор, автор песни «Хотят ли русские войны». 11. Персонаж пьесы В. В. Маяковского «Баня». 14. Советский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 16. Город в Великобритании. 19. Деловая, дружеская связь. 20. Оборонительный доспех в древности. 21. Вид городского транспорта. 22. Съедобный гриб. 23. Величина, каждое значение которой определяется одним числом. 24. Ценная промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Верещагин. 8. Солодка. 9. Третьяк. 12. Патент. 13. Страз. 15. Щепкин. 18. Дискофил. 19. Открытка. 20. Абрикос. 21. Ползунов. 23. Каспаров. 25. Анализ. 26. Шхара. 29. Шелонь. 32. Ракетка. 33. Миндоро. 34. Гостиница.

По вертикали: 1. Препарат. 2. Пластика. 3. Келдыш. 4. Никель. 6. «Торпедо». 7. Пякупур. 10. Барселона. 11. Викторина. 14. «Родинка». 16. Глава. 17. «Тоска». 22. Узловая. 24. Палитра. 27. Характер. 28. «Раймонда». 30. Футбол. 31. «Синица».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Этот снимок войдет в историю мирового спорта. В борьбе за золотую медаль Игр доброй воли Владимир Сальников установил мировой рекорд в плавании на 800 метров вольным стилем. На пьедестале почта: Эдуард Петров, Владимир Сальников и Син Киллион (США). (См. в номере материал «От дружбы в спорте — к миру на земле».)

Фото А. БОЧИННИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дрессировщик Игорь Петрухин.

Фото Г. ПОЛЯКА

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-20; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономки быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 27.06.86. Подписано к печати 08.07.86. А 02003. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1838. Заказ № 2999.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

новая рубрика

новая рубрика

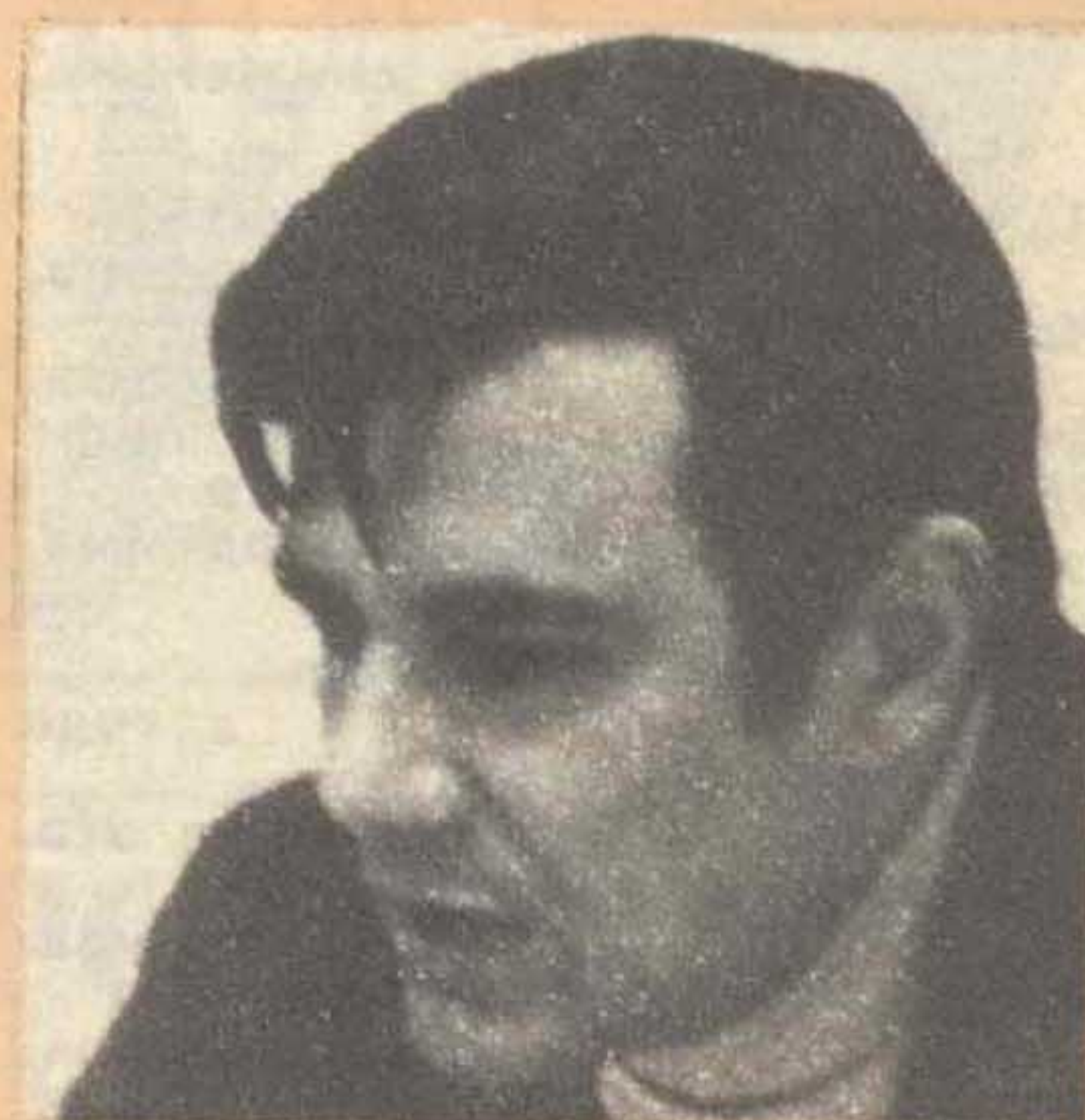
новая рубрика

новая рубрика

Что выбрать из множества передач ЦТ! Эту проблему мы решаем ежедневно. «Огонек» предлагает новую рубрику, где вы сможете прочитать рассказ о предстоящей телепремьере, обзор передач, вызвавших наибольший интерес, рецензию на спорную программу, сердитое или благодарное письмо телезрителя. Итак — «Передачи, которые мы выбираем».

«В ТЕ ГОДЫ»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ЦТ ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО РАССКАЗЫВАЕТ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ НИКАРАГУАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ:

дин из самых памятных и драматических эпизодов никарагуанской революции — продолжавшийся несколько часов бой революционера Хулио Буйтраго с отрядом сомосовцев. Это сражение сотен солдат против одного человека было снято тогда кинооператорами, показано по телевидению и потрясло всю страну. Однако те документальные кадры не сохранились. Фильм «В те годы» реконструирует, восстанавливает средствами художественного телекино героическую страни-

цу истории революции. Операции революционеров, встречи на конспиративных квартирах, схватки с сомосовцами, одним словом, трудные будни революции — такова главная, точнее говоря, единственная тема фильма.

На втором Международном фестивале кино, телевидения и видеофильмов в Рио-де-Жанейро в 1985 году лента «В те годы» получила первую премию как лучший игровой телефильм. Первая работа «Сандинистской системы телевидения» не лишена, конечно, недостатков, но они вполне искупаются искренностью и взволнованностью людей, которые делали картину.

АВТОР СЦЕНАРИЯ ЛЕОНИД ЗАГАЛЬСКИЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «ТАЛАНТЛИВЫЕ ДЕТИ»:

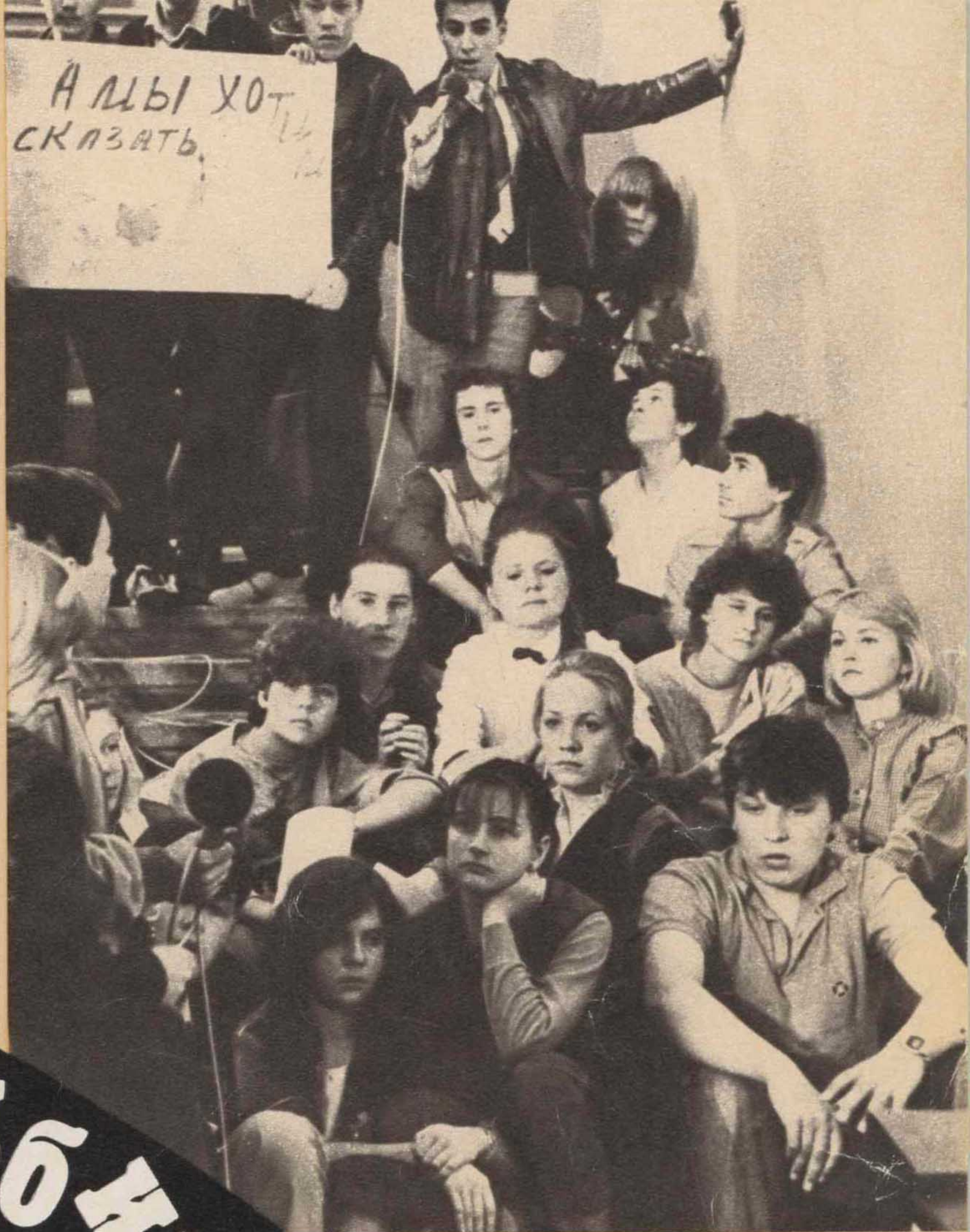
Редко кто жалуется на свои способности. Большинство сетуют на свою судьбу. Ведь известно, что каждый человек может добиться выдающихся результатов, если будет расти в благоприятных условиях.

Наш фильм о детстве. О ностальгии каждого взрослого, который думает о том, чего в жизни не успел. Наш фильм для детей и взрослых. Чтобы дети увидели, как с самого раннего детства можно многое успеть сделать такого, что если и не станет самым главным, то уж наверняка придется на всю жизнь. А взрослые... Пусть они поймут, что нельзя разбазаривать те потенциальные задатки, которыми обладают наши дети. Именно им своей взрослостью открывать XXI век...

Урок музыки дает композитор Григорий Гладков.

ВЗГЛЯД С 12-го ЭТАЖА

Которые мы выбираем

12
ЭТАЖ

Э

то стало возможным совсем недавно и было так неожиданно: взрослые люди, призванные отвечать за решение важнейших жизненных проблем, просто-напросто терялись перед прямыми и глубокими вопросами подростков.

Так пришла и телезрителям передача Главной редакции программ для молодежи ЦТ «12-й этаж».

Ну а очередная, ближайшая передача? О чем она?

— Нравятся ли вам новые жилые районы наших городов? Застроенные сплошь и рядом стандартно, уныло и настолько однообразно, что, как в фильме «Ирония судьбы», нетрудно перепутать один город с другим? — с этих вопросов начала свое мини-интервью «Огоньку» корреспондент передачи Олеся Фокина. — Считаете ли вы, что исчезает лицо города, его индивидуальность? И нужно ли такой ценой решать жилищную проблему? Думаете, что у современных архитекторов нет полета фантазии? Напрасно...

Знаете Кропоткинскую улицу в Москве, где памятник Ф. Энгельсу, а за ним зияет провал на месте снесенного дома? Так вот, Союз архитекторов СССР объявил конкурс на лучшую идею «освоения этого места». Владимир Ходнев, представивший проект намерного театра, получил первую премию. Но проект пылится в столе... Что же мешает воплощению в жизнь смелых замыслов молодых архитекторов? И кто конкретно? И есть ли выход, чтобы не гнать строительство по одной отработанной схеме?

У молодых, кроме вопросов, есть и свои мнения, реальные решения. Они и наша передача вместе с ними выступают в защиту индивидуальных проектов при строительстве молодежных жилищных комплексов. Что могут возразить им строители, какие аргументы используют представители ГлавАПУ, Госгражданстроя, Мосархпроекта? Словом, как и раньше, телезрители становятся свидетелями острой схватки мнений — того, чем больше всего и привлекает передача «12-й этаж».

ЧТО ТАКОЕ КВН?

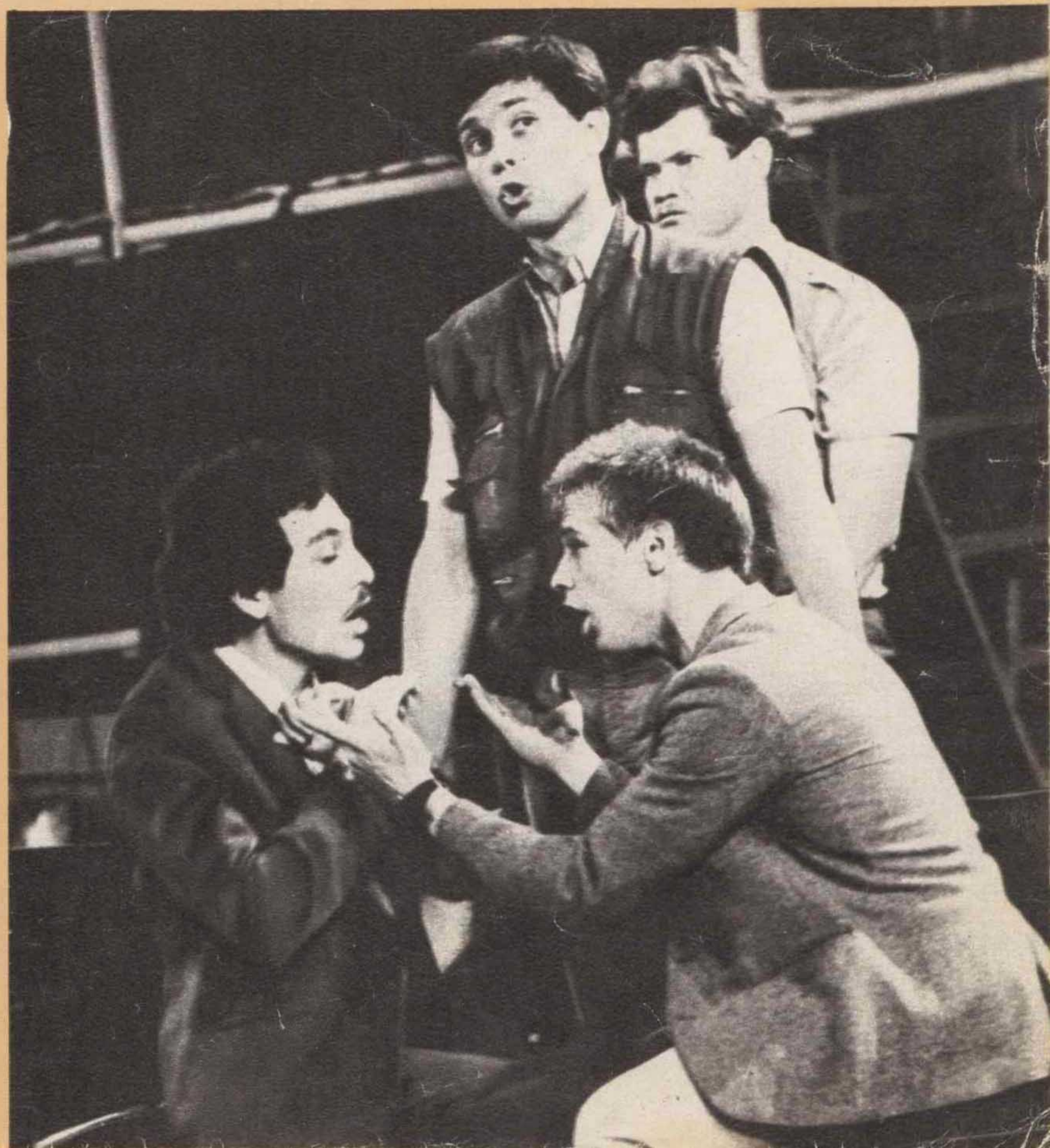
О

дин юный поклонник дискотек ответил так: «...Кажется, это конкурс, на котором кто-то поет...»

— Незнание этой некогда очень популярной телепередачи нас, «кавээшников» шестидесятих годов, огорчает, — говорит Андрей Меньшиков, редактор программы КВН-86. — Возрождая Клуб Веселых и Находчивых, мы решили сделать эту передачу сатирической. Соревнуются студенты двух строительных институтов — московского и воронежского. И

один из конкурсов имеет непосредственное отношение к строителям. Жюри читает конкретное письмо. Жильцы одного дома жалуются на строителей. И вот задание нашим командам: придумать такую жалобу, чтобы она наконец была услышана. Вообще конкурсов будет много. Судят команды наши старые знакомые, принимавшие участие в КВН прошлых лет, — С. Жильцова, А. Аксельрод, С. Муратов... Кстати, интересно, как в свое время КВН повлиял на судьбы ребят, которые выступали в командах. Например, Юрий Макаров — бывший капитан одесского КВН, теперь драматург, член нашего жюри. Или Борис Салибов из той же команды, инженер, а теперь пишет музыкальные комедии. Он же, кстати, автор этой передачи. Сам я был капитаном команды МИСИ. Так что, как видите, все мы остались верны нашему клубу!

...Они из команды МИСИ.

Будь я кинорежиссер, обязательно снял бы фильм об Игоре Петрухине. Он один способен заполнить программу из двух отделений. Первоклассный дрессировщик медведей (разве только уступит Рустаму Касееву, руководителю аттракциона «Танцующие медведи»), великолепный силовой жонглер, с легкостью перебрасывающий многопудовые гири, а может еще показать дрессированных питонов, собак, коз, номер «Каратэ»...

Рос без отца. Мать — ткачиха. В мальчишеские годы слыл грозой микрорайона. А теперь широко образован, добр и отзывчив — просто идеальный человек! Встает в шесть утра. Репетирует. Два-три часа занимается спортом. Не знает вот уже более двадцати лет, что такое никотин и алкоголь: далек от артистической богемы. Это и позволяет ему держать форму.

Увидите афишу с его именем, посмотрите представление, и вы убедитесь в правоте моих слов: Игорь Петрухин — звезда нашего цирка.

Владимир ШАХИДЖАНЯН

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663